

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Турыгина Наталья Валерьевна

**РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ ВО ФРАНЦИИ В ГОДЫ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Специальность 07.00.02 — Отечественная история

**ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

Научный руководитель – доктор
исторических наук, профессор
Хрисанфов Валентин Иванович

Санкт-Петербург
2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА И ИСТОРИОГРАФИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	12
1.1 Источники.....	12
1.2 Историография.....	23
ГЛАВА 2. РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ ВО ФРАНЦИИ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В КОНТЕКСТЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЕВРОПЕ.....	45
2.1 Численность русской эмиграции в 1930-е гг.....	45
2.2 Правовой статус русской эмиграции во Франции накануне и в годы Второй мировой войны.....	57
2.3 Русская эмиграция и еврейский вопрос накануне и в годы Второй мировой войны.....	68
ГЛАВА 3. ОТНОШЕНИЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ ВО ФРАНЦИИ К СССР И ЕЕ УЧАСТИЕ В СОБЫТИЯХ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....	80
3.1 Русская эмиграция и советско-финская война.....	83
3.2 Коллаборационизм русской эмиграции во Франции в годы Второй мировой войны.....	97
3.3 Патриотизм и космополитизм русских эмигрантов во Франции в годы Второй мировой войны.....	114
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	134
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	140
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И АББРЕВИАТУР.....	175
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	176
Приложение 1. Bundesarchiv. Norddeutscher Bund und Deutsches Reich (1867/1871-1945). R 70 FRANKREICH Deutsche Polizeidienststellen in Frankreich /31. S. 26- 44, 71-76. Examen ethno- racial.....	176
Приложение 2. Сводная таблица по судебным делам о принадлежности к еврейской расе в отношении эмигрантов из Российской империи.....	184
Приложение 3. Анкета русских эмигрантов «» августа 1941 г.....	188
Приложение 4. Песнь партизан (рус. и фр.).....	189
Приложение 5. A bas le marché brun (Карикатура на оккупационный режим).....	190

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Русская эмиграция как массовое явление на мировой арене международных отношений появляется после окончания Первой мировой войны, Октябрьской революции и гражданской войны в России. Именно тогда формируются термины «политический беженец» и «апатрид», которые определяют социально-правовой статус новой категории иностранцев на территории зарубежных государств.

То, что эти вопросы возникают в последнее время в связи с иными событиями, требует более глубокого анализа предыдущих попыток контролировать миграционные потоки, чтобы избежать повторения неблагоприятных сценариев.

Актуальность исследования обусловлена также и необходимостью грамотного построения диалога государства со своими соотечественниками за границей. В критических условиях и военных угрозах не только соотечественники, но и апатриды не забывают о своей родине, и мудрая внешняя политика страны в их отношении имеет и стратегические задачи.

Русская послереволюционная эмиграция, несмотря на утрату гражданства и неприятие большевизма, никогда не забывала о родине. Термин «родина» стало одним из наиболее употребляемых. О родине говорили, на родину стремились, ее интересы и будущее обсуждали едва ли не на каждом углу несуществующего государства «Зарубежной России».

Начавшаяся Вторая мировая война стала вызовом их рассуждениям о родине. Кто-то ограничивался общими разговорами и размышлениями, а кто-то нашел пути воплощения своих не только патриотических, но и псевдопатриотических стремлений на практике.

Цель данного исследования – дать характеристику деятельности русской эмиграции, проживавшей в годы Второй мировой войны в одном из политических и культурных центров русского зарубежья – Франции. Любая характеристика включает в себя качественную и количественную оценки, и в задачи научной работы входит:

- теоретически осмыслить и обобщить выявленные архивные и опубликованные источники по исследуемой проблеме;
- определить численность, правовой статус и социально-экономические условия существования русской эмиграции во Франции накануне и в период Второй мировой войны;
- охарактеризовать основные модели поведения русской эмиграции во Франции в годы Второй мировой войны;
- выявить мотивы тех или иных действий;
- проанализировать восприятие русской эмиграцией понятий «родина» и «патриотизм», особенно трансформацию отношения к родине после нападения фашистской Германии на СССР;
- проанализировать и количественно оценить коллаборационизм русской эмиграции во Франции;
- проанализировать и количественно оценить участие русских эмигрантов во Франции в движении Сопротивления;
- реконструировать на основании имеющихся источников повседневную жизнь русской эмиграции во Франции в годы Второй мировой войны.

Объектом исследования является русская эмиграция во Франции накануне и в годы Второй мировой войны.

Предметом исследования является численность русской эмиграции во Франции, ее социально-правовой статус и его эволюция в годы войны, отношение к СССР до и после нападения Германии, формы ее участия в событиях Второй мировой войны.

Диссертационное исследование охватывает период с конца 1930-х по 1945 г. Характеризуя правовое положение русской эмиграции и ее численность, автор анализирует документы и более раннего периода, что позволяет выявить динамику демографических процессов. Верхняя граница исследования обусловлена окончанием Великой Отечественной войны и военных действий на территории Европы и началом нового этапа в институционализации правового статуса беженцев в мировой практике.

Территориальные рамки исследования определяются Францией – крупнейшим центром российской эмиграции 1920–30-х гг.

Методологическую и теоретическую основу исследования составили принципы историзма, объективности и системности научного анализа. Они позволили выявить взаимосвязи между различными историческими фактами. В частности, принцип историзма дал возможность исследовать проблему применительно к конкретным условиям жизни и дальнейшей миграции русской диаспоры во Франции в годы Второй мировой войны. Принцип объективности позволил исключить элементы предвзятости, показать, как в условиях Второй мировой войны происходила эволюция идейно-политических взглядов эмигрантов, размежевание по профашистским и просоветским симпатиям. Системный метод стал основой для рассмотрения изучаемой проблемы как целостного явления, исследовать коллективное поведение, а не акцентировать внимание на индивидуальных особенностях.

Из специально-исторических методов при написании работы использовались хронологический и ретроспективный. Главный исследовательский подход – анализ процесса принятия решений, принимая во внимание человеческую психологию, личные чувства, потребности и желания.

Общий анализ состояния научной разработки проблемы осуществлен в первой главе. Историографический обзор показывает, что с момента начала послереволюционной волны эмиграции в России и за рубежом сложился огромный массив литературы, посвященной истории вопроса, однако объем существующей литературы не следует переоценивать: требуют дальнейшего изучения многие аспекты истории эмиграции. Работы, посвященные русской эмиграции вообще, и периоду Второй мировой войны в частности, отличаются либо поверхностным анализом в стремлении представить комплексную картину происходившего, либо глубиной анализа отдельного узкого вопроса; либо тенденциозностью, либо отсутствием ярко выраженной

позиции. Научной мысли еще предстоит наметить пути по преодолению этих антагонизмов.

В ходе работы была предпринята попытка преодолеть зависимость от существующих научных исследований и от политической конъюнктуры и рассматривать идеологические представления и мотивы поведения русской эмиграции с учетом психологических особенностей человеческого поведения и мышления.

Исследование опирается на широкую источниковую базу, как опубликованную, так и извлеченную из архивов. Анализ источников посвящен первый параграф первой главы. В работе были использованы различные сборники документов, содержащие материалы по истории русской эмиграции. Определённую ценность для исследования представляет мемуарная литература: воспоминания советских людей, встречавшихся с эмигрантами, реэмигрантов, а также воспоминания русских эмигрантов, изданные за рубежом.

Большой ценностью для научного анализа являются сведения, почерпнутые из отечественной и зарубежной периодической печати. Эмигрантская пресса представлена газетами и журналами: «Русский патриот» (Париж), «Новое слово» (Берлин), «Часовой» (Бельгия), «Парижский вестник» (Франция), «Современные записки» (Франция), «Возрождение» (Франция), «Последние новости» (Франция). Данный тип источников был незаменим при разработке вопроса об отношении русской эмиграции к советско-финской войне 1939–1940 гг. Статьи видных представителей общественно-политической эмиграции публиковались на страницах «Новой России», «Социалистического вестника», «Последних новостей», «Возрождения», «Часового», однако работа с ними осложнена отсутствием полных комплектов изданий в фондах архивов и библиотек.

Архивные документы позволяют исследовать русскую эмиграцию накануне и в период Второй мировой войны. Основные архивные источники были почерпнуты в архивах:

-Государственном Архиве Российской Федерации (ГАРФ) фонды: Ф. Р-5826. Оп. 1. – Русский Обще-Воинский Союз (РОВС). Сремски-Карловцы, Париж. 1924-1937 гг.; Ф. Р-5759 – Галлиполийский союз в Праге. (1939 – 1945гг.). Галлиполийское землячество в Праге. 1921- 1945 гг.; Ф. Р-5853. Оп. 1. – Дневники генерала А.А. фон Лампе. 1920-1930 гг.; Ф. Р-6461. Оп. 2. Д. 18, 34 и др. – Канцелярия Донского атамана (Граббе М. Н.). 1936-1942. Переписка с руководителями белоказачьей эмиграции о подготовке белого казачества к войне против СССР и по другим вопросам; Ф. Р-9145. Оп. 1. – Коллекция отдельных документов различных эмигрантских организаций. 1918-1945 гг.; Ф. Р-9541. Оп. 1. – Советский комитет ветеранов войны. Москва. 1956-1993 гг.;

-Архиве Внешней Политики Российской Федерации (АВП РФ) фонды: «Отдел печати (56»б)»; «Посольство СССР во Франции» (Ф.197);

-Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) фонд «Коллекция документов об участии советских граждан в движении Сопротивления в странах Западной Европы в период Второй Мировой войны (Франция). 1943-1944 гг.» (Ф. 553);

-Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) фонд «Рощин Николай Яковлевич (Федоров) (1896-1956) – писатель» (Ф. 2204);

-отделе «Русское Зарубежье» Библиотеки Российской Академии Наук;

-Доме Плеханова Российской национальной библиотеки;

-Библиотеке-фонде «Русское Зарубежье», основанном А. Солженициным;

-Федеральном архиве Германии (Bundesarchiv) (фонд R70/FRANKREICH/31 – условия фашистской оккупации Франции).

Научная новизна исследования:

- в диссертации предпринято системное исследование различных аспектов деятельности русской послереволюционной эмиграции во Франции накануне и в период Второй мировой войны. Комплексное изучение подразумевает анализ на стыке ряда социально-гуманитарных дисциплин: истории, политологии, психологии, социологии;

- показана эволюция отношения эмиграции к СССР, к возможному участию в военных событиях;
- исследуются мотивы антифашистской деятельности русской эмиграции, участия многих эмигрантов в движении Сопротивления или в «Сражающейся Франции» генерала Ш. де Голля;
- проанализирована профашистская деятельность русской эмиграции во Франции, проведен сравнительный анализ ее действий в советско-финской и Великой Отечественной войнах против Советского Союза;
- реконструирована повседневная жизнь русской эмиграции во Франции военного периода;
- впервые вводятся в научный оборот документы, выявленные автором в архивах (ГАРФ и Федеральном архиве Германии), раскрывающие различные аспекты представленной темы: социально-конфессиональный состав русской эмиграции во Франции, положение русских евреев в оккупированной Франции.

Актуальность исследования обусловлена всплеском интереса к изучаемому периоду в связи с памятливыми датами 65-летия со дня начала Второй мировой войны и 70-летия со дня ее окончания.

Проведенное исследование позволяет вынести на защиту следующие положения и выводы:

- Правовое положение русских эмигрантов накануне Второй мировой войны еще не было окончательно урегулировано. Зачастую они воспринимались как «нежелательные иностранцы» и подвергались арестам и дополнительным ограничениям в правах;
- Вторая мировая война привела к новым миграционным потокам: Франция из центра русской эмиграции превращается в перевалочный пункт в дальнейшем движении на запад;
- Вторая мировая война продемонстрировала отсутствие единства в среде русской эмиграции;

- Советско-финская война доказала несостоятельность русской эмиграции в реализации политических акций и подтвердила ее номинальную самостоятельность и удельный вес на мировой арене. Однако опыт участия эмигрантов и военнопленных в формировании антисоветских воинских частей в годы советско-финской войны был использован в дальнейшем и нацистским командованием;

- Предлагается авторская классификация русских эмигрантов на обывателей, коллаборационистов, патриотов и космополитов, исходя из мотивов их поступков и ценностных ориентаций. Несмотря на психологизм, такое деление отражает жизненный выбор и преодолевает ограничения стратификации по социальному положению или политическим убеждениям. Конечно, как любая классификация, она условна, ведь жизнь гораздо сложнее всяких схем;

- По предварительным подсчетам, большинство русских эмигрантов во Франции оставались обычными обывателями, руководствовавшимися эгоистическими мотивами сохранения жизни и обеспечения безопасности себе и близким. Процент активных сопротивленцев-патриотов и ярых коллаборационистов был минимальным. И та, и другая группа включала в себя не более 3 тысяч человек. Но эти подсчеты носят относительный характер, их скорректировать удастся в ходе дальнейших исследований.

- Основные причины затруднения количественной оценки участия русской эмиграции в событиях Второй мировой войны: использование вымышленных имен и прозвищ, отсутствие статистической информации, изменение позиции в ходе войны, неполнота и закрытость архивных материалов, утрата многих ценных источников.

Стоит понимать, что у историка нет права судить людей и их поступки, ученый может только констатировать факты и находить закономерности между ними. Как вступление в ряды Сопротивления, так и сотрудничество с врагом – это поступки, требующие решительности и воли, они не были присущи большинству. Но настроения, побудившие к тому или иному

выбору, были характерны для общества того времени в целом. Как и в любую эпоху, среди людей одни явили миру подвиг мужества и героизма, который неизменно вызывает восхищение и гордость, а за поступки других каждый чувствует стыд и об этих нелицеприятных действиях стремится умолчать. И в этом история как наука может с уверенностью утверждать: человеческие нравы со временем не меняются, меняется только внешняя форма.

Практическая значимость исследования определяется тем, что поставлена и решена крупная малоизученная исследовательская проблема. В научный оборот введены новые источники, что может способствовать преодолению сложившихся в исторической науке и общественном сознании стереотипов. Русское Зарубежье часто переплетается с современными политическими и социокультурными реалиями, будь то перезахоронение на российской земле его видных деятелей, воссоединение русских православных церквей, возвращение на историческую родину из-за рубежа историко-культурных реликвий и ценностей, проблемы патриотического движения в условиях глобализации и размывания самого понятия «Родина». В таких условиях корректно и всесторонне изучаемая история данного феномена может способствовать выработке грамотной государственной политики по взаимовыгодному взаимодействию с соотечественниками за рубежом.

Результаты исследования могут быть использованы в учебном процессе, в изучении историй Русского Зарубежья, Второй мировой войны, для подготовки общих и специальных курсов, связанных с историей 1920–40-х годов XX в.

Результаты исследования по теме диссертации обсуждались на научных конференциях. Предварительные выводы были апробированы в ходе стажировки в Свободном университете Берлина по совместному научному гранту Немецкой службы академических обменов и Санкт-Петербургского государственного университета в ноябре 2014 г.

Основные положения и выводы изложены автором в 11 научных статьях (общим объемом более 6 печатных листов), 3 из которых опубликованы в журналах, аккредитованных ВАК. Результаты исследования представлялись в форме докладов и выступлений на международных и региональных научных конференциях и в ходе семинарских занятий.

Структура и содержание диссертации обсуждались также на заседаниях кафедры исторического регионоведения Санкт-Петербургского государственного университета.

ГЛАВА 1. ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА И ИСТОРИОГРАФИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1 ИСТОЧНИКИ

Диссертационное исследование выполнено на основе анализа ряда источников, как опубликованных, так и вводимых в научный оборот впервые. Среди них можно выделить следующие группы: архивные материалы, опубликованные сборники документов, периодическая печать, деловая и личная переписка и мемуарная литература.

Что касается архивохранилищ, то, прежде всего, использовались материалы фондов Государственного Архива Российской Федерации (далее – ГАРФ), Российского государственного архива социально-политической истории (далее – РГАСПИ), отдела литературы Русского Зарубежья Библиотеки Российской Академии Наук, Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье», Федерального архива Германии (Bundesarchiv).

Поскольку большая часть коллекции Русского заграничного исторического архива (1923–1945) как собрания информации о жизни Русского Зарубежья в 1946 г. была передана в Центральный Архив Октябрьской Революции (ныне – ГАРФ), основное внимание было сосредоточено на работе с материалами указанного хранилища. В первую очередь были привлечены документы из следующих фондов: Ф. Р-5826. Оп. 1. – Русский Обще-Воинский Союз (РОВС). Сремски-Карловцы, Париж. 1924-1937 гг.; Ф. Р-5759 – Галлиполийский союз в Праге. (1939 – 1945гг.). Галлиполийское землячество в Праге. 1921- 1945 гг.; Ф. Р-5853. Оп. 1. – Дневники генерала А.А. фон Лампе. 1920-1930 гг.; Ф. Р-6461. Оп. 2. Д. 18, 34 и др. – Канцелярия Донского атамана (Граббе М. Н.). 1936-1942. Переписка с руководителями белоказачьей эмиграции о подготовке белого казачества к войне против СССР и по другим вопросам; Ф. Р-9145. Оп. 1. – Коллекция отдельных документов различных эмигрантских организаций. 1918-1945 гг.; Ф. Р-9541. Оп. 1. – Советский комитет ветеранов войны. Москва. 1956-1993 гг.

Воззвания и обращения видных представителей белой эмиграции: главы Российского Императорского дома, главы Русской Православной церкви за рубежом, лидеров военной и казачьей эмиграции – в связи с началом Великой Отечественной войны дают представление об их восприятии войны и родины. Рефреном шел лозунг о борьбе с «большевицкой властью» и «освобождении нашего Отечества от страшного ига коммунизма»¹. Эти мысли нашли отражение в реальных действиях и выборе многих русских эмигрантов. В связи с этим особо ценной оказалась информация о деятельности Комитета по организации представительства русской национальной эмиграции во Франции (со дня его основания 1 января 1941 г.), а также сведения о привлечении русских во Франции на работы в Германии.

Важно отметить послание донского атамана графа М. Граббе префекту полиции Парижа от 24 января 1941 г. о русской колонии во Франции, которое проливает свет на ее численность и социально-политическое положение в преддверии начала Великой Отечественной войны в Советской России². А без решения вопроса о численности Русского Зарубежья невозможно оценить масштаб участия эмигрантов в военных событиях. Указанный документ, судя по описи дела, вводится в научный оборот впервые.

Надо отметить, что некоторые документы отложились одновременно в нескольких фондах архива, в частности, стенограммы официальных выступлений главы Управления по делам русской эмиграции во Франции Ю. С. Жеребкова от 25 июля и 22 ноября 1941 г. (одни и те же документы хранятся в фонде Р-5853. Оп. 1. Д. 69 и Р-6461. Оп. 2. Д. 18). Так или иначе,

---

¹ Обращение главы Российского Императорского Дома Владимира от 26 июня 1941 г. // ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 69. Л. 335.

² Русская колония во Франции. Граф Михаил Граббе префекту полиции Парижа, 24 января 1941 г. // ГАРФ. Ф. Р-6461. Оп. 2. Д. 34. Л. 8-25.

указанные выступления были введены в научный оборот в 1983 г. французскими историками³.

В целях изучения участия русских эмигрантов и советских военнопленных в движении Сопротивления анализировались материалы фондов ГАРФ Р-9541 — Советский комитет ветеранов войны. Москва. 1956–1993 гг., РГАСПИ Ф. 553 – Коллекция документов об участии советских граждан в движении Сопротивления в странах Западной Европы в период Второй Мировой войны (Франция). 1943–1944 гг.

В связи с нацистской оккупацией Франции с июня 1940 г., деятельность организаций и союзов русской эмиграции была запрещена, поэтому в архивах верхней границей собраний являются 1939–1940 гг. Исключение составляют комитеты и управления русской эмиграции, существовавшие при поддержке оккупационных властей. Но и эти сведения нельзя назвать полными, т. к. перед освобождением Франции и вступлением в Париж союзных войск многие коллаборационисты постарались скрыть факты своей неприглядной деятельности, обеспечив себе безопасность и благополучие в будущем. Этими обстоятельствами обусловлена кропотливая работа по сопоставлению отрывочных сведений, почерпнутых из разных архивных источников (в том числе опубликованных) с данными периодической печати и мемуарной литературы.

То, что удалось почерпнуть из архивов, это, в первую очередь, приказы, сообщения, циркулярные распоряжения, деловая и личная переписка лидеров военной русской эмиграции, информационные бюллетени по Объединению Русских Воинских Союзов, а также разрозненные документы – брошюры, стенограммы выступлений, листовки.

Так, в Ф. Р-5759 (ГАРФ) отложились приказы и циркуляры РОВС от 1939-1940-х гг. (копии), которые дают представление не только об организационной и политической структуре военных союзов, но и об

---

³ Heller M., Negrel D. Un «Führer russe» à Paris : Ju. S. Zerebkov (1941) // Cahiers du monde russe et soviétique. 1983. Vol. 24. № 1-2. P. 179-199. Текст сообщения: P. 189-199.

отношении русской военной эмиграции ко Второй мировой войне и возможному нападению нацистской Германии на СССР. Сложившиеся в это время взаимоотношения военной русской эмиграции с германским командованием характеризуются секретными распоряжениями и приказами Начальника Объединения генерала фон Лампе за 1942–1943 гг. Приказ по Объединению Русских Воинских Союзов от 31 января 1944 г. содержит списки представителей на местах с указанием их званий и полномочий, а также сведения о контактах руководства организации с командованием Русской Освободительной Армии (РОА). Также в фонде отложились протоколы общих собраний членов Общества русских офицеров Генерального Штаба во Франции.

О правовом и организационном положении оккупированной Франции можно судить по материалам, почерпнутым из Федерального архива Германии (Bundesarchiv). Оттуда были извлечены и материалы судебных разбирательств по признанию евреями с последующими преследованиями в адрес русских эмигрантов, проживавших во Франции (фонд R70/FRANKREICH/31).

При организации работы с архивами были использованы и справочные издания. Так, из книги «Фонд Русского Заграничного исторического архива в Праге. Межархивный путеводитель»⁴ были почерпнуты сведения о составе и содержании документов этого хранилища. Положение об архиве было введено в действие постановлением комитета Земгора от 14 августа 1924 г. 13 июня 1945 г. правительство Чехословацкой Республики приняло постановление о передаче Русского заграничного архива в Праге Академии наук СССР в честь её 220-летия. В настоящее время эти материалы находятся в составе фондов ГАРФ, Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ) и других архивов РФ и стран СНГ. В путеводителе отражена информация о фондах эмигрантских учреждений и организаций,

---

⁴ Фонды русского Заграничного исторического архива в Праге. Межархивный путеводитель. М., 1999.

личных фондах эмигрантов, а также документах по истории России, вывезенных за рубеж.

Большим подспорьем оказалась и работа А. В. Попова «Русское Зарубежье и архивы. Документы Российской эмиграции в архивах Москвы: проблемы выявления, комплектования, описания, использования»⁵.

Особую группу источников составляют сборники опубликованных документов и материалов по теме русской эмиграции во Франции в 1939-1945 гг. О правовом положении населения времен оккупации можно судить по сборнику законов и распоряжений немецких и французских властей⁶. При этом необходимо учитывать, что теоретические формулировки не дают представления о реальном функционировании институтов права.

Необходимо отметить публикацию полицейского отчета 1948 г. «Русская колония в Париже» из фондов Архива префектуры полиции Парижа, выполненную исследователями Д. Гузевичем и Е. Макаренковой, при участии И. Гузевич, и снабженную богатыми комментариями и биографическими справками⁷. Хотя документ датируется 1948 г., по сути он охватывает весь период 1940-х годов и содержит аналитический обзор течений русской эмиграции межвоенного периода, представляющий несомненный интерес. По содержанию он частично перекликается с отчетом о русской колонии, составленным М. Граббе в январе 1941 г. В диссертации приводится сравнительный анализ этих документов.

В сборнике документов и материалов «Политическая история русской эмиграции. 1920-1940 гг.» опубликованы материалы, извлеченные из фондов ГАРФ, Центрального Архива ФСБ России, Российского Центра хранения и

---

⁵ Попов А. В. Русское Зарубежье и архивы. Документы российской эмиграции в архивах Москвы: проблемы выявления, комплектования, описания, использования. Материалы к истории русской политической эмиграции. Вып. IV. М., 1998.

⁶ Legislation de l'Occupation. Recueil des lois, decrets, ordonnances, aretes et circulaires des autorites allemandes et francaises, promulques depuis l'occupatoin. Paris, 1940. Vol. I.

⁷ Российская эмиграция во Франции в 1940-е. Полицейский отчет 1948 года "La colonie russe de Paris" ("Русская колония в Париже") / Публ. подгот. Гузевич Д. и Макаренков Е. // Диаспора: Новые материалы. СПб.; Париж, 2007. Вып. 8. С. 341-655.

изучения документов новейшей истории, Российского Государственного Архива экономики. Материал тематически собран по главам.

Выдержки из статей русских эмигрантов Ю. Ф. Семенова «Война» от 6 декабря 1939 г. и С. С. Ольденбурга «Единомышленники» от 1 декабря 1939 г. посвящены началу Второй мировой войны и одобрению действий Германии. Статья И. Тхоржевского «Большевики, Финляндия и Россия» приветствует возможность участия русской эмиграции в советско-финской войне на стороне Финляндии. В сборнике цитируется книга А. И. Деникина «Мировые события и русский вопрос» (1939), в которой рассматривается геополитическое, экономическое, международное положение СССР накануне Второй мировой войны; взаимоотношения русской эмиграции и гитлеровской Германии; попытки Берлина привлечь на свою сторону некоторые эмигрантские организации и видных русских эмигрантов. А. И. Деникин крайне критически относился к возможности сотрудничества русской эмиграции с нацистами⁸.

В сборнике «Чему свидетели мы были ...: Переписка бывших царских дипломатов, 1934–1940» собраны документы из архивов Службы внешней разведки и Министерства иностранных дел РФ⁹. Для исследования проблемы истории русской эмиграции во Франции в годы Второй мировой войны определенную научную ценность представляет переписка Е. В. Саблина и В. А. Маклакова, бывших российских дипломатов в Англии и Франции соответственно, которая началась сразу после Октябрьской революции и продолжалась до начала Второй мировой войны. В ней содержатся ценные сведения, показывающие политические взгляды русской интеллигенции в эмиграции. Основные вопросы, обсуждаемые дипломатами, - возможная военная интервенция против СССР и участие в ней русских эмигрантов. В письме от 1 апреля 1938 г. В. А. Маклаков делится с А. Т. Бельченко, бывшим консулом России в провинциях Китая, опасениями о «больной»

---

⁸ Политическая история русской эмиграции: 1920-1940 гг.: Документы и материалы / Под ред. Киселева А.Ф.; Сост.: Константинов С.В. и др. М., 1999.

⁹ Чему свидетели мы были...: Переписка бывших царских дипломатов, 1934–1940. Т. 2: 1938-1940. М., 1998.

атмосфере, сложившейся в эмигрантской среде во Франции после прихода к власти Гитлера¹⁰.

Определенную научную ценность представляют сборники документов, собранные и опубликованные за рубежом. Так, в сборнике «Наши задачи», вышедшем в 1956 г. в Париже собраны ранее не публиковавшиеся в России статьи широко известного в эмиграции философа и писателя И. А. Ильина. Его статьи «Враг моего врага», «Стратегические ошибки Гитлера», «Продолжение и окончание предыдущего» посвящены анализу Второй мировой и Великой Отечественной войн¹¹.

Большой вклад в разработку диссертационного исследования внесли материалы эмигрантской периодической печати, освещающие жизнь русской эмиграции во Франции в 1939-1945 гг. Были использованы материалы журналов «Иллюстрированная Россия», «Часовой», «Современные записки», издания эмигрантских газет «Возрождение», «Последние новости», «Парижский вестник», «Новое слово» и др. Проблемам социальной и психологической адаптации русских эмигрантов во французской провинции в 1930-е гг. посвящены очерки журналиста К. К. Парчевского в газете «Последние новости»¹².

Данный тип источников был незаменим при разработке вопроса об отношении русской эмиграции к советско-финской войне 1939–1940 гг. Статьи видных представителей общественно-политической эмиграции публиковались на страницах «Новой России», «Социалистического вестника», «Последних новостей», «Возрождения», «Часового»¹³, однако работа с ними осложнена отсутствием полных комплектов изданий в фондах архивов и библиотек.

¹⁰ Там же.

¹¹ Ильин И.А. Наши задачи. Статьи 1948-1954 гг. В 2 т. Париж, 1956.

¹² Парчевский К.К. По русским углам. М., 2002.

¹³ См.: Абрамович Р. Ликвидация и поражение // Социалистический вестник. 1940. № 3 (455-456). С. 31-34; № 4-5 (456-457). С. 43-45; Николаевский Б. Роль Сталина в современной войне // Социалистический вестник. 1940. № 4-5 (456-457). С. 45-47; Гарви П. На историческом повороте // Социалистический вестник. 1940. № 4-5 (456-457). С.47-50; Милуков П. Н. Эмигрантские разговоры // Последние новости. 1940. 24 апреля; Керенский А. О войне, о Кремле и о патриотизме // Новая Россия. 1940. № 84. С. 1-4; Милуков П. Продолжение эмигрантских разговоров // Последние новости. 1940. 6 июня и др.

Профашистские издания представлены несколькими газетами – «Новое слово», «Парижский вестник». Ежедневная газета «Новое слово» выходила в Берлине в 1940-х гг. и сохранилась лишь в нескольких экземплярах. В №37 была опубликована статьи В. Абданк-Коссовского В. Левитского, отражающие положение русских эмигрантов во Франции в первый период Второй мировой войны¹⁴. Рассматривая статьи газеты, можно сделать вывод, что она являлась наиболее откровенным и воинственным профашистским изданием.

Следует отметить еженедельное издание «Парижский вестник», выходившее в Париже под эгидой Управления делами русской эмиграции во Франции с 14 июня 1942 г. по 12 августа 1944 г. и выпустившее 112 номеров. На удивление, эта газета представлена полными комплектами и в фондах Библиотеки Российской академии наук, и в фондах ГАРФ. На ее страницах немало статей уже упомянутого писателя и журналиста В. К. Абданк-Коссовского, в частности «Россия в изгнании»¹⁵. Газета неоднократно цитировала речи главы Русского Освободительного движения бывшего советского генерала А. А. Власова и его представителей, в том числе тех выступлений, которые проводились для русской эмиграции в Бельгии и Франции¹⁶. Кроме того, из этой газеты можно почерпнуть информацию о повседневных заботах русской эмиграции во Франции – в первую очередь, благодаря анализу объявлений.

Важный пласт информации о жизни и позиции русских эмигрантов во Франции в годы Второй мировой войне составляют источники личного происхождения – мемуары Р. Б. Гуля¹⁷, Н. Н. Берберовой¹⁸, Н. А. Тэффи¹⁹,

¹⁴ Абданк-Коссовский Вл. В чужом пиру похмелье // Новое слово. 1940. № 37. С. 6-7; Левитский В. Русская эмиграция (Письмо из Парижа) // Новое слово. 1940 г. № 37. С. 3.

¹⁵ Парижский вестник. 1944. № 89. 4 марта. С. 4-5; Парижский вестник. 1944. № 91. 18 марта. С. 6-7; Парижский вестник. 1944. № 92. 25 марта. С. 4-5.

¹⁶ Парижский вестник. 1943. № 40. 20 марта; Парижский вестник. 1943. № 59. 31 июля и др.

¹⁷ Гуль Р.Б. Я унес Россию: Апология эмиграции. Т. 2. Россия во Франции. М., 2001.

¹⁸ Берберова Н.Н. Курсив мой: Автобиография. Нью-Йорк, 1983.

¹⁹ Тэффи Н. А. Моя летопись. М., 2004. 384 с.

В. С. Варшавского²⁰, И. А. Кривошеина²¹, Н. А. Кривошеиной²², Л. Д. Любимова²³, И. В. Одоевцевой²⁴, В. К. Штрик-Штрикфельдта²⁵, Ф. Ф. Юсупова²⁶ и других²⁷. Авторы этих воспоминаний не только описывают и анализируют интересующие нас исторические события, но и дают возможность понять их личное отношение к ним. Необходимо отметить, что они отражают события с разных точек зрения, что позволяет представить более многогранно картину происходившего. Так, в записях В. К. Штрик-Штрикфельдта преследуется стремление обелить Власовскую армию; у М. А. Осоргина и Ф. Ф. Юсупова война описана с обывательской точки зрения.

В этом отношении примечательна работа Л. Д. Любимова «На чужбине», в которой он смог признать свои заблуждения относительно миссии русской эмиграции и в ходе событий 1939–1945 гг. занял активную просоветскую позицию. В его воспоминаниях содержится стремление понять мотивы поведения тех, кто заблуждался, но не признавал своих ошибок. Нередко, по его мнению, это было стремление сохранить свою жизнь и благополучие под маской красивых слов о псевдопатриотизме.

Большое количество мемуаров написано людьми из среды творческой интеллигенции. Отличаясь художественным своеобразием, они, тем не менее, не всегда содержат точные фактические данные, иногда и вовсе избегая вопрос участия русских эмигрантов во Франции во Второй мировой войне. Прежде всего, необходимо отметить воспоминания В. С. Яновского, И. В. Одоевцевой, Н. Н. Берберовой, М. А. Осоргина.

²⁰ *Варшавский В.С.* Незамеченное поколение. Нью-Йорк, 1956.

²¹ *Кривошеин И.А.* Так нам велело сердце // Против общего врага. М., 1972.

²² *Кривошеина Н.А.* Четыре трети нашей жизни. М., 1999.

²³ *Любимов Л.* На чужбине. М., 1963.

²⁴ *Одоевцева И.* Путь моей жизни. Париж, 1947; *Одоевцева И.В.* На берегах Сены. М., 1998.

²⁵ *Штрик-Штрикфельдт В.К.* Против Сталина и Гитлера: Генерал Власов и Русское Освободительное Движение. М., 2003.

²⁶ *Юсупов Ф.Ф.* Мемуары: В 2 кн.: До изгнания. 1887 - 1919. В изгнании / Первый полный пер. с фр. Кассировой Е.Л. М., 2007.

²⁷ *Осоргин М.* Письма о незначительном, В тихом местечке Франции, Времена. Париж, 1955; *Рубакин А.Н.* В водовороте событий. М., 1960; *Сосинский В.Б.* У Атлантического вала // Против общего врага. М., 1972; *Яновский В.С.* Поля Елисейские. СПб., 1993.

М. А. Осоргин в воспоминаниях «В тихом местечке Франции» (июнь-декабрь 1940 г.) передает мысли и переживания обывателя, коим себя считает. И ценна эта летопись именно этими мыслями, раскрывающими психологию не только русских эмигрантов во Франции, но и обычных французов их окружения.

Мемуары В. С. Яновского, И. В. Одоевцевой, Н. Н. Берберовой, Н. Тэффи освещают жизнь творческой эмиграции во Франции, по-разному затрагивая период Второй мировой войны и оккупации Франции. Однако все они описывают произведшие резонанс в среде русской интеллигенции события, например, отношение писателя Д. С. Мережковского и поэтессы З. Н. Гиппиус, ярчайших и наиболее сложных личностей Русского Зарубежья во Франции, к России и Франции, Гитлеру и большевикам, к войне. Определенный фактический материал подтверждают все, но оценка разнится. На наш взгляд, этот эпизод наиболее последовательно отражен в воспоминаниях Н. А. Тэффи, которая, будучи близка к семье Мережковских, не стремилась ни идеализировать, ни очернять этих людей. Восприятие знаменитой четой военных событий находит отражение в дневниковых записях З. Гиппиус²⁸.

О настроениях в Париже времен оккупации можно судить по воспоминаниям В. В. Сухомлина «Гитлеровцы в Париже»²⁹, журналиста К. К. Парчевского «Французская катастрофа: война и перемирие в Париже. 1939–1941»³⁰.

В воспоминаниях А. Н. Рубакина, который в период Второй мировой войны во Франции как советский гражданин был заключен в концентрационный лагерь, содержится информация о других заключенных из среды русской эмиграции.

---

²⁸ Гиппиус З. Н. Серое с красным (Дневник 1940) // Гиппиус З. Дневники. Кн. 2 / Под общей редакцией А. Н. Николоюкина. М., 1999. С. 493-512.

²⁹ Сухомлин В. В. Гитлеровцы в Париже // Новый мир. 1965. № 11-12.

³⁰ Парчевский К. К. Французская катастрофа: война и перемирие в Париже. 1939–1941 // Вопросы истории. 1999. № 6-7.

Ценный пласт информации об отношении к советско-финской войне 1939-1940 гг. и возможном участии в ней русских эмигрантов содержится в воспоминаниях бывшего секретаря И. В. Сталина Б. Бажанова³¹.

Стоит отметить воспоминания В. С. Варшавского «Незамеченное поколение»³². Автор описал настроения, идеологические разногласия в эмигрантской среде накануне и в период Второй мировой войны. Он одним из первых постарался систематизировать различные сведения об участниках движения Сопротивления из среды Русского Зарубежья.

Однако гораздо более полное представление о героях и настроениях того времени дают воспоминания и записки самих участников антифашистской борьбы. Уже в 1945 г. журнал «Europe» опубликовал «Диалог в тюрьме», написанный основателем одной из первых групп Сопротивления Б. Вильде после ареста в октябре-ноябре 1941 г.³³. На русском языке «Дневник и письма из тюрьмы. 1941–1942» были впервые опубликованы в 2005 г.³⁴ Эти записи и сегодня являются памятником негибаемого мужества и веры.

Воспоминания о нем и других героях антифашистской борьбы содержатся в «Вестнике русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции», а также в сборниках «Против общего врага: Советские люди во Французском движении Сопротивления» и «О чем не говорилось в сводках: Воспоминания участников движения Сопротивления»³⁵. В изданиях содержится ценная фактическая информация о героях Сопротивления: русских эмигрантах Анатолии Левицком, Борисе Вильде, Вере Оболенской, Софье Носович, Матери Марии и др.

³¹ Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. [Б. м.], Франция, 1980.

³² Варшавский В.С. Незамеченное поколение....

³³ Aveline C. Boris Vildé // Europe. 1946. XXIV. 5 mai. P. 1–15; Aveline C. L'Affaire du Musée de l'Homme // Les Lettres Françaises. 1945. № 44 (24 Février); Clair M. Les Intellectuels-avant-garde de la Résistance ("Résistance"-Premier journal clandestin) // Résistance. 1944. 12 Septembre (№ 36); Humbert A. Notre guerre. Paris, 1946;

³⁴ Вильде Б. Дневник и письма из тюрьмы. 1941—1942. М., 2005.

³⁵ Вестник русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции. Париж, 1946-1947; Против общего врага: Советские люди во Французском движении Сопротивления. М., 1972; О чем не говорилось в сводках: Воспоминания участников движения Сопротивления. М., 1962.

Весомый вклад в изучение жизни и мученичества о. Дмитрия Клепинина, Юры Скобцова и Матери Марии, Ильи Фондаминского внесли публикации воспоминаний и переписки на страницах «Вестника Русского Христианского Движения» в № 187 за 2004 г.³⁶ Многие сведения вводятся в научный оборот впервые из материалов бесед и личного архива их родственников, в частности сведения из архива дочери о. Дмитрия Клепинина Е. Д. Клепининой-Аржаковской.

Разнообразные источники, обзор которых приведен выше, позволили наиболее полно раскрыть деятельность русской эмиграции во Франции в годы Второй мировой войны.

1.2 ИСТОРИОГРАФИЯ

Несмотря на обширную историографию русской эмиграции, непосредственно проблеме «Русской эмиграции во Франции в годы Второй мировой войны» посвящено не так много работ. Среди них условно можно выделить отечественную, зарубежную и эмигрантскую литературу, а внутри отечественной историографии выделяют два периода: советский и постсоветский, что отражает разные методологические подходы и разную политическую обстановку. В истории русской эмиграции, таким образом, нашла отражение политическая конъюнктура, что наиболее ярко проявилось в работах отечественных историков.

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Само понятие русской эмиграции как крупного социального явления сформировалось в 1920-х гг., ведь именно появление массового числа беженцев, вызванное революцией в России, потребовало решения вопроса об их статусе и подтолкнуло ученых и публицистов к осмыслению этого явления.

---

³⁶ Письма И. И. Фондаминского Т.В. Ельчаниновой // Вестник Русского христианского движения. Париж, 2004. № 187. С. 89-92; Письма о. Сергия Булгакова Т.Ф. Клепининой // Вестник Русского христианского движения. Париж, 2004. № 187. С. 52-38; Письма Юры Скобцова родным // Вестник Русского христианского движения. Париж, 2004. № 187. С. 68-72; Письмо Юры Скобцова отцу Даниилу Ермолаевичу Скобцову, и бабушке, Софье Борисовне Пиленко (о свидании с матерью 21 апреля 1943 г.) // Вестник Русского христианского движения. Париж, 2004. № 187. С. 66-68.

Отечественная историография проблемы условно включает в себя два периода: советский и постсоветский. Первому периоду присущ обличительно-пропагандистский характер, что было заложено еще в работах В. И. Ленина³⁷. К основным чертам Русского Зарубежья он относил: зависимость от иностранных государств, активную и разностороннюю антисоветскую борьбу, подготовку интервенции, готовность идти на любые уступки ради достижения своих целей. В целом это точное определение, но не стоит забывать, что дано оно было в начале 1920-х гг., а ситуация постепенно менялась, менялось и отношение русских эмигрантов к своей родине.

В СССР, несмотря на постепенное снятие запретов с изучения ряда исторических тем, включая проблему эмиграции, идеологический барьер сохранялся. Особенно остро он проявлялся в оценке значимых исторических событий, к коим, несомненно, относится и Вторая мировая война, в ходе которой эмигранты оказались перед нелегким и подчас роковым выбором. В 1950-е и 1960-е гг. главной задачей было возрождение мирной жизни, нужны были идеалы, поэтому неудивительно, что основной темой появившихся в эти годы работ было отражение подвига борьбы против нацизма. В публикациях историков Н. Ф. Кюнга³⁸, Е. А. Болтина³⁹, М. А. Кокорина, А. А. Стручкова⁴⁰, Г. Нечаева⁴¹, З. Н. Тихоновой⁴² поднимается проблема участия советских граждан в движении Сопротивления в Европе в целом и во Франции, в частности.

³⁷ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 43. М., 1970. С. 49, 126, 128.

³⁸ Кюнг Н.Ф., Тальмант У.Р. Из истории движения сопротивления советских людей в лагерях гитлеровской Германии // История СССР. 1959. № 5; Кюнг Н.Ф. Мужество непокоренных. (Борьба советских людей в гитлеровских застенках). М., 1964.

³⁹ Болтин Е.А. Советский Союз и движение Сопротивления в Европе в годы второй мировой войны // Вопросы истории. М., 1961. № 9.

⁴⁰ Кокорин М.А., Стручков А.А. О боевой деятельности советских партизан на территории Франции в 1943-1944 гг. // Вопросы истории. М., 1960. № 3. С. 88-101.

⁴¹ Нечаев Г. Участие советских граждан в движении Сопротивления во Франции // Военно-исторический журнал. М., 1966. № 6.

⁴² Тихонова З.Н. Василий Порик – герой Движения Сопротивления во Франции в период фашистской оккупации // Новая и новейшая история. М., 1964. № 3; Тихонова З.Н. Иван Троян – герой французского Сопротивления // Вопросы истории. М., 1966. № 11.

В начале 1970-х гг. история российской эмиграции накануне и в период Второй мировой войны продолжала рассматриваться в контексте борьбы советского народа и европейского движения Сопротивления против фашизма в работах исследователей Н. Г. Куликова, М. И. Семиряги, В. П. Смирнова, И. В. Паротькина, Т. А. Логуновой, Е. А. Бродского⁴³. Статьи 1960-х гг. переросли в первые монографии 1970-х гг.

В работе ученого М. И. Семиряги «Советские люди в европейском сопротивлении» впервые анализируется интернациональный характер движения Сопротивления во Франции. Автор показал антифашистскую борьбу не только советских граждан, но и русских эмигрантов: Г. В. Шибанова, В. А. Оболенской, М. Я. Гафта⁴⁴. В этом главное отличие этой монографии от предыдущих публикаций по этой теме.

Вслед за М. И. Семирягой, послереволюционным эмигрантам из России – героям движения Сопротивления во Франции: В. А. Оболенской, Е. Ю. Кузьминой-Караваевой, М. А. Шафровой-Марутаевой, И. И. Трояну, А. П. Дуракову, В. А. Яхонтову – были посвящены и исторические очерки Н. Г. Куликова «Честь и достоинство русского имени».

В 1970-х и 1980-х гг. выходят в свет работы советских историков, посвященные вопросу сотрудничества эмигрантов с фашистами. Важно отметить, что в конце 1970-х гг. появились первые комплексные работы, где рассматривался сложный процесс размежевания эмиграции по отношению к фашизму и борьбе с ним. Исследователи не только констатировали исторические факты, но и старались анализировать политические, социальные процессы, приведшие русских эмигрантов к тому или иному выбору пути. Несомненно, такой работой является труд В. В. Комина, в котором автор приводит обзор политической жизни русской эмиграции

⁴³ Куликов Н.Г. Честь и достоинство русского имени. М., 1973; Семиряга М.И. Советские люди в европейском сопротивлении. М., 1970; Смирнов В.П. Движение Сопротивления во Франции в годы второй мировой войны. М., 1974; Советские люди во французском движении Сопротивления / Под ред. канд. воен. наук генерал-майора И.В. Паротькина. М., 1972; Бродский Е. А. Во имя победы над фашизмом: Антифашистская борьба советских людей в гитлеровской Германии (1941—1945 гг.) М., 1970; Логунова Т. А. Участие советских граждан в европейском движении Сопротивления. М., 1978..

⁴⁴ Семиряга М.И. Советские люди в европейском сопротивлении. М., 1970.

военного периода. Используя, в основном, данные периодической печати и мемуарную литературу, автор дал характеристику позиций различных слоев русской эмиграции к идеологии и политике фашизма. Заслуживает внимания вывод автора о преобладании «пораженческих» настроений в среде русской эмиграции вообще и во Франции, в частности, хотя количественных оценок работа не содержит⁴⁵.

Советский историк Л. К. Шкаренков в своем фундаментальном труде «Агония белой эмиграции», занимающем важное место в историографии проблемы, проанализировал основные причины политического провала русской послереволюционной эмиграции⁴⁶. Во введении подчеркивалось, что «история эмиграции — это дела и судьбы людей, потерявших родину»⁴⁷, и таким образом, автор не просто анализировал идейно-политический раскол наших соотечественников, но и раскрыл трагизм судеб многих из них. Особенно ярко это проявилось в годы Второй мировой войны, чему посвящена отдельная глава монографии. Но живые образы и примеры разного поведения русской эмиграции в Европе и во Франции, в частности, не представляют собой анализа происходивших событий: все это только наброски для будущих работ. Кроме того, из недостатков работы — ее политическая ангажированность, просоветская риторика. Несмотря на обилие архивных данных из ЦГАОР (ныне — ГАРФ) и Арива внешней политики, с которыми работал автор, в исследовании явно не хватает сведений из заграничных архивов, эмигрантских и зарубежных исследований.

В одной из глав довольно публицистической работы А.Л. Афанасьева «Полынь в чужих полях»⁴⁸ автор охарактеризовал отношение белой эмиграции к фашизму и Второй мировой войне. В работе проанализирована поляризация взглядов русских эмигрантов в связи с начавшейся Великой

⁴⁵ *Комин В.В.* Белая эмиграция и Вторая мировая война. Калинин, 1979.

⁴⁶ *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. Изд. 3-е. М., 1987.

⁴⁷ Там же. С. 13.

⁴⁸ *Афанасьев А.* Полынь в чужих полях. М., 1987.

Отечественной войной, хотя более подробное освещение получила, в первую очередь, антифашистская деятельность. Несомненной заслугой автора можно считать то, что им была рассмотрена история русской православной церкви за рубежом, ее деятельность и раскол в предвоенные и военные годы.

Важно отметить, что в целом, с выходом в свет перечисленного ряда исследований, к 1980 г. в основных чертах было представлено положение российской эмиграции с 1917 по 1945 гг.

С середины 1980-х гг. наблюдался спад публикационной деятельности исследователей, занимавшихся проблемой русской эмиграции. В основном переиздавались более ранние научные и публицистические труды⁴⁹.

ПОСТСОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

Постсоветский период способствовал динамичному развитию исторической школы изучения русской эмиграции. Постепенно облегчался доступ к так называемым «закрытым» фондам в архивах и библиотеках, развеивались конфронтационные идеологические стереотипы, появилась возможность при глубоком анализе преодолеть догматические клише в трактовке истории русской эмиграции. Перестройка в СССР потребовала изменений и в методологии, и в понятийно-категориальном аппарате, но самым главным изменением стала смена обличительной критики советского периода стремлением разобраться в сути феномена.

Весьма распространенной формой научного взаимодействия стали многочисленные конференции и симпозиумы, сопровождающиеся публикацией материалов и изданием сборников (например, «Правовое положение российской эмиграции в 1920 – 1930-е годы», Нансеновские чтения 2007, 2008⁵⁰).

Развивался диалог с представителями зарубежья и иностранными учеными, чего так не хватало в предшествующий период. Значительно

⁴⁹ См. напр.: Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. Изд. 1-3-е. М., 1981, 1986, 1987; Афанасьев А. Польша в чужих полях. М., 1984, 1987 и др.

⁵⁰ Нансеновские чтения 2007. СПб., 2008; Нансеновские чтения 2008. СПб., 2009; Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы. СПб., 2006.

расширилась география изучения Русского Зарубежья. В Институте российской истории РАН, в Институте всеобщей истории РАН, Институте славяноведения и балканистики РАН, ИНИОН РАН, Академии педагогических наук, Академии естественных наук, Росархиве, Министерстве культуры РФ, Российском фонде культуры, вузах Москвы и регионов действуют группы и центры, занимающиеся этой проблематикой. Отдельного упоминания заслуживает деятельность Сектора истории культуры Российского Зарубежья Российского института культурологии Министерства культуры РФ и публикации его руководителя А.В. Квакина⁵¹. Результативно работает группа энтузиастов под руководством Л.А. Мнухина (проект «Русское Зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920 – 1940. Франция»)⁵². В изучение российской интеллигенции в эмиграции вносит вклад деятельность Межвузовского центра РФ «Политическая культура интеллигенции, ее роль и место в истории Отечества» (г. Иваново) и Центра «XX век в судьбах интеллигенции» (г. Екатеринбург). Несомненным подспорьем в обмене результатами научных изысканий и определением направлений дальнейшей исследовательской работы служит Интернет. Однако работы различных центров изучения русской эмиграции еще недостаточно скоординированы между собой. А Интернет пестрит сомнительными публикациями, в которых переплетаются мифы и факты.

Что касается научных работ начала 1990-х гг., то и для них, несмотря на кажущееся снятие шор и идеологических завес, была характерна та или иная степень претенциозности и субъективизма⁵³. Ярким примером является работа В. В. Костикова «Не будем проклинать изгнание... Пути и судьбы

⁵¹ Квакин А.В. Между белыми и красными. Русская интеллигенция 1920–1930 годов в поисках третьего пути. М., 2006.

⁵² Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни, 1920-1940. Франция [В 4 т.]: 1920-1929 / Под общ. ред. Л. А. Мнухина; В сотрудничестве с Т. Л. Гладковой, Т. И. Дубровиной, В.К. Лосской, Н.А. Струве. Paris; М., 1995.

⁵³ Большаков В.В. Русские березы под Парижем. М., 1990; Коваленко Ю.М. Москва – Париж. Очерки о русской эмиграции. М., 1991; Костиков В.В. Не будем проклинать изгнание... Пути и судьбы русской эмиграции. М., 1990; Куликов Н.Г. Я твой, Россия! М., 1990.

русской эмиграции». Монографию отличает публицистический характер, что усиливает восприятие аудитории и может ввести в заблуждение, но, с научной точки зрения, скрывает определенные слабости в рассуждении⁵⁴. Однако, как в любую эпоху, есть ряд работ, которые сохраняют свою значимость, несмотря на открытие доступа к новым источникам и появлению новых подходов.

В первую очередь необходимо отметить работы исследователей С. С. Ипполитова, В. М. Недбаевского, Ю. И. Руденцовой и В. М. Кабузана⁵⁵. Авторы не только рассматривают географию рассеяния русских эмигрантов, но и вводят в научный оборот количественные данные, что позволяет оценить масштабы этого явления и обозначает новые проблемы в его изучении. Это первые работы, в которых каждая цифра, выявленная в архивах и отчетах, подвергается анализу.

Особое внимание стало уделяться не только политической, но и культурной составляющей такого явления, как эмиграция. Выходят в свет работы, посвященные проблемам социально-экономической, культурной и психологической адаптации русских эмигрантов за рубежом⁵⁶. Авторы освещают и национальные особенности этих процессов в разных странах и регионах. Можно утверждать, что это первые работы, в которых снимается политическая доминанта в анализе процессов формирования и развития Русского Зарубежья.

В это время продолжают публиковаться работы, посвященные истории Второй мировой войны и роли в ней русских эмигрантов. Основное внимание по-прежнему уделяется движению Сопротивления и борьбе против

⁵⁴ Костиков В. В. Не будем проклинать изгнание... Пути и судьбы русской эмиграции. М., 1990.

⁵⁵ Ипполитов С. С., Недбаевский В. М., Руденцова Ю. И. Три столицы изгнания. Константинополь, Берлин, Париж. М., 1999; Кабузан В. М. Русские в мире. Динамика численности и расселения (1719-1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. СПб., 1996.

⁵⁶ Культурная миссия российского зарубежья: История и современность / Отв.ред. Шулепова Э. А. М., 1999; Социально-экономическая адаптация российских эмигрантов (конец XIX-XX вв.) (Сборник статей академика РАН Ю. А. Полякова и доктора исторических наук Г. Я. Тарле). М., 1999; Фрейнкман-Хрусталева Н., Новиков А. Эмиграция и эмигрантность. История и психология. СПб, 1995; Русская эмиграция во Франции (1850-е – 1950-е гг.). Сб. науч. ст. / Под ред. В. И. Старцева и Т. Г. Фруменковой. СПб., 1995.

нацизма⁵⁷. Наряду с общими вопросами, находят отражение и судьбы отдельных людей – героев Сопrotивления⁵⁸.

2000-е гг. отмечены интенсивной разработкой эмигрантской тематики и публикацией большого количества обобщающих монографий. Среди них отдельно необходимо выделить труд московского специалиста Е. И. Пивовара «Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии»⁵⁹, рассматривающий основные этапы формирования российской диаспоры и эволюцию государственной политики РФ в отношении соотечественников. Автор представляет комплексный историко-социологический портрет русской эмиграции и подчеркивает, что многообразие ее социальных типов не разрушило понятие Русского Мира и Русского Зарубежья, а, наоборот, придало ему импульс для дальнейшего развития.

В начале XXI в. развиваются отдельные направления научной работы по истории русской эмиграции. Крупным блоком выделяются исследования военно-политического зарубежья, занимавшего ключевые позиции в эмиграции, в том числе и прежде всего во Франции⁶⁰. Особенного внимания заслуживают работы В. И. Голдина «Армия в изгнании: Страницы истории Русского Обще-Воинского Союза» и В. Ф. Ершова «Российское военно-политическое зарубежье в 1918-1945 гг.». Авторы стремились объективно представить и проанализировать максимально возможную информацию, доступную по военной тематике в архивах, отражая деятельность воинских и

⁵⁷ Движение Сопrotивления в Западной Европе. 1939-1945. Общие проблемы / Под ред. Н. П. Комоловой, М., 1990; *Мамонов В. Ф., Худобородов А. Л.* Русская эмиграция в Третьем рейхе // Исторический архив. М., 1998. № 3; *Тарле Г. Я.* Российская эмиграция в 1940-1950-е годы // Россия и современный мир. М., 1999. № 3.

⁵⁸ Бесподобное дитя века: Ариадна Скрябина. М., 1998; *Флам Л. Вики.* Княгиня Вера Оболенская. М., 1996.

⁵⁹ *Пивовар Е. И.* Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М., 2008.

⁶⁰ *Бегидов А. М.* Военное образование в зарубежной России 1920–1945 гг. М., 2001; *Волков С. В.* Трагедия русского офицерства. М., 2002; *Голдин В. И.* Армия в изгнании: Страницы истории Русского общевоинского Союза. Мурманск, 2002; *Ершов В. Ф.* Российское военно-политическое зарубежье в 1918-1945 гг. М., 2000; *Кузнецов Н. А.* Русский флот на чужбине. М., 2009; *Окороков А. В.* Фашизм и русская эмиграция (1920-1945 гг.). М., 2001; *Окороков А. В.* Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. М., 2000; *Окороков А. В.* Русская эмиграция. Политические, военно-политические и воинские организации 1920-1990 гг. М., 2003 и др.

военно-политических организаций в их взаимодействии с эмигрантами. Историки уделяют большое внимание деятельности и влиянию РОВС на восприятие военными эмигрантами той общественно-политической ситуации, которая складывалась накануне войны. Непосредственно к военной тематике примыкает такой аспект проблемы, как казачество в эмиграции, который активно разрабатывался и разрабатывается в кандидатских и докторских диссертациях⁶¹.

В последнее время осуществляется реализация различных биографических проектов, что придает истории Русского Зарубежья человеческое измерение⁶². Развиваются исследования по проблемам культурной жизни и творчества русской послереволюционной эмиграции, в частности, в таких сферах, как образование, наука, литература, искусство и архитектура⁶³. Появляются труды по истории зарубежной Русской Православной Церкви⁶⁴. На страницах этих трудов вскользь упоминается и о жизни ряда представителей русской диаспоры во Франции в годы Второй мировой войны. Но, как правило, от монографии к монографии упоминаются одни и те же имена и судьбы, обходят вниманием исследование коллективного поведения, заостряя его на отдельных фактах.

Несмотря на рассмотренные исследования, по-прежнему особую дискуссию вызывает участие эмигрантов в войне как на стороне Вермахта,

---

⁶¹ *Парфенова Е. Б.* Казачья эмиграция в Европе в 1920-е годы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. М., 1997; *Пеньковский Д. Д.* Эмиграция казачества из России и ее последствия (1920–1945 гг.): Автореф. дис.... д-ра ист. наук. М., 2006; *Худобородов А. Л.* Российское казачество в эмиграции (1920-1945 гг.): Социал., военно-полит. и культ. пробл.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1997.

⁶² *Незабытые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917-1997: В 6 т.* М., 1999-2007; *Шмаглит Р. Г.* Русское зарубежье в XX веке. М., 2007; *Судьбы поколения 1920 - 1930-х годов в эмиграции: Очерки и воспоминания* М., 2006 и др.

⁶³ *Раев М. И.* Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции: 1919-1939. М., 1994; *Российская научная эмиграция: Двадцать портретов.* М., 2001; *Российская интеллигенция на родине и в зарубежье: Новые документы и материалы.* М., 2001; *Базанов П. Н.* Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917-1988 гг.). 2-е изд., доп. и испр. СПб., 2008; *Хрисанфов В. И.* Д.С. Мережковский и З.Н. Гиппиус: Из жизни в эмиграции. СПб., 2005.

⁶⁴ *Нивьер А.* Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе, 1920-1995. М.; Париж, 2007; *Попов А. В.* Российское православное зарубежье: история и источники. М., 2005; *Российское православие за рубежом: библиографический указатель литературы и источников: 1918-2006.* М., 2007.

так и на стороне движения Сопротивления⁶⁵. Научный интерес представляет монография архангельского ученого В. И. Голдина «Роковой выбор. Русское военное зарубежье в годы Второй мировой войны» за объективное и всестороннее представление русского военного зарубежья в ходе войны, за привлечение большого массива архивных документов, ГА РФ прежде всего, и стремление беспристрастно их проанализировать. Но исследование касается представителей бывших Белых армий, а значит, отражает только часть общей картины и не позволяет сделать выводы о выборе эмиграции в целом.

Пожалуй, наиболее полную информацию о русском военном зарубежье, симпатизировавшем фашистским и национал-социалистическим режимам Европы накануне и в годы Второй мировой войны, можно получить из монографии военного историка А. В. Огорокова «Фашизм и русская эмиграция (1920–1945 гг.)»⁶⁶. На основании ранее неизвестных документов и материалов периодической печати, автор дает всестороннюю характеристику деятельности таких эмигрантских организаций, как: Российская фашистская партия, Всероссийская фашистская организация, Российское национал-социалистическое движение, Русский национальный союз участников войны (РНСУВ), Российское народно-имперское движение, Национально-Трудовой Союз нового поколения (НТСНП).

В последнее десятилетие вышло немало работ, посвященных российскому освободительному движению и разным аспектам формирования армии под командованием А. А. Власова в годы Второй мировой войны⁶⁷.

⁶⁵ Голдин В. И. Роковой выбор. Русское военное зарубежье в годы Второй мировой войны. Архангельск, 2005; Дробязко С. И. Вторая мировая война 1939-1945: Восточные легионы и казачьи части в вермахте. М., 2000; Кривошеева Е. Г. Российская эмиграция накануне и в период Второй мировой войны (1936-1945 гг.). М., 2001; Крикунов П. Н. Казаки. Между Гитлером и Сталиным: крестовый поход против большевизма. М., 2005; Между Россией и Сталиным: Российская эмиграция и Вторая мировая война. М., 2004; Огороков А. В. Фашизм и русская эмиграция (1920-1945 гг.). М., 2001; Хохлова В. П. Российские эмигранты на африканском театре военных действий (1939-1945 годы) // Куда идешь, Африка?: Историко-политические этюды. М., 2004; Цурганов Ю. С. Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во Второй мировой войне. М., 2001; Урицкая Р. Л. Они любили свою страну... Судьба русской эмиграции во Франции с 1933 по 1948 г. СПб., 2010.

⁶⁶ Огороков А. В. Фашизм и русская эмиграция (1920–1945 гг.) М., 2001.

⁶⁷ Александров К. М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А. А. Власова, 1944-1945: биографический справочник. М., 2009; Казанцев А. С. Третья сила: Россия между нацизмом и коммунизмом

Однако в большинстве из них нет разграничения между советскими военнопленными и русскими эмигрантами довоенного периода, тем более отсутствует репрезентативная выборка по странам проживания последних.

Одна из новейших работ по теме диссертационного исследования – монография Р. Л. Урицкой «Они любили свою страну... Судьба русской эмиграции во Франции с 1933 по 1948 г.»⁶⁸. Данное исследование отличается привлечением документов из французских архивов: Национального архива Франции, Центра архивов Новейшего времени, Архива Министерства иностранных дел Франции, Архива Префектуры полиции Парижа, Архива музея человека, при этом некоторые из них публикуются впервые. Историк исследует политические позиции русских эмигрантов, их отношение к Родине накануне войны; анализирует поведение русских эмигрантов в годы войны, характеризуя то, как теоретические взгляды нашли свое воплощение на практике; изучает отношение русских эмигрантов к СССР в конце войны и в послевоенные годы. Автор ярко описывает условия жизни русской эмиграции во Франции времен оккупации, коллаборационизм русских эмигрантов, а также их участие в движении Сопротивления. В данной работе вновь за долгое время поднимается такой малоизученный вопрос, как сотрудничество русских эмигрантов и советских военнопленных, сбежавших из немецких концлагерей. Однако работа не содержит количественной оценки участия российской эмиграции в военных событиях и даже использует завышенные и уже порядком устаревшие сведения об общем числе русских беженцев накануне Второй мировой войны. В монографии собран богатый фактический материал, но нет анализа общей картины происходившего.

1941-1945. М., 2011; *Смыслов О. С.* «Пятая колонна» Гитлера. От Кутепова до Власова. М., 2004; *Смыслов О. С.* Проклятые легионы: изменники Родины на службе Гитлера. М., 2007; *Жуков Д. А., Ковтун И. И.* 29-я гренадерская дивизия СС "Каминский". М., 2009; *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь и власовское движение // Вестник церковной истории. 2006. № 4. С. 150—175; *Маньков С. А.* Русские добровольцы в составе Валлонского легиона, 1941—1945 гг. // Новый часовой (Санкт-Петербург). 2006. № 17-18. С. 173—182; *Дробязко С. И., Романько О. В., Семенов К. К.* Иностранные формирования Третьего рейха. М.: Астрель, 2011.

⁶⁸*Урицкая Р. Л.* Они любили свою страну... Судьба русской эмиграции во Франции с 1933 по 1948 г. СПб., 2010.

Принимая во внимание результаты предшествующих исследований, приходится констатировать тот факт, что по-прежнему остается спорным вопрос о численности русской эмиграции во Франции накануне войны. Без всякого сомнения, эти данные, в первую очередь, необходимы для определения того, какая позиция преобладала в среде русских эмигрантов, какая часть проявила себя в Сопротивлении, а какая – сотрудничала с врагом.

Согласно отечественным исследованиям разных лет, русская эмиграция во Франции накануне Второй мировой войны насчитывала, по разным оценкам, от 70 до 400 тысяч человек. Этим вопросом занимались многие исследователи, среди которых: С. С. Ипполитов, В. М. Недбаевский, Ю. И. Руденцова⁶⁹, В. И. Хрисанфов⁷⁰. Интересные численные данные об участии русской эмиграции во Франции во Второй мировой войне приводятся в коллективном труде «Между Россией и Сталиным: Российская эмиграция и Вторая мировая война» (ответственный редактор С. В. Карпенко)⁷¹, в работах Л. К. Шкаренкова⁷², А. В. Окорокова⁷³. Однако в силу неоднозначности оценок, несмотря на многочисленные попытки ученых их систематизировать, вопрос о численности русских эмигрантов во Франции накануне Второй мировой войны остается открытым и требует дальнейшего изучения, с учетом данных как правительственных источников и прессы тех лет, так и результатов зарубежных исследований.

Неоднозначность оценок, сохраняющаяся и в современных исследованиях, вызвала очередной всплеск интереса к проблеме определения численности русской эмиграции в межвоенный период. Стоит отметить, что 2014 г. был отмечен выходом в печать нескольких трудов, в которых была предпринята попытка разобраться в подсчетах. Один из них – работа профессора Санкт-Петербургского университета В. И. Хрисанфова

---

⁶⁹ *Ипполитов С. С., Недбаевский В. М., Руденцова Ю. И.* Три столицы изгнания...

⁷⁰ *Хрисанфов В. И.* «Третья Россия»: миф или реальность? (К вопросу о численности первой волны российской эмиграции) // Материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Луга, 1997. С. 51–54.

⁷¹ *Между Россией и Сталиным...*

⁷² *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции...

⁷³ *Окороков А. В.* Фашизм и русская эмиграция...

«Российский “исход”: мифы и реальность. Историографическое исследование о численности “первой волны” российской эмиграции 1917-1920 гг.»⁷⁴. На материалах эмигрантской периодической печати 1920-х гг., всего более 25 изданий, вышедших в главных центрах рассеяния русской эмиграции, историк приходит к выводу, что общая численность российской эмиграции первой послереволюционной волны не превышала 1 миллиона человек⁷⁵, а скорее всего, составляло не более 600 тысяч беженцев и политических эмигрантов⁷⁶. При этом В. И. Хрисанфов признает, что относительно численности российских диаспор в отдельных странах расселения нужно еще разбираться. Автор стремится преодолеть недостатки опубликованных ранее работ, затрагивавших вопрос о численности российской эмиграции. В отличие от многих из них им рассматриваются эмиграционные потоки в своей динамике, учитываются процессы реэмиграции, переселения из одной страны в другую и даже из одного города в другой, а также демографические показатели смертности и рождаемости.

Другая работа, о которой следует упомянуть особо, – это шеститомное издание «Русский мир в XX веке», где вопросы географии и численности русской эмиграции исследуемого периода посвящены главы в томе 2 «Феномен зарубежной России 1920-х годов»⁷⁷, составленном профессором Московского государственного университета З. С. Бочаровой, давно и продуктивно занимающейся историей российского зарубежья и его правовым статусом в 1920-30-е годы, и томе 4 «На фронтах Второй мировой и «холодной» войн: русские эмигранты в 1939 – начале 1950-х гг.»⁷⁸, составленном профессором Уральского федерального университета

---

⁷⁴ Хрисанфов В. И. Российский “исход”: мифы и реальность. Историографическое исследование о численности «первой волны» российской эмиграции 1917-1920 гг. СПб., 2014.

⁷⁵ Там же. С. 44.

⁷⁶ Там же. С. 168.

⁷⁷ Бочарова З. С. Феномен зарубежной России 1920-х годов. Т. 2 // Русский мир в XX веке. В 6 т. Под редакцией Г. А. Бордюгова и А. Ч. Касаева. М.; СПб., 2014.

⁷⁸ Антошин А. В. На фронтах Второй мировой и «холодной» войн: русские эмигранты в 1939 – начале 1950-х гг. Т. 4 // Русский мир в XX веке. В 6 т. Под редакцией Г. А. Бордюгова и А. Ч. Касаева. М.; СПб., 2014.

А. В. Антошиным. Это прекрасный пример скоординированной совместной работы ученых из разных центров изучения российской эмиграции.

Обзор отечественной историографии проблемы показывает, что несмотря на появление большого числа работ, посвященных жизни русской эмиграции, нередко были случаи идеализации Русского Зарубежья, ведь поменялась и сама политическая установка: эмигранты стали рассматриваться как жертвы советских репрессий, потерянное поколение, вторая Россия, соотечественники, играющие немалую роль в построении позитивного имиджа России за рубежом. Кроме того, в новых условиях доступности многих произведений эмигрантской и иностранной литературы зачастую использовались и даже заимствовались зарубежные оценки и выводы. Особенно это касается работ первой половины 1990-х гг.⁷⁹ Только в последнее десятилетие появляются работы, стремящиеся преодолеть заблуждения прошлых лет.

ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Первые работы иностранных авторов, посвященные проблеме русских беженцев в Европе, появляются уже в 1920-е гг. Они интересны, в первую очередь, тем, что дают общее представление о юридическом статусе и правах русских эмигрантов. Поскольку эти вопросы решались на международном уровне, неудивительно, что в 1920–1930-е гг. велись подсчеты численности русских эмигрантов в разных странах, проводимые как под эгидой Лиги Наций и Международного Красного Креста, так и при поддержке правительств стран-реципиентов. Результаты этих исследований были опубликованы и до сих пор активно используются как в зарубежной, так и в отечественной историографии⁸⁰. Однако, как уже отмечалось выше, вопрос о численности русских эмигрантов во Франции накануне Второй мировой

⁷⁹ См. напр.: Костиков В.В. Не будем проклинать изгнание...

⁸⁰ *Simpson John H.* Refugees: Preliminary Report of a Survey. London, July 1938; *Mauro G.* Les étrangers en France: leur rôle dans l'activité économique. Paris, 1932; *Huntington W. C.* The Homesick Million – Russia out of Russia. Boston, 1933; *Delage J.* La Russie en exil. Paris, 1930; *Kulischer E. M.* Europe on the Move: War and Population Changes, 1917–1947. NY., 1948; *Johnston R. H.* "New Mecca, new Babylon". Paris and the Russian exiles, 1920-1945. Kingston & Montreal, 1988 и др.

войны остается открытым и требует дальнейшего изучения. Более подробно эта проблема рассматривается во второй главе диссертационного исследования.

В зарубежной литературе, посвященной событиям Второй мировой войны во Франции, особое внимание традиционно уделяется организации движения Сопротивления как на территории страны⁸¹, так и в пределах Европы⁸². Появляются исследования, посвященные участию женщин во Второй мировой войне и движении Сопротивления, в которых находят отражение героизм и мужество и русских эмигрантов и советских граждан⁸³.

Что касается жизни русских эмигрантов во Франции в годы оккупации, этот вопрос вскользь упоминается на страницах трудов, посвященных участию иностранцев в движении Сопротивления⁸⁴, а также в общих работах по истории русской эмиграции на Западе⁸⁵. В последних встречается столь распространенная в отечественной историографии классификация по политической позиции: «пораженчество», «оборончество» и «третья сила».

Особое внимание следует уделить работам, посвященным деятельности отдельных групп Сопротивления. В них находят отражение самоотверженность русских эмигрантов⁸⁶.

---

⁸¹ Ehrlich B. *Resistance: France 1940-1945*. Boston, 1965; Amouroux H. *La vie des Français sous l'occupation*. T. 1. 2. Paris, 1967; Chambard C. *Maquis: A History of the French Resistance Movement*. Indianapolis, 1976; Garmont A., de. *Between Hell and Reason: Essays from the Resistance Newspaper Combat 1944-1947*. Boston, 1991; Belot R. *La Résistance sans de Gaulle. politique et gaullisme de guerre*. Paris, 2006; Vichy, resistance, liberation. *New perspectives on wartime France* / Ed. by Hanna Diamond & Simon Kitson. Oxford, 2005; "Faire l'histoire de la Résistance", colloque international. Actes du Colloque international (18-19 mars 2008) / Sous la dir. de Laurent Douzou. Rennes, 2010 etc.

⁸² Seth R. *Undaunted: The Story of Resistance in Western Europe*. New York, 1956; Macksey K. *Partisans of Europe in the Second World War*. New York, 1975; Michel H. *Shadow War: European Resistance, 1939-1945*. New York, 1972; Foot M.R. *Resistance: European Resistance to Nazis, 1940-1945*. New York, 1977; Haestrup, J. *European Resistance Movements, 1939-45*. London, 1981; Semelin J. *Sans armes face à Hitler: La résistance civile en Europe, 1939-1945*. Paris, 1989; Moore B. *Resistance in Western Europe*. Oxford, 2000 etc.

⁸³ Cottam K. J. *Women in War and Resistance: Selected Biographies of Soviet Women Soldiers*. Nepean, 1998; Diamond H. *Women and the Second World War in France, 1939-1948: Choices and Constraints*. London, 1999; Weitz M. C. *Les combattantes de l'ombre. Histoire des femmes dans la Résistance, 1940-1945*. Paris, 1997 etc.

⁸⁴ Peschanski D. *Des Étrangers dans la Résistance*. Paris, 2002; Georges-Picot G. *L'innocence et la ruse: des étrangers dans la résistance en Provence (1940-1944)*. Paris, 2000; Courtois S., Peschanski D., Rayski A. *Le Sang de l'étranger: les immigrés de la MOI dans la Résistance*. Paris, 1989 etc.

⁸⁵ Massip M. *La vérité est fille du temps: Alexandre Kasem-Beg et l'émigration russe en Occident, 1902-1977*. Geneve, 1999; Robinson P. *The White Russian army in exile, 1920-1941*. Oxford, 2003 etc.

⁸⁶ Calmette A. *L'OCM. Organisation Civile et Militaire. Histoire d'un mouvement de la Résistance de 1940 à 1945*. Paris, 1961; Blumenson M. *Le Réseau du Musée de l'Homme*. Paris, 1979; Krivopissko G. *Anna Marly, auteur du Chant des partisans // Des femmes dans la vie sociale et culturelle de 1939 à 1945*. Paris, 2007. P. 6-7.

До конца 1960-х – начала 1970-х гг. вопрос сотрудничества французов с врагом в годы Второй мировой войны не поднимался, и даже сейчас тема коллаборационизма является весьма противоречивой и неизменно вызывает острую полемику⁸⁷.

Роберт Пакстон – американский историк, специализирующийся на истории Франции времен нацистской оккупации 1940–1944 гг. В 1960–1970-х гг. он был одним из первых, кто на основе анализа немецких архивов поднял вопрос активного коллаборационизма Франции режима Виши⁸⁸. Историк аргументированно доказывал, что правительство Петэна не просто было вынуждено сотрудничать с захватчиком, а сознательно стремилось навести «новый порядок» в стране. Поначалу его выводы вызвали бурную реакцию неприятия, а работу называли революционной в историографии проблемы, но в настоящее время его заключения получают все большее распространение и дальнейшее развитие, например, в трудах Анри Руссо и Жан-Пьера Азема⁸⁹.

Историей движения Сопротивления и оккупации Франции в это же время занимался английский историк Род Кедворд⁹⁰. Отличительной чертой его исторического подхода является внимание к жизненному выбору обычных людей, поэтому центральное место в его исследованиях отводится устным источникам: интервью с французами и француженками – очевидцами событий. Именно такой антропоцентристский подход и позволяет избежать осуждения и резких оценок.

---

⁸⁷ *Dank M.* French against the French: Collaboration and Resistance. Philadelphia, 1974; *Résistants et collaborateurs: Les Français dans les années noires.* Paris, 1985; *Hirschfield G. and M., P.* Collaboration in France: Politics and Culture during the Nazi Occupation, 1940-1944. Munich, 1989; *Lloyd C.* Collaboration and Resistance in occupied France. representing treason and sacrifice. Basingstoke, 2003; *Gildea R.* Marianne in Chains: In search of the German Occupation, 1940-1945. London, 2003; *Alary E.* La ligne de démarcation, 1940-1944. Paris, 2003 etc.

⁸⁸ *Paxton R. O.* Vichy France: Old Guard and New Order, 1940-44. 1st edition. New York, 1972. (2d edition: 2001).

⁸⁹ *Le régime de Vichy et les Français / Sous la dir. de Jean-Pierre Azéma et François Bédarida; avec la collab. de Denis Peschanski et Henry Rousso; avant-propos d'Hubert Curien; introd. de René Rémond.* Paris, 1992; *Azema J.-P., Bedarida F.* France des années noires. Paris, 1993; *Bedarida F.* Touvier, Vichy et le crime contre l'humanité: le dossier de l'accusation. Paris, 1996.

⁹⁰ *Kedward H.R.* In Search of the Maquis: Rural Resistance in Southern France, 1942-1944. Oxford; New York, 1993; *Kedward H.R.* Occupied France: Resistance and Collaboration. Oxford, 1985; *Kedward H.R.* Resistance in Vichy France: Study in Ideas and Motivation in the Southern Zone, 1940-42. New York, 1978.

Что касается темы сотрудничества русской эмиграции во Франции с нацистами, то в свете новых работ, о которых упоминалось выше, она остается малоизученной и требующей дополнительных исследований.

ЭМИГРАНТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

В исследовании проблемы русской эмиграции особый интерес представляют работы, выпущенные самими эмигрантами. Первоначально издательская деятельность русской эмиграции была своеобразной формой идеологического противоборства. Но главная ее ценность заключается в возможности проанализировать, как менялось осмысление авторами своего места в историческом процессе как непосредственных его участников.

Семья русских эмигрантов Кривошеиных, занимавших активную сопротивленческую позицию в годы оккупации Франции и принявших непосредственное участие в составлении «Вестника русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции» (1946–1947 гг.), фокусирует внимание именно на участии русских эмигрантов в рядах французского Сопротивления. Хотя в выпусках «Вестника» есть воспоминания о противоположных – коллаборационистских – действиях, это не тот момент, который они считают нужным освещать подробно, оставляя подобную позицию на совести тех, кто ее занимал. Вообще надо сказать, в эмиграции в первые десятилетия после войны было принято замалчивать о том, что считалось постыдным, а чаще всего, если такое становилось достоянием общественности, оправдывать причастных.

Исследовательские работы о месте русской эмиграции в историческом процессе, в частности, их роль в событиях Второй мировой войны, в эмигрантской научной мысли появляются позднее. Среди них работы исследователей М. В. Назарова, Н. А. Струве, М. Горбофф и др.⁹¹. Труд М. В. Назарова интересен тем, что это попытка проанализировать развитие

---

⁹¹ Назаров М. В. Миссия русской эмиграции. Т.1. Ставрополь, 1992; Эмиграция и репатриация в России / В. А. Ионцев, Н. М. Лебедева, М. В. Назаров, А. В. Окороков. М., 2001; Gorboff M. La Russie fantôme. L'émigration russe de 1920 à 1950. Lausanne, 1995; Struve N. A. Soixante-dix ans d'émigration russe (1919–1989). Paris, 1996 и др.

русской эмиграции и ее мотивации, сделанная человеком, непосредственного участия в основных событиях не принимавшим. Хотя абсолютно объективной эту работу назвать нельзя, мысли о главной задаче русской эмиграции по сохранению и распространению русской культуры заслуживают внимания. Н. А. Струве, возглавляющий крупнейшее в Европе русскоязычное издательство YMCA-Press, а также открытое в 1991 г. в Москве издательство «Русский путь», в своем фундаментальном исследовании «Семьдесят лет русской эмиграции» приводит заслуживающие внимания численные данные о демографических процессах в среде русской эмиграции в межвоенный период. М. Горбофф как представительница второго поколения в эмиграции также подчеркивает роль первой волны в создании феномена Русского Зарубежья как культурного, творческого единения бывших соотечественников, но вопрос ее участия в событиях Второй мировой войны затронут вскользь.

Историк-эмигрант П. Ковалевский является одним из первых, кто стремился дать комплексное представление о жизни Русского Зарубежья за 1920–1970-е гг. Его работа содержит обзорную информацию по различным сферам человеческой жизни, при этом он касается и столь противоречивого вопроса о численности русской эмиграции. В частности, он насчитывает накануне Второй мировой войны 100–150 тысяч русских беженцев во Франции⁹².

Один из современных историков из эмигрантской среды Катрин Гусефф внесла серьезный вклад в область исследования проблемы русской эмиграции в Европе в межвоенный период⁹³. На русский язык книга была переведена и издана в 2014 г. издательством «Новое литературное обозрение» под названием «Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920–1939 годы)»⁹⁴. В оригинале название звучит шире, чем в

⁹² Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). Париж, 1971. С. 31.

⁹³ Gousseff C. L'exil russe. La fabrique du réfugié apatride (1920-1939). Paris, 2008.

⁹⁴ Гусефф К. Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920-1939 годы). М., 2014.

переводе. Хотя внимание К. Гусефф сконцентрировано на эмиграции во Франции, она рассматривается в контексте мировых миграционных и демографических процессов. Она вводит в оборот многие не публиковавшиеся ранее материалы из архивов: архива Центрального бюро по делам русских беженцев, Центрального бюро по делам беженцев и апатридов в Париже, архива Лиги Наций, архивов русской эмиграции во Франции, России и США. Особое внимание автор уделяет социально-правовому статусу апатрида и беженца, изучая условия жизни русских эмигрантов во Франции. Это одна из немногих попыток дать характеристику массового поведения русских беженцев без концентрации внимания на отдельных личностях или даже социальных группах. В основе анализа лежат статистические отчеты, что и позволяет воссоздать демографические процессы и развенчать некоторые мифы о русской эмиграции вообще и во Франции, в частности. По подсчетам ученого, численность русских беженцев во Франции достигает 80 тысяч человек⁹⁵. Этот численный показатель заслуживает особого внимания.

Проблема социальной адаптации русских беженцев во французской провинции, их судьбы и мысли затронуты в серии очерков журналиста К. К. Парчевского в парижской газете «Последние новости», изданные единым блоком в сборнике «По русским углам» в 2002 г.⁹⁶

Участие русской эмиграции во Франции в событиях Второй мировой войны рассматривается как в мемуарной литературе, так и на страницах эмигрантской периодической печати. В первую очередь, это биографические материалы о героях движения Сопротивления из среды русской эмиграции: матери Марии, Вики Оболенской, Софьи Носович, Б. Вильде и др.⁹⁷. Выходят

---

⁹⁵

⁹⁶ *Парчевский К.К.* По русским углам. М., 2002.

⁹⁷ Вестник русских добровольцев, партизан и участников движения Сопротивления. Париж, 1946. № 1; Вестник русских добровольцев, партизан и участников движения Сопротивления. Париж, 1947. № 2; *Шаховская З.* Памяти отца Ник. Оболенского: Время родиться и время умирать // Русская мысль. Париж, 1979. 12 июля; *Шаховская З.* Тихое геройство: Памяти Софьи Носович // Русская мысль. Париж, 1978. 7 декабря; Материалы к жизнеописанию о. Дмитрия Клепинина // Вестник Русского христианского движения. Париж, 2004. № 187. С. 34-50; Материалы к жизнеописанию Юры Скобцова // Вестник Русского

и монографические труды о вкладе русских эмигрантов в дело антифашистской борьбы⁹⁸.

Сравнительно недавно стали появляться и работы, в которых нашли отражение и коллаборационистские действия наших соотечественников⁹⁹.

Следует отметить фотоальбом, сопровождающийся текстовым материалом на русском и французском языках, историка и коллекционера А. Корлякова «Русская эмиграция в фотографиях: Франция 1917–1947 гг.»¹⁰⁰. Тематически структурированные и расположенные в хронологическом порядке, снимки дают представление о самых различных областях жизни русских в изгнании. Такие наглядные материалы придают истории человеческое лицо, что нередко ускользает в сводках фактических данных.

Историографический обзор показывает, что с момента начала послереволюционной волны эмиграции в России и за рубежом сложился огромный массив литературы, посвященной истории вопроса. При этом именно в постсоветский период она возросла многократно, а также получила свое развитие в многообразии жанров, направлений и методических подходов. Эмигрантская тематика активно разрабатывается в диссертационных исследованиях¹⁰¹, публикуются ценные документы и

христианского движения. Париж, 2004. № 187. С. 60-66; Федотов Г.П. И.И. Фондаминский в эмиграции // Вестник Русского христианского движения. Париж, 2004. № 187. С. 73-82 и др.

⁹⁸ *Лярош Г.* Русские во французском Сопротивлении // Прометей. 1969. Вып. 7; *Laroche G.* On les nommait des étrangers. (Les immigrés dans la Résistance). Paris, 1965; *Гаккель С.*, протоиерей. Мать Мария. 2-е издание, испр. и доп. Paris, 1992.

⁹⁹ *Andreyev C.* Vlasov and the Russian Liberation Movement: Soviet reality and émigré theories. Cambridge, 1989.

¹⁰⁰ *Korliakov A.* L'Émigration russe en photos. France 1917-1947. Tome II: Honneur et dignité maintenus. Paris, 2001.

¹⁰¹ *Бочарова З. С.* Движение за возвращение на родину в российской эмиграции (1920-е годы): Автореф. дис.... канд. ист. наук. М., 1994; *Еременко Л. И.* Русская эмиграция как социально-культурный феномен: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993; *Ершов В. Ф.* Российское военно-политическое зарубежье в 1920–1945 гг. (организация, идеология, экстремизм): Автореф. дис.... д-ра ист. наук. М., 2000; *Зайцева Н. Л.* Советские граждане в западноевропейском движении Сопротивления (1942-1945 гг.) Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1983; *Исаев Ю. Н.* Участие российской эмиграции во Второй мировой войне: Автореф. дис....канд. ист.наук. Брянск, 1999; *Кривошеева Е. Г.* Российская послереволюционная эмиграция накануне и в период Второй мировой войны: Дисс. ... д-ра. ист. наук. М., 2003; *Лебеденко Р. В.* Участие российской эмиграции и советских военнопленных во французском движении Сопротивления в годы Второй мировой войны (1939-1945 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2011; *Окороков А. В.* Антисоветские воинские формирования в годы Второй Мировой войны. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д.ист.н. М., 2001; *Парфенова Е. Б.* Казачья эмиграция в Европе в 1920-е годы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997; *Пеньковский Д. Д.* Эмиграция казачества из России и ее последствия (1920–1945 гг.): Автореф. дис.... д-ра ист. наук. М., 2006;

материалы. Происходит не просто изучение русской эмиграции XX в. как уникального феномена отечественной истории, но рассмотрение ее в пространстве мировой истории миграций и общего пространства зарубежного Русского мира.

Однако объем существующей литературы не следует переоценивать: требуют дальнейшего изучения многие аспекты истории эмиграции. Предстоит кропотливое исследование последствий и масштабов воздействия данного феномена на развитие мировой цивилизации. Работы, посвященные русской эмиграции вообще и периоду Второй мировой войны, в частности, отличаются либо поверхностным анализом в стремлении представить комплексную картину происходившего, либо глубиной анализа узкого вопроса; либо тенденциозностью, либо отсутствием ярко выраженной позиции. Преодоление этих антагонизмов еще предстоит осуществить научной мысли.

Тема русской эмиграции во Франции в годы Второй мировой войны еще слабо изучена в исторической науке. Нуждаются в дальнейшей разработке вопросы определения численности русской эмиграции во Франции, числа участников движения Сопротивления и коллаборационистов в ее среде, поскольку по данным вопросам до сих пор в науке нет единого мнения. Необходимо уточнить, по каким параметрам велся подсчет ранее и какие параметры наиболее целесообразно положить в основу мониторинга численности эмигрантов.

Кроме того, необходимо преодолеть зависимость научных исследований от политической конъюнктуры и рассматривать

Пронин А. А. Российская эмиграция в современной историографии: Автореф. дис.... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2001; *Сабенникова И. В.* Российская эмиграция (1917–1939): Сравнительно-типологическое исследование: Автореф. дис.... д-ра ист. наук. М., 2003; *Серегина Д. М.* Российская торгово-промышленная эмиграция во Франции в 1920–1939 гг.: Автореф. дис.... канд. ист. наук. М., 2005; *Сотников С. А.* Российская военная эмиграция во Франции в 1920–1945 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2006; *Худобородов А. Л.* Российское казачество в эмиграции (1920–1945 гг.): Социал., военно-полит. и культ. пробл.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1997; *Цурганов Ю. С.* Российская военная эмиграция в Европе 1939–1945 гг. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к.ист.н. Москва, 2001; *Шабанов Я. В.* Российское зарубежье и фашизм в Европе в 1920-х - 1930-х гг. (По материалам Рус. Обще-Воинского Союза): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.

идеологические представления и мотивы поведения русской эмиграции на основе данных психологии. При этом необходимо, чтобы отечественные исторические работы об участии русской эмиграции во Второй мировой войне отличались преемственностью по отношению к предыдущим исследованиям, и эмигрантским в том числе; чтобы они были нацелены на многостороннее освещение противоречивых настроений и действий той эпохи. Пока еще не появилось ни одной работы, которая бы проанализировала имеющийся фактический материал об участии российской эмиграции в событиях Второй мировой войны с точки зрения их мотивации в процессе принятия решений, что и было предпринято в данном диссертационном исследовании.

Русское Зарубежье часто переплетается с современными политическими и социокультурными реалиями, будь то перезахоронение на российской земле его видных деятелей, воссоединение русских православных церквей, возвращение на историческую родину из-за рубежа историко-культурных реликвий и ценностей, проблемы патриотического движения в условиях глобализации и размывания самого понятия «Родина». В таких условиях корректно и всесторонне изучаемая история данного феномена может способствовать выработке грамотной государственной политики по взаимовыгодному взаимодействию с соотечественниками за рубежом.

ГЛАВА II. РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ ВО ФРАНЦИИ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В КОНТЕКСТЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЕВРОПЕ

Окончание Первой мировой войны и становление Версальско-Вашингтонской системы международных отношений привели к перекройке политической карты Европы и формированию национальных государств. Одним из итогов этих процессов стало массовое перемещение беженцев, что потребовало от мирового сообщества координации усилий для урегулирования вопроса.

Февральская и Октябрьская революции в России, последовавшая за ними гражданская война привели к формированию большого потока мигрантов, ядро которых составляли военные. Принято выделять несколько потоков российской эмиграции: северный – через Петроград, Финляндию и Прибалтику в страны Западной Европы; южный – через юг России, Крым в Турцию, а оттуда в страны Западной и Центральной Европы и в Африку; срединный – через Польшу в Германию; восточный – через Сибирь на Дальний Восток в Китай и Японию. Наиболее многочисленные и влиятельные колонии сформировались, прежде всего, во Франции, Германии, Югославии. Но, конечно, эмигрантские сообщества не были постоянными по своему составу, а подвергались воздействию всех основных демографических процессов: смертность, рождаемость, репатриация, реэмиграция, натурализация.

2.1 Численность русской эмиграции в 1930-х гг.

Что касается численности первой волны русской эмиграции, вопроса ключевого при изучении этого феномена во всем его многообразии, то в науке нет единого мнения на сей счет. И разница исчисляется не единицами, сотнями или несколькими тысячами, а сотнями тысяч человек. Поскольку до

сих пор появляются работы, где фигурируют совершенно разные численные показатели, необходимо дать систематический обзор источников и разобраться в причинах такого колоссального разброса данных. Ранее подобные анализы не проводились, и исследование, таким образом, отличается новизной и научной ценностью.

В ходе научной работы была предпринята попытка выявить реальные количественные показатели на примере русской колонии во Франции в 1920–1930-х гг. как наиболее динамичной части российской диаспоры за рубежом.

В 1920–1930-е гг. велись подсчеты численности русских эмигрантов в разных странах, проводимые как под эгидой Лиги Наций и Международного Красного Креста, так и при поддержке правительств стран-реципиентов. Результаты этих исследований были опубликованы и до сих пор активно используются как в зарубежной, так и в отечественной историографии¹⁰².

Согласно отчетам Американского Красного Креста, опубликованным в ноябре 1920 г., во Франции расселилось 175 тысяч русских эмигрантов. По данным Лиги Наций, обнародованным в августе 1921 г., во Франции, включая территорию Алжира и Туниса, проживало 250 тысяч русских эмигрантов. Более скромные цифры даны в работах П. Е. Ковалевского со ссылкой на официальные материалы: «для 1921 года официальная статистика дает только 31 347, для 1926 г. – 67 218, а максимальная цифра в 71 928 приходится на 1931 год. Перед Второй мировой войной количество русских снижается до 64 тысяч»¹⁰³. Близкую цифру приводит Донской атаман, граф М. Н. Граббе в отчете префекту полиции Парижа от 24 января 1941 г. «Русская колония во Франции»: «Можно оценить число русских, проживающих во Франции, цифрой в 65 тысяч человек. Та же цифра

¹⁰² *Delage J.* La Russie en exil. Paris, 1930; *Huntington W. C.* The Homesick Million — Russia out of Russia. Boston, 1933; *Johnston R. H.* 'New Mecca, new Babylon'. Paris and the Russian exiles, 1920–1945. Kingston & Montreal, 1988; *Kulischer E. M.* Europe on the Move: War and Population Changes, 1917–1947. New York, 1948; *Mauco G.* Les étrangers en France: leur rôle dans l'activité économique. Paris, 1932; *Simpson John H.* Refugees: Preliminary Report of a Survey. London, 1938 etc.

¹⁰³ *Ковалевский П. Е.* Зарубежная Россия. История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). Доп. выпуск. Paris, 1973. С. 32.

фигурировала в прессе накануне войны в 1939 г.» (перевод с французского – Н. Т.)¹⁰⁴.

Согласно французской переписи населения, к середине 1930-х гг. во Франции проживало 91 577 русских беженцев¹⁰⁵, при этом, правда, учитывались только лица, имевшие при въезде нансеновские паспорта. То есть данная оценка не учитывает тех, кто приехал по другим документам либо нелегально, а также тех, кто получил уже французское гражданство.

По данным Министерства труда, накануне войны во Франции насчитывалось около 100 тысяч русских беженцев, из них 26 тысяч – в парижском округе¹⁰⁶.

Что касается географии расселения русской эмиграции, то вполне естественно, что в Париже и его окрестностях осело большое число русских беженцев, а Париж был политическим и культурным центром Русского Зарубежья. Согласно подсчетам Жана Делага, в 1930 г. в 20 округах Парижа проживало 43 250 русских, а в предместьях еще 9 500 человек¹⁰⁷. Как отмечал известный демограф того времени Жорж Моко, в 1932 г. в департаменте Сены насчитывалось 36 964 русских эмигрантов, в соседнем с ним департаменте Сены и Уазы – 3 503¹⁰⁸. П. Е. Ковалевский ссылается на официальную статистику 1937 г., согласно которой в Париже проживало 32 915 русских (не натурализованных и не имевших иного подданства), имевших нансеновские паспорта, и 1582 советских гражданина. Во всем департаменте Сены их было в 1937 году (последняя полная статистика) 37 579, в соседнем департаменте Сены и Уазы – 4314¹⁰⁹.

¹⁰⁴ Русская колония во Франции. Граф Михаил Граббе префекту полиции Парижа, 24 января 1941 г. // ГАРФ. Ф. Р-6461. Оп. 2. Д. 34. Л. 16.

¹⁰⁵ *Gessain R., Dore M.* Facteurs compares d'assimilation chez des Russes et des Armeniens // *Population*. 1946. № 1. P. 100.

¹⁰⁶ Полицейский отчет 1948 года «La colonie russe de Paris» («Русская колония в Париже») / публ. Д. Гузевича и Е. Макаренко, при участии И. Гузевич // *Диаспора*. Т. 8. Париж; Санкт-Петербург, 2007. С. 352.

¹⁰⁷ *Delage J.* La Russie en exil. P. 19.

¹⁰⁸ *Mauro G.* Les étrangers en France. P. 169.

¹⁰⁹ *Ковалевский П. Е.* Зарубежная Россия. Доп. выпуск. С. 33.

Центрами проживания русских эмигрантов стали также Лион, Марсель, Ницца и другие города и поселения французского государства, где наблюдалась нехватка трудовых ресурсов. По той же статистике 1937 г., на которую ссылается П. Е. Ковалевский, в департаменте Приморских Альп (Ницца и окрестности) проживало 4219 русских. Конечно, эти цифры приблизительны. Ярким примером служит положение в Лионе: по официальным данным там проживало 2669 русских, по сведениям городского управления – 1125, а в Русском эмигрантском лионском комитете их было зарегистрировано свыше пяти тысяч¹¹⁰.

Помимо официальной статистики, вопрос о численности русских эмигрантов не раз поднимала и периодическая печать тех лет. На страницах эмигрантских газет появлялись зарисовки из жизни диаспоры в разных населенных пунктах. Главными «большими» газетами французского эмигрантского общества были «Возрождение» и «Последние новости»¹¹¹. В 1920–30-х гг. они публиковали информацию о жизни и быте русских колоний, приводя и численные данные. Нами была предпринята попытка наглядно представить эти сведения в табличной форме. (Подробнее см. таб. 1 «Русские колонии во Франции в середине 20-х годов» и Таб. 2 «Русские колонии во Франции в середине 30-х годов».)

Таб. 1. Русские колонии во Франции в середине 20-х годов

Город	Численность русских эмигрантов на середину 1920-х гг.	Источник
Париж	30 000 43 250	Последние новости. 1921. 12 янв., Новый мир. 1921. 31 марта, Последние новости. 1925. 5 июня. Delage J. La Russie en exil. Paris: Delagrave, 1930. P. 19.
Лион	5 000, по другим данным: 6 000-9 000	Возрождение. 1925. 4 нояб. Последние новости. 1925. 1 февр.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Александровский Б. Н. Из пережитого в чужих краях. Воспоминания и думы бывшего эмигранта. М., 1969. С. 166.

Виши	500	Возрождение. 1925. 9 сент.
Бельфор	400	Возрождение. 1925. 25 июля.
Аррас	100	Возрождение. 1925. 29 авг.
Тулон	100	Последние новости. 1925. 6 авг.
Кале (Нормандия)	500	Возрождение. 1925. 14 дек.
Монтаржи	800	Возрождение. 1925. 28 нояб.
Сент-Этьен	200	Возрождение. 1925. 28 дек.
Клермон-Ферран	300	Возрождение. 1925. 1 окт.
Имфи	310	Возрождение. 1925. 17 дек.
Тараскон	186	Новое время (Белград). 1923. 25 дек.
Гренобль	500	Возрождение. 1925. 25 дек.; Последние новости. 1927. 10 нояб.
Марсель	3 000	Возрождение. 1925. 18 нояб.
Шербур	360	Последние известия (Ревель). 1924. 4 сент.
Амьен	15	Последние новости. 1925. 7 февр.
Южин (Савойя)	1000 рабочих + семьи	Последние новости. 1937. 10 янв.

Таб. 2. Русские колонии во Франции в середине 30-х годов

Город	Численность русских эмигрантов на середину 1930-х гг.	Источник
Париж	26 000 32 915	Полицейский отчет 1948 года “La colonie russe de Paris” («Русская колония в Париже»). Публикация Д. Гузевича и Е. Макаренко, при участии И. Гузевич // Диаспора: Новые материалы. Париж; Санкт-Петербург, 2007. Т. 8. С. 352; Archives de la Préfecture de Police, Paris (APP). Cart. BA 1681. Dos. 7023-N (51.343-13-19): Colonie Russe. 27.3.1948. Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920-1970). Доп. выпуск. Paris: Librairie des cinq continents, 1973. С. 33.
Лион	3 000 – 3 500	Последние новости. 1937. 14 февр.
Имфи	200	Часовой. 1931. № 48. С. 29.
Лотарингия	400	Последние новости. 1936. 30 авг.
Гренобль	300	Последние новости. 1937. 29 янв.
Ницца	1 500	Последние новости. 1937. 26 апр.

Марсель	1 500	Последние новости. 1937. 10 марта.
Аннеси	100	Последние новости. 1937. 23 янв.
Труа	400	Последние новости. 1936. 22 авг.
Кан	20	Последние новости. 1936. 26 сент.
Коломбель (6 км от Кана)	800	Последние новости. 1936. 3 окт.
Бордо	200	Последние новости. 1936. 28 окт.
Департаменты юго-западной Франции	600 рабочих + семьи	Последние новости. 1936. 28 окт.
Южин (Савоя)	300	Последние новости. 1937. 10 янв.
Шампань	80 рабочих + семьи	Последние новости. 1936. 16 окт.
Риу-Перу	60	Последние новости. 1937. 23 янв.
Армантьер	20	Последние новости. 1937. 23 янв.
Риве	20	Последние новости. 1937. 23 янв.
Канны	200	Последние новости. 1937. 29 марта.
Канн-ла-Бокка	310	Последние новости. 1937. 5 апр.

Всего во Франции 109 городов, 329 округов.

Для географии расселения выходцев из России в межвоенный период характерна высокая степень рассредоточенности по всей стране небольшими группами по 100–300 человек, что отражало политику коллективного найма рабочих. Исключение составляют только крупные города, бывшие либо центрами политической и культурной жизни эмиграции (Париж), либо перевалочными пунктами при дальнейшем трудоустройстве (Марсель).

Анализируя динамику изменения численности русских эмигрантов по одним и тем же городам и населенным пунктам, представленным в таблицах, мы наблюдаем снижение численности населения на 30–60 %. По сведениям правительственных учреждений Франции, Германии, балканских стран, число русских эмигрантов на 1936–1937 гг. не превышает по всей Европе 150–200 тысяч человек. Во Франции же на 1935 г. Министерство внутренних дел насчитывало не более 72 тысяч человек¹¹².

Что касается притока русских эмигрантов во Францию из Германии, то он был обусловлен сначала экономическими, а затем политическими причинами. Но зачастую Франция также рассматривалась как перевалочный

¹¹² Парчевский К. К. По русским углам. М., 2002. С. 178.

пункт для дальнейшего движения на Запад – в Соединенные Штаты Америки.

Относительно численности русского населения Франции в издававшейся в годы перестройки мемуарной и научной литературе эмигрантов встречаются самые различные цифры – от близких к реальности до фантастических. При этом подсчет в большинстве случаев ведется в статике. А реально в это время в стране наблюдается относительно большая миграция русских, где-то увеличивается диаспора, где-то уменьшается в одно и то же время.

В мемуарах А. Рубакина, со ссылкой на официальные данные, говорится, что в середине 20-х гг. во Франции проживало около 80 тысяч русских, главным образом, эмигрантов, хотя, по мнению самого Рубакина, их было «вероятно, больше, так как многие жили нелегально»¹¹³. С. Вербов в своих воспоминаниях писал, что только в Париже было 60–70 тысяч русских эмигрантов¹¹⁴.

Более скромное присутствие во Франции русских эмигрантов подтверждается подсчетами А. Изюмова, историка и бывшего заведующего отделом документов РЗИА, который не включал в это число граждан и русских резидентов лимитрофных государств, – 60–68 тысяч человек¹¹⁵.

Один из эмигрантских исследователей и сам представитель первой волны эмиграции П. Е. Ковалевский считал, что данные Международного Красного Креста и других организаций, а именно: 400 тысяч русских (он дает данные на 1929 г.), – явно преувеличены¹¹⁶. С этим нельзя не согласиться, тем более, что эта цифра основана на сведениях, представленных именно эмигрантскими организациями. А официальную цифру «72 тысячи», представленную французскими властями, П. Е. Ковалевский считал заниженной. Сам историк при этом оценивал действительное число русских

---

¹¹³ Рубакин А. Н. Над рекою времени. Воспоминания. М., 1966. С. 118.

¹¹⁴ Вербов С. Люди, пути, тропы. (Клуб заштатных интеллигентов). Париж, 1970. С. 244.

¹¹⁵ Kulischer E. M. Europe on the Move. P. 54-55.

¹¹⁶ Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия. Доп. выпуск. С. 31.

в 100–150 тысяч¹¹⁷, снижая эту цифру до 64 тысяч на конец 30-х гг¹¹⁸. Позднее М. Раев, опирающийся на данные комиссии Симпсона, округляет цифру 68 тысяч до 70 тысяч¹¹⁹.

В мемуарной литературе, издаваемой в рассматриваемый период, утверждается также, что к 1923 г. из Германии во Францию перебралось 100 тысяч русских, проживавших до этого в Берлине. Так, Роман Гуль считает, что в 20-е годы в Париже было 200-300 тысяч человек русских эмигрантов. При этом, по его мнению, «расцвет русского Парижа» приходился на конец 20-х годов¹²⁰. Однако это никак не стыкуется с реальной обстановкой конца 20-х годов. На самом деле, это было время мирового экономического кризиса и ни о каком «расцвете» говорить не приходится. Напротив, на наш взгляд, в это время наблюдается отток эмигрантов (о чем свидетельствуют данные комиссии Лиги Наций), ибо рабочих мест уже не хватало для самих французов.

В советский период, поскольку эмигрантская тема глубоко не изучалась, мелькавшие тогда цифры были также почерпнуты из русскоязычной прессы и мемуарной литературы. По данным Большой советской энциклопедии, число белоэмигрантов во Франции, на основании различных эмигрантских источников, составляло 400 тысяч человек, а в Париже проживало до 100 тысяч человек¹²¹. Эту же цифру приводит в своем исследовании Хантингтон, ссылаясь при этом на данные французского правительства¹²². Симпсон в своем отчете конца 1930-х гг. считает, что число русских беженцев во Франции в последних оценках явно преувеличено. Часто мелькавшую в официальных документах того времени цифру в 400 тысяч человек он считает «фантастической». По мнению Симпсона, определенным образом можно проверить различные оценки имеющимися

---

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Там же. С. 33.

¹¹⁹ Раев М. И. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции: 1919–1939. М., 1994. С. 203.

¹²⁰ Гуль Р. Я унес Россию. Апология эмиграции. Т. II: Россия во Франции. Нью-Йорк, 1984. С. 73.

¹²¹ Большая советская энциклопедия. 1-е изд. Т. 64. М., 1933. С. 162-163.

¹²² *Huntington W. C. The Homesick Million... P. 199.*

данными по переписи населения. Согласно таковой за 1926 г., число русских во Франции измерялось показателем в 67 218 человек, т. е. не учитывало русских беженцев из Балтийского региона и Польши, поскольку они фигурировали как граждане новых государств, а не апатриды. Симпсон утверждает, что к концу 1930-х гг. число русских беженцев во Франции колебалось в пределах 60–100 тысяч человек¹²³.

Очевидно, результаты его работы не были широкодоступны советскому историку. В исследованиях продолжали появляться завышенные данные. Например, Л. М. Спириин называет цифру 400 тысяч (на конец 20-х годов), ссылаясь на данные Международного бюро труда¹²⁴.

В 1990-е гг. снова в литературе «запестрели» огромные цифры, приводимые в отечественной историографии прибывающими в страну престарелыми представителями первой волны эмиграции и их детьми. В многочисленных интервью эти люди, к которым средства массовой информации относились с огромным пиететом, приводили все те же «заоблачные» данные о численности российской эмиграции.

Способствовали распространению неверной информации и журналисты. В. Большаков, бывший корреспондент «Правды» во Франции в годы перестройки, приводил целых 3 цифры: в 1921 г. русских в Париже было 71 928 человек, в начале 30-х годов осталось 63 394 человека. А всего, пишет он, ссылаясь на данные комиссии Нансена, во Франции в начале 30-х годов осело около 400 тысяч человек¹²⁵, чего, как показано в настоящем исследовании, на самом деле быть не могло. Помимо Парижа, в остальных французских городах проживало в среднем по несколько сот, а то и меньше русских.

Американский исследователь Р. Джонстон, на основе анализа многих французских отчетов, официальных источников и проводившихся ранее исследований, считает, что, скорее всего численность русских эмигрантов во

¹²³ *Simpson John H.* Refugees: Preliminary Report of a Survey. P. 40, 119.

¹²⁴ *Спириин Л. М.* Классы и партии в гражданской войне в России. 1917–1920. М., 1968. С. 382, 383.

¹²⁵ *Большаков В.* Русские березы под Парижем // Литературная газета. 1988. Июль.

Франции колебалась в пределах 120 тысяч человек в начале 1930-х гг.¹²⁶ На отметке в 120 тысяч человек настаивают и С. С. Ипполитов, В. М. Недбаевский и Ю. И. Руденцова¹²⁷. Их коллективная монография «Три столицы изгнания» (М., 1999) является первой отечественной работой, в которой появляются близкие к реальности цифры – в Париже было 30 тысяч русских, а во всей Франции – 120 тысяч¹²⁸.

Согласно исследованию французского русиста Н. А. Струве «70 лет русской эмиграции» (Paris, 1996), сводная численность российской эмиграции составляла в 1922 г. – 863 тысячи человек, в 1930 г. – 630 тысяч и в 1937 г. – 450 тысяч человек. Из них во Франции в 1922 г. проживало 8,1 %, в 1930 г. – 27,8 %, а в 1937 г. – 24,1 %, т. е. 70 тысяч, 175 тысяч и 110 тысяч человек соответственно¹²⁹. Фундаментальное исследование Н. А. Струве – одно из первых, где представлены демографические сведения в своей динамике. В своих подсчетах он опирался, прежде всего, на результаты работы комиссии Симпсона¹³⁰.

Один из современных историков из эмигрантской среды Катрин Гусефф внесла серьезный вклад в область исследования проблемы русской эмиграции во Франции в межвоенный период¹³¹. На основе архивных материалов Франции, России и США, а также анализа предшествующих публикаций и статистических данных, автор насчитывает 80 тысяч выходцев из России, нашедших приют в разных регионах страны. Эти данные являются одними из последних наработок в этой области, а потому заслуживают особого внимания. Опираясь на анализ переписей 1930-х гг. историк отмечает: «повсюду, где ранее наблюдалась массовая концентрация беженцев, их число в этот период заметно сокращается (в среднем на 15 %).

¹²⁶ Johnston R. H. 'New Mecca, new Babylon'... P. 25.

¹²⁷ Ипполитов С. С., Недбаевский В. М., Руденцова Ю. И. Три столицы изгнания. Константинополь. Берлин. Париж. Центры зарубежной России 1920–1930-х гг. М., 1999. С. 120-121.

¹²⁸ Хрисанфов В. И. «Третья Россия»: миф или реальность. (К вопросу о численности первой волны российской эмиграции) // Материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Луга, 1997. С. 51–54.

¹²⁹ Struve N. A. Soixante-dix ans d'emigration russe (1919–1989). Paris, 1996. P. 299-301.

¹³⁰ Simpson J. H. Refugees: Preliminary report of a survey... P. 64.

¹³¹ Gousseff C. L'exil russe. La fabrique du refugie apatriote (1920–1939). Paris, 2008.

Речь идет о Парижском регионе, области Рона–Альпы и департаментах северо-восточной и юго-восточной Франции»¹³². Ссылаясь на данные архивных фондов Французского бюро защиты беженцев и апатридов (OFPRA), К. Гусефф указывает, что на 1930-е гг. пришлось лишь 5 % от общего числа русских беженцев, прибывших во Францию в межвоенный период, большинство из которых проживали ранее в Германии¹³³.

Тем не менее, явно завышенные цифры, которые фигурировали в официальных отчетах международных организаций и эмигрантской литературе, и сегодня продолжают встречаться на страницах отечественных исследований. Об этом свидетельствует появление в 2010 г. книги Р. Л. Урицкой «Они любили свою страну». Автор упоминает две цифры, о которых ей хорошо известно. Одна из них – из данных Лиги Наций на 1924 г. «о выходцах из России во Франции» - 400 тысяч, а вторая – 50-70 тысяч, встречающаяся в научной литературе. Сама Р. Л. Урицкая считает, что данные Лиги Наций «близки к истине»¹³⁴. К такому выводу ее подвел анализ и сопоставление различных документов французских архивов.

Хотелось бы еще раз подчеркнуть значимость последних работ в вопросе количественной оценки российской эмиграции. Подсчеты К. Гусефф, проведенные на основе демографических статистических данных, совпадают с данными, приводимыми доктором исторических наук, профессором Санкт-Петербургского университета В. И. Хрисанфовым, которые он получил при сопоставлении материалов эмигрантской периодической печати¹³⁵. Выявленные по разным источникам показатели заслуживают доверия и могли бы положить конец существующей полемике при определении численности российской диаспоры 1920-х гг.

---

¹³² Гусефф К. Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920—1939 годы). М., 2014. С. 211.

¹³³ Там же. С. 131.

¹³⁴ Урицкая Р. Л. Они любили свою страну... Судьба русской эмиграции во Франции с 1933 по 1948 г. СПб., 2010. С. 8.

¹³⁵ Хрисанфов В. И. Российский “исход”: мифы и реальность. Историографическое исследование о численности «первой волны» российской эмиграции 1917-1920 гг. СПб., 2014.

На основании анализа эмигрантской периодики и официальной статистики, можно с уверенностью утверждать, что численность русской эмиграции во Франции в межвоенный период колебалась в пределах 70-120 тысяч человек. Количественный показатель достигает своего пика в середине 1920-х гг., постепенно снижается и падает до минимума накануне Второй мировой войны и оккупации Франции. Причиной тому была сложная экономическая, а позднее, и политическая обстановка, приведшая, как следствие, к эмиграции части русских в страны Южной и Северной Америки. Неустроенность в быту и тяжелые материальные условия большинства русских эмигрантов обуславливали высокую смертность и низкую рождаемость, так что их число естественным образом сокращалось.

О причинах столь резкого разброса сведений о численности русского населения Франции в межвоенный период в границах 70–400 тысяч человек следует сказать следующее. Для всего мирового сообщества столь массовое переселение, каким явился русский исход после Октябрьской революции и гражданской войны, вкупе с непризнанием большевистской власти, стал вызовом XX в. При попытках оценить масштаб этого явления не было четких параметров, по которым велся подсчет русской эмиграции, будь то: сведения полицейских отчетов, эмигрантских организаций или учет выданных нансеновских паспортов. Кроме того, международная статистика в своих отчетах опиралась, как ни странно, не на данные национальной статистики, а на заявления правительств стран-реципиентов, учитывались и подсчеты самих эмигрантских благотворительных организаций и влиятельных общественно-политических деятелей. Это обстоятельство обязывает нас скептически относиться как к мемуарам и материалам периодической печати, так и к данным архивов и официальной статистики.

2.2 Правовой статус русской эмиграции во Франции накануне и в годы Второй мировой войны

Термин «апатрид» появляется в обиходе международной юридической практики в результате окончания Первой мировой войны и последовавших изменений. Речь идет о появлении новых национальных государств и лиц, потерявших тем или иным образом гражданство, а значит, и защитника своих прав в лице своей родины.

Эмигрантов из Российской империи сложившееся положение коснулось в первую очередь. Указ от 15 декабря 1921 г. ВЦИК Советской России постановил, что все бывшие российские граждане, прожившие более пяти лет непрерывно за границей, которые до 1 июня 1922 г. не получат в советских представительствах действующие паспорта, лишаются советского гражданства. Лишение гражданства коснулось следующих категорий лиц:

- а) покинувшие Россию до октября 1917 г. и не получившие от советских представительств заграничных паспортов до 1 июня 1922 г.,
- б) выехавшие из России после 7 ноября 1917 г. без разрешения советской власти,
- в) добровольно служившие в армиях, сражавшихся против советской власти или участвовавшие в какой бы то ни было форме в контрреволюционных организациях,
- г) имевшие право оптации российского гражданства и не воспользовавшиеся этим правом к моменту истечения срока таковой,
- д) лица, не подходящие под пункт “а”, находящиеся за границей и не зарегистрировавшиеся в указанный срок¹³⁶.

Желающие могли подавать заявления на имя ВЦИК о восстановлении своих прав через ближайшие представительства РСФСР. Особо

---

¹³⁶ Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 15 декабря 1921 г. «О лишении прав гражданства некоторых категорий лиц, находящихся за границей» [Электронный ресурс] // Интернет-версия КонсультантПлюс. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=15997;dst=0;ts=71BE234B1CAF388CEBFFFAEAD8CD2136;rnd=0.6637487586122006> (дата обращения: 06.02.2015)

оговаривалось, что указанный пятилетний срок не распространялся на страны, где нет Представительств РСФСР, там назначенный срок необходимо было отсчитывать с момента учреждения таковых представительств. Во Франции через несколько дней после установления дипломатических отношений между двумя странами генеральный консул СССР в Париже опубликовал извещение, которое доводило до сведения всех граждан Российской империи, проживавших во Франции и желавших приобрести право советского гражданина, что они могут направить письменное заявление на имя генерального консула до 12 декабря 1925 г.¹³⁷

Открывшаяся возможность получить советский паспорт и вернуться на родину в связи с объявленной в 1921 г. амнистией¹³⁸ вызвала много толков в эмигрантских кругах. Следует упомянуть при этом, что именно репатриация первоначально рассматривалась мировой общественностью в качестве решения беженской проблемы. Г. Я. Тарле со ссылкой на Большую советскую энциклопедию приводит сведения о возвращении приблизительно 10 % эмигрантов¹³⁹. В отчете Симпсона и исследовании Е. Кулишер указываются данные о 181 тысяче репатриантов к 1938 г.¹⁴⁰ При этом Симпсон отмечает, что уже с 1924 г. реальная возможность возвращения была слабой¹⁴¹.

Возможное решение вопроса в виде натурализации также не носило массового характера, хотя имело место. Вплоть до 1927 г. во Франции сохранял силу закон 1889 г., согласно которому получению гражданства должен был предшествовать десятилетний испытательный срок. Ответом на высокую иммиграцию 1920-х гг., совпадавшую с решением демографических проблем, стал закон 1927 г., который сократил этот срок до трех лет и

¹³⁷ *Petchorine D.* La condition des Russes en France et celle des étrangers (spécialement les Français) en URSS. Paris, 1929. P. 30-31. Цит. по: *Гусефф К.* Русская эмиграция во Франции... С. 95.

¹³⁸ Декрет ВЦИК от 4 ноября 1921 г. «Об амнистии» [Электронный ресурс] // Интернет-версия КонсультантПлюс. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=8548>. (дата обращения: 06.02.2015)

¹³⁹ *Тарле Г. Я.* Российская эмиграция в 1940-1950-е годы // Россия и современный мир. М., 1999. № 3 (24). С. 110.

¹⁴⁰ *Simpson J. H.* Refugees: Preliminary report of a survey... P. 45; *Kulischer E. M.* Europe on the move... P. 56.

¹⁴¹ *Simpson J. H.* Refugees: Preliminary report of a survey... P. 45.

позволил подавать ходатайство о натурализации в восемнадцать лет (вместо двадцати двух). В случае смешанных браков женщины могли сохранить свою национальность или взять гражданство мужа. До 1927 г., таким образом, через процесс натурализации проходили в основном дореволюционные эмигранты. По данным переписи 1926 г., большинство натурализованных русских проживало в департаменте Сена (главным образом в Париже), а также, в меньшей степени, в департаментах Сены и Уазы и Приморских Альп¹⁴². В период между 1931 г. и 1936 г. было зарегистрировано 2800 натурализаций русских беженцев, что на 48 % превышало показатель предыдущей переписи 1931 г.¹⁴³ Приведенные цифры показывают, что приобретение французского гражданства коснулось весьма узкого числа русских беженцев. Ситуация усугубилась ужесточением законодательства в этом вопросе.

Уже через несколько лет после принятия закона от 1927 г. начались попытки пересмотра политики натурализации. Один из наиболее заметных идеологов этого направления, Р. Мартиал, писал в 1931 г., что индивидуальному отбору кандидатов на натурализацию должен предшествовать отбор по расовым и национальным критериям. Наиболее ярким выражением расовой концепции гражданства стала политика правительства Виши, которое в период 1940-1943 гг. неоднократно предпринимало попытку ввести новый кодекс о гражданстве. Эта попытка не увенчалась успехом только «благодаря» вето фашистской Германии, нашедшей предложенный проект недостаточно строгим, в первую очередь, по отношению к евреям и диссидентам. Тем не менее, закон о денатурализации, принятый правительством Виши 23 июля 1940 г., позволил лишать французского гражданства тех, кто получил его в соответствии с либеральным законом 1927 г.¹⁴⁴ В период между 1940 и 1944 гг.

---

¹⁴² Гусефф К. Русская эмиграция во Франции... С. 223-224.

¹⁴³ Depoid P. Les naturalisations en France (1870-1940) // Direction de la Statistique Générale. Etudes démographiques. 1942. № 3. P. 29, 52.

¹⁴⁴ Филиппова Е. И. Территории идентичности в современной Франции. М., 2010. С. 103-123.

денатурализации подверглись 15 145 человек, большинство из них – евреи¹⁴⁵.

Так или иначе, беженский вопрос по-прежнему оставался открытым. Урегулировать положение беженцев было возможно только на самом высоком политическом уровне при содействии основных мировых держав. Найти консенсус было не так просто. Промежуточными итогами стало несколько соглашений 1920-х гг. и Конвенция о международном статусе беженцев 1933 г.

Конвенция о международном статусе беженцев была подписана 28 октября 1933 г. пятью странами (Бельгией, Болгарией, Египтом, Францией и Норвегией), к которым впоследствии присоединился целый ряд государств. Эта конвенция была самой перспективной попыткой Лиги Наций определить ответственность стран в отношении беженцев. Она была создана на базе четырех многосторонних соглашений между членами Лиги Наций, принятых в период с 1922 по 1928 гг. Действие конвенции распространялось на армянских и российских беженцев. Конвенция возлагала на присоединившиеся к ней государства обязательство гарантировать беженцам определенные права, включая возможность получения нансеновских паспортов¹⁴⁶ (служивших удостоверениями личности и документами, дававшими возможность проезда в другие страны), защиту прав на личный статус, право на судебную защиту, свободу труда и защиту от эксплуатации, доступ к образованию и социальному обеспечению. Данная конвенция стала первым документом в сфере международного права, который закрепил крайне важный принцип «невыдворения», защищавший беженцев от принудительной репатриации в случаях, когда их жизни могла угрожать опасность. Документ изложен на французском языке и сопровождается подписями представителей пяти подписавших конвенцию стран с

---

¹⁴⁵ Weil P. Qu'est-ce qu'un Français? Histoire de la nationalité française depuis la Révolution. Paris, 2002. P. 98.

¹⁴⁶ Название удостоверения беженца связано с именем норвежского исследователя и государственного деятеля Фритьофа Нансена (1861-1930), занимавшего пост Верховного комиссара Лиги Наций по делам беженцев (с 1921 г.) и впервые предложившего введение таких документов для международной защиты прав их получателей.

оговорками относительно отдельных положений. Использование оговорок, на основании которых государства подписывали соглашения, отказываясь от выполнения некоторых из их частей или положений, является давно устоявшейся практикой в сфере международного права и дипломатии.

Представитель от Франции г-н де Навайль подписал документ со следующими оговорками:

- 1) Статья 7 не должна препятствовать применению законов и распоряжений, устанавливающих пропорцию иностранных рабочих, которых работодателю дозволено трудоустроить во Франции.
- 2) При организации комитетов, предусмотренных Статьей 15, во Франции им не должны быть предоставлены полномочия, противоречащие существующему законодательству в области трудоустройства.
- 3) Французское правительство, принимая настоящую конвенцию, не намерено распространять ее действие на свои колонии, протектораты, заморские территории, территории, находящиеся под его сюзеренитетом, и территории, переданные под его мандат¹⁴⁷.

Статья 7 Конвенции отменяла ограничения, вытекающие из применения законов и постановлений о защите внутреннего рынка труда, в интересах беженцев, постоянно или обычно проживающих в стране и удовлетворяющих одному из нижеследующих условий:

- a) беженец проживает в стране не менее трех лет;
- b) беженец, супруг которого имеет гражданство страны проживания;
- c) беженец, один или несколько детей которого имеют гражданство страны проживания;
- d) беженец, который является ветераном Великой войны.

Франция оговоркой о квотах право русских эмигрантов на трудоустройство ограничивала. Подтверждение тому находим в мемуарной литературе. «Тем, кто не знал довоенного «русского» Парижа, - писал поэт

---

¹⁴⁷ Конвенция о международном статусе беженцев (Женева, 28 октября 1933 г.) [Электронный ресурс] // Мировая цифровая библиотека. Режим доступа: <http://www.wdl.org/ru/item/11580/> (дата обращения: 06.02.2015). (Перевод – Н. Т.)

К. Померанцев, - скажу, что положение в ней (Франции – прим. Н. Т.) иностранцев не имело ничего общего с теперешним: жертвами безработицы, особенно во время кризиса 30-х гг., были, прежде всего, иностранцы, права на работу выдавались с большим трудом, а на заводах и предприятиях существовала «обязательная» норма не более 10 или 15 %»¹⁴⁸. Об этом вспоминал и богослов Н. М. Зернов, говоря о безработице, лишившей заработка в первую очередь русских. «Русский Париж, - писал в связи с этим живший в 15-м округе французской столицы Н. М. Зернов, - рассеялся как дым... большая волна русских беженцев, нахлынувшая в 20-е годы, исчезла»¹⁴⁹. Правда, куда она исчезла, никому не ведомо. Как указано в докладе Симпсона, Министерство труда установило максимум процента иностранцев, кому разрешалось работать легально в промышленности и на предприятиях (от 10 до 30 %). Дело доходило до курьезов. Например, оркестру русской балалайки разрешалось иметь только 15 % русских музыкантов, а русскому хору – 10 % русских певцов¹⁵⁰. Кстати, во Франции этими вопросами взаимоотношений с иностранцами с 1925 г. занималось отдельное «Русское бюро», созданное при Министерстве иностранных дел. И только в 1938 г. было создано Министерство по делам иностранцев, которых, согласно переписи населения 1931 г., на территории Франции проживало около 3 миллионов¹⁵¹. Удельный вес русских беженцев на этом фоне оставался незначительным. Политика предоставления убежища, проводимая французскими властями в 1920-е гг., была неотделима от общей иммиграционной политики тех лет, в результате чего русские беженцы нередко рассматривались как так называемые «экономические иммигранты», а это накладывало дополнительные ограничения в правах.

Подобное отношение, закрепленное на официальном уровне, подчас совпадало и с настроениями самих беженцев. Согласно приводимым

¹⁴⁸ Померанцев К. Сквозь смерть. Воспоминания. Лондон, 1986. С. 66.

¹⁴⁹ Зернов Н. За рубежом: Белград — Париж — Оксфорд: Хроника семьи Зерновых (1921–1972). Париж, 1973. С. 135.

¹⁵⁰ Simpson J. H. Refugees: Preliminary Report of a Survey... P. 116.

¹⁵¹ Гусефф К. Русская эмиграция во Франции.. С. 111.

К. Гусефф результатам статистической обработки анкет русских эмигрантов из архива Французского бюро защиты беженцев и апатридов (OFPRA), 50 % русских приехали во Францию «работать»¹⁵².

Что касается Комитетов по делам беженцев, ответственных за координацию работы органов, занимающихся трудоустройством беженцев (Статья 15 Конвенции 1933 г.), то во Франции их функции выполняло Главное управление (или Центральный офис, Центральное бюро) по делам русских беженцев во Франции (57, Рю де л'Аббе Груи, Париж) при Эмигрантском комитете, созданном в 1924 г. под председательством В. А. Маклакова. Офис был признан французскими властями и Лигой Наций и выполнял консульские функции. Был упразднен правительством Виши в январе 1942 г., возобновил свою деятельность после войны и действовал до 1951 г. Однако, по существу он занимался не вопросами трудоустройства, а подтверждением информации для получения нансеновского удостоверения.

Таким образом, нельзя сказать, чтобы во Франции русским эмигрантам обеспечивалось «наиболее благоприятное положение, соответствующее положению граждан иностранного государства», о чем настаивалось в Конвенции¹⁵³.

Это положение обострилось в связи с необходимостью нести службу в армии и защищать страну и ее суверенитет в военное время. От русских эмигрантов, получивших французское гражданство, Вторая мировая война потребовала выполнить этот патриотический долг. Сложнее обстоял вопрос с апатридами, имевшими нансеновские паспорта.

В законе о комплектовании французской армии от 31 марта 1928 г. имелся параграф о переписи лиц без определенной национальности, но вопрос этот был открытым до инструкции от 4 декабря 1935 г. и до добавления к распоряжению о наборе 1936/1937 гг., в которых было указано

---

¹⁵² Там же. С. 169.

¹⁵³ Конвенция о международном статусе беженцев (Женева, 28 октября 1933 г.) [Электронный ресурс] // Мировая цифровая библиотека. Режим доступа: <http://www.wdl.org/ru/item/11580/> (дата обращения: 06.02.2015).

о призыве русских, не принявших подданства, в войска наравне с французами.

Среди призывников выделялись 3 категории по возрасту: родившиеся после 1 июня 1916 г. должны были полностью отбыть воинскую повинность во Франции; родившиеся между 1904 – 1916 гг. – пройти только лагерные сборы; а родившиеся до 1903 г. освобождались от воинской повинности в мирное время. Все русские должны были служить в регулярных частях, а не в иностранных легионах¹⁵⁴.

В сентябре 1939 г. французское правительство обязало всех иностранцев, проживающих во Франции и её колониях, не имеющих подданства, отбывать воинскую службу во французской армии, наравне с французами. Иностранцам, нежелающим выполнить этот приказ, предоставлялось право в двухмесячный срок покинуть пределы страны без права возвращения¹⁵⁵.

Бывшие офицеры русской императорской армии, служившие в Иностранном легионе в звании офицера или унтер-офицера, были призваны на службу на всех театрах военных действий (J.O. № 294-1939¹⁵⁶). Затем всем офицерам русской императорской армии, не достигшим возраста 52 лет, было дозволено вступить во французскую армию по их прошениям как офицерам-иностранцам в звании вплоть до капитанского включительно (J.O. № 10-1940). Таким образом, более 150 офицеров императорской армии стали французскими офицерами¹⁵⁷.

---

¹⁵⁴ См.: Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека. (1920-1970). Paris, 1971. С. 28, 231.

¹⁵⁵ ГАРФ. Ф. 6461. Оп. 2. Д. 34. Л. 87.

¹⁵⁶ J.O. – Journal Officiel, официальное издание правительства Франции. Французское законодательство накануне и в период Второй мировой войны см. также: Journal officiel de la République Française. Lois et decrets. 1940-1944; Legislation de l'Occupation. Recueil des lois, decrets, ordonnances, aretes et circulaires des autorités allemandes et françaises, promulgués depuis l'occupatoin. Paris, 1940-1943. Vol. 1-16; La Loi nazie en France. Paris, 1974; Remy D. Les lois de Vichy. Actes dits «lois» de l'autorité de fait se pretendant «gouvernement de l'Etat français». Paris, 1992.

¹⁵⁷ Русская колония во Франции. Граф Михаил Граббе префекту полиции Парижа, 24 января 1941 г. // ГАРФ. Ф. Р-6461. Оп. 2. Д. 34. Л. 24; Полицейский отчет 1948 года... С. 341-655.

Со ссылкой на статистику, данную накануне июня 1940 г. в парижских русских газетах, Донской атаман граф Граббе в своем отчете указывал, что около 10 тысяч русских беженцев вступили в армию солдатами¹⁵⁸.

По сведениям П. Е. Ковалевского, всего было мобилизовано 6 тысяч русских¹⁵⁹.

Кроме того, было много добровольцев, не подходящих по возрасту. Среди добровольцев были поэты Г. Адамович и Н. Оцуп, историк А. Керсновский и другие.

Что касается отношения различных кругов русской эмиграции к стране их пребывания в связи с развернувшимися событиями, то в данном вопросе примечательны указания в приказе начальника РОВСа генерала А. П. Архангельского от 1 сентября 1939 г.: «чины РОВСа должны исполнять свое обязательство перед страной, в которой они находятся, и зарекомендовать себя с лучшей стороны, как подобает русскому воину»¹⁶⁰.

Глава политической организации младороссов А. Казем-Бек осенью 1939 г. отправил французскому президенту телеграмму, в которой содержались следующие слова: «Все младороссы отдают себя в полное распоряжение французскому правительству для борьбы против Германии на стороне Франции»¹⁶¹.

По данным Р. Л. Урицкой, около 10 тысяч русских эмигрантов служили во французской регулярной армии и еще около 6 тысяч добровольно вступили в ряды Иностранного легиона и Иностраных добровольческих пехотных полков, созданных согласно специальному постановлению от 27 мая 1939 г.¹⁶².

Если принять за исходные данные общее число русских эмигрантов во Франции накануне Второй мировой войны в 70 тысяч человек, а доля

¹⁵⁸ Русская колония во Франции. Граф Михаил Граббе префекту полиции Парижа, 24 января 1941 г. // ГАРФ. Ф. Р-6461. Оп. 2. Д. 34. Л. 24.

¹⁵⁹ Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия... С. 231.

¹⁶⁰ Свириденко Ю.П., Еришов В.Ф. Белый террор? Политический экстремизм российской эмиграции в 1920 - 1945 гг. М., 2000. С. 166.

¹⁶¹ Варшавский В.С. Незамеченное поколение. Нью-Йорк, 1956. С. 325.

¹⁶² Урицкая Р. Л. Они любили свою страну... С. 69-70.

мужского населения составляла примерно 60 %¹⁶³, то получится, что в армию были призваны 14-23 % мужчин, рожденных в период с 1887 по 1916 гг.

Помимо призыва в армию, внимание французского правительства к русским эмигрантам с началом Второй мировой войны проявилось и в массовых арестах последних как «нежелательных иностранцев» в ночь на 2 сентября 1939 г. Такая участь постигла членов «Союза возвращения на Родину», переименованного к тому времени в «Союз друзей советской Родины», членов «Союза оборонцев», а также и иных эмигрантов, не входивших в политические организации. Их всех подозревали в симпатиях к большевикам, т. н. «большевизанстве». Арестованных освободили через 48 часов по распоряжению из Парижа¹⁶⁴.

Вернемся, однако, к событиям Второй мировой войны во Франции. Пока шла «странная война», не ознаменованная активными военными действиями, в стране было слишком спокойно, все были уверены в непобедимости французской армии и стойкости боевых укреплений. Но 10 мая 1940 г. гитлеровские войска начали наступление на Западном фронте. «Странная война» окончилась. Обходя укрепления «линии Мажино», немецкая армия нанесла удар через территорию нейтральных стран – Бельгии, Голландии и Люксембурга, открывая себе путь во Францию. А уже 14 июня 1940 г. немецкие войска вошли в Париж, объявленный накануне открытым городом.

Французское правительство, в котором усилились профашистские и пораженческие настроения, в лице маршала Ф. Петэна, призывало к прекращению борьбы. 22 июня 1940 г. в Компьенском лесу под Парижем было подписано немецко-французское соглашение о перемирии. Его заключение послужило исходной точкой фактического расчленения Франции на оккупированную северную и неоккупированную южную зоны. На севере политическая и общественная деятельность допускалась только с разрешения

---

¹⁶³ Гусефф К. Русская эмиграция во Франции... С. 205.

¹⁶⁴ Любимов Л.Д. На чужбине. М., 1963. С. 283-284.

оккупационных властей. «Скопление на улицах, распространение листовок, организация общественных собраний и манифестаций», а также помощь военнопленным или лицам, желающим перейти в южную зону, равно как «любой злонамеренный отказ от работы, любая стачка или локаут», карались судом военного трибунала. Все кинофильмы, печатные издания, школьные учебники проходили немецкую цензуру¹⁶⁵. В октябре 1940 г. оккупанты ввели смертную казнь за повреждение линий связи, помощь бежавшим из плена французским военнопленным и английским военным служащим¹⁶⁶. 24 октября 1940 г. во французском городке Монтуаре, где состоялась встреча Петэна и Гитлера, была официально провозглашена политика коллаборационизма, т. е. сотрудничества побеждённой Франции с гитлеровской Германией¹⁶⁷.

Фактически все сферы жизни человека – военная, экономическая, социальная, культурная – оказались под строгим контролем: на севере – оккупационных властей, на юге – правительства Ф. Петэна.

В таких условиях многие русские эмигранты решили поскорее выбраться из страны, где их положение становилось более чем призрачным. Сразу после капитуляции Франции в июне 1940 г. поторопились уехать в США писатель и философ М. А. Алданов, художник-мультипликатор и иллюстратор книг А. А. Алексеев, известные публицисты и общественно-политические деятели М. В. Вишняк, С. М. Соловейчик, М. Л. Слоним, философ Г. П. Федотов, М. Цетлин, В. Яновский, журналист и писатель С. Л. Поляков¹⁶⁸ и многие другие. Среди них было немало евреев, эмигрировавших из Германии во Францию с момента прихода Гитлера к

¹⁶⁵ *Legislation de l'Occupation. Recueil des lois, decrets, ordonnances, aretes et circulaires des autorites allemandes et francaises, promulques depuis l'Occupatoin.* Paris, 1940. Vol. I. P. 29-30, 183.

¹⁶⁶ *Ibid.* P. 117-118.

¹⁶⁷ *Семиряга М.И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 271.

¹⁶⁸ Подробнее см.: *Энциклопедия Русской эмиграции. Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века / Под общ. ред. В. В. Шелохаева.* М.: РОССПЭН, 1997; *Вишняк М.* Годы эмиграции 1919-1969. СПб., 2005.

власти и вынужденных искать убежища дальше на западе¹⁶⁹. К сожалению, дать точную оценку русских беженцев, покинувших Францию в годы войны, не представляется возможным. Очевидно одно: из центра эмиграции 1920-х гг. Франция превратилась в транзитный пункт.

2.3 Русская эмиграция и еврейский вопрос накануне и в годы Второй мировой войны

В русской колонии Франции насчитывалось немало евреев. По сведениям Донского атамана графа Граббе, соотношение евреев в русской колонии составляло 7 %¹⁷⁰ при общей численности колонии в 65 тысяч человек¹⁷¹ на конец 1930-х гг., т. е. не более 5 тысяч человек. Но их в полной мере касались особенности правового положения евреев в годы Второй мировой войны.

Согласно сведениям Верховного комиссара по делам беженцев Дж. Г. МакДоналда, в Германии по данным на 1935 г. проживало 500-600 тысяч человек «неарийского» происхождения, которые подвергались притеснениям и при возможности пополнили бы ряды беженцев¹⁷². После введения практики лишения немецкого гражданства и гетто, ограничения возможностей для трудоустройства и получения образования и денационализации своего имущества около 80 тысяч человек покинули Германию в поисках убежища (июнь 1935 г.). Франция приняла 30 тысяч беженцев, еще не менее 20 тысяч прошли через ее территорию транзитом. В Нидерландах было зарегистрировано 5 263 беженца, Чехословакия предоставила убежище более 5 тысячам человек. Не менее 36 800 человек

¹⁶⁹ См.: Будницкий О., Полян А. Русско-еврейский Берлин (1920–1931). М., 2013. С. 270-303.

¹⁷⁰ Русская колония во Франции. Граф Михаил Граббе префекту полиции Парижа, 24 января 1941 г. // ГАРФ. Ф. Р-6461. Оп. 2. Д. 34. Л. 17.

¹⁷¹ Русская колония во Франции. Граф Михаил Граббе префекту полиции Парижа, 24 января 1941 г. // ГАРФ. Ф. Р-6461. Оп. 2. Д. 34. Л. 16.

¹⁷² *McDonald James G.* Letter of Resignation of High Commissioner for Refugees (Jewish and Other) Coming from Germany to the Secretary General of the League of Nations. London, December 27th, 1935. P. 4.

отправились морем – в Палестину, США, Южную Америку, Южную Африку¹⁷³.

Но экономическая депрессия не позволяла принять большое количество беженцев. К 1939 г. Третья республика во Франции вводит строгие ограничения на иммиграцию и создает фильтрационные лагеря на юге страны. Тем не менее, по данным мемориального музея Холокоста в США, к началу лета 1940 г. накануне капитуляции Франции в стране насчитывалось около 350 тысяч евреев, 75 тысяч из которых не имели французского гражданства¹⁷⁴. Согласно Электронной еврейской энциклопедии, накануне Второй мировой войны во Франции проживало от 250 до 320 тысяч евреев, большинство из них были беженцами из Германии и оккупированных немецкими войсками стран Центральной и Восточной Европы¹⁷⁵.

В 1930-х годах получила широкое распространение в Германии теория профессора Монтандона о распределении людей по фенотипу по различным группам этно-расового характера. Эту псевдонаучную теорию взяли на вооружение нацисты, и в годы войны едва ли не самым весомым доказательством принадлежности или непринадлежности к еврейской расе стало заключение профессора Монтандона. Этот этнограф-антрополог в годы оккупации Франции сотрудничал с Управлением по делам евреев, был женат на русской эмигрантке М. К. Звягиной, в августе 1944 г. был схвачен вместе с женой участниками Сопrotивления.

Ряд его этно-расовых заключений в отношении русских эмигрантов, проживавших во Франции, был выявлен автором в фондах Федерального архива Германии в Берлине. Общеизвестно, что большая часть документов, подтверждавших преступления нацистов в отношении евреев и человечества в целом, были уничтожены при отступлении немецких частей. Кроме того,

---

¹⁷³ Ibid. P. 33-34.

¹⁷⁴ United States Holocaust Memorial Museum. France [Электронный ресурс] // Holocaust Encyclopedia. Режим доступа: <http://www.ushmm.org/wlc/en/article.php?ModuleId=10005429> (дата обращения: 05.02.2016)

¹⁷⁵ Франция. Мировая война и катастрофа [Электронный ресурс] // Электронная еврейская энциклопедия. Режим доступа: <http://www.eleven.co.il/article/15504> (дата обращения: 07.02.2016).

многие материалы пострадали в ходе воздушных налетов 1944 г., а то, что удалось сохранить для расследования, разрозненно содержится в настоящее время в американских архивах и в Центре современной еврейской документации (Centre de Documentation Juive Contemporaine) в Париже, поэтому полученные в Берлине сведения носят отрывочный характер и не позволяют сделать окончательные выводы о правовом положении евреев среди русских эмигрантов. Однако выявленные судебные дела прекрасно демонстрируют многие нюансы судебно-правовой системы и отсутствия четких понятий, применяемых при определении этно-расового статуса русских эмигрантов.

Тщательному анализу подверглись 4 дела в отношении семьи Реза¹⁷⁶, семьи Высоцких¹⁷⁷ и Бориса Иоффе¹⁷⁸. С полным текстом на французском и частично на немецком языках можно ознакомиться в Приложении № 1, в Приложении № 2 помещается таблица с основными особенностями упомянутых дел.

Сравнительный анализ позволяет выявить отсутствие четкого правового статуса еврея во Франции и постепенное ужесточение режима. 27 сентября 1940 г. было опубликовано постановление оккупационных властей о проведении переписи еврейского населения. Согласно этому постановлению, евреев рассматривали скорее как религиозную группу, чем как нацию: «Евреями считаются те, кто принадлежал или принадлежит к еврейской религии или у кого из числа бабушек и дедушек больше двух — евреи». Всего было зарегистрировано 287 962 еврея, из которых 53,8% проживали в районе Парижа, 6% — на других оккупированных территориях, 40,2% — в «свободной зоне»¹⁷⁹.

¹⁷⁶ Bundesarchiv. Norddeutscher Bund und Deutsches Reich (1867/1871-1945). R 70 Deutsche Polizeidienststellen in Frankreich / 31. S. 26-27RS. Examen ethno-racial (Drancy, 17 mai 1944) REZA.

¹⁷⁷ Bundesarchiv. Norddeutscher Bund und Deutsches Reich (1867/1871-1945). R 70 Deutsche Polizeidienststellen in Frankreich / 31. S. 29-44RS. WISSOTZKY.

¹⁷⁸ Bundesarchiv. Norddeutscher Bund und Deutsches Reich (1867/1871-1945). R 70 Deutsche Polizeidienststellen in Frankreich / 31. S. 71-76RS. JOFFE.

¹⁷⁹ Франция. Мировая война и катастрофа [Электронный ресурс] // Электронная еврейская энциклопедия. Режим доступа: <http://www.eleven.co.il/article/15504> (дата обращения: 07.02.2016).

Как видно из дела Высоцких, первоначально человек мог доказать свою непринадлежность к еврейской расе наличием 3 родственников по восходящей линии нееврейского происхождения. Эмигрантам из Российской империи в положении «грязных иностранцев» и апатридов, за которых не могло поручиться ни одно государство в лице дипломатических представительств, было довольно сложно подтвердить устные показания. А в условиях растущей подозрительности, анонимных доносов, предвзятого отношения к их словам задача доказать свою непринадлежность к еврейской расе становилась просто невыполнимой.

Не имея на руках записей из актов гражданского состояния, отметок из приходских книг церквей бывшей Российской империи, русские беженцы стремились заручиться свидетельскими показаниями, справками о принадлежности к современным приходам католической, православной или лютеранской церкви в эмиграции, медицинскими справками об отсутствии обрезания.

И если сначала этого было достаточно для освобождения из Дранси, а в спорных случаях дело решалось в пользу подсудимого, как в случае с Борисом Иоффе, то уже к началу 1943 г. такая практика изменилась. Стали проверяться священники, выдающие справки, и свидетели; пытались выявить различия в обрезании евреев и мусульман, чтобы исключить возможность перехода бывших евреев в ислам, а для подтверждения фенотипа использовались данные ономастики и топонимики. Нередко ранее освобожденные вновь попадали под стражу, откуда уже не выходили.

Стоит отметить, что в подтверждение непринадлежности к евреям предоставлялись сведения о вероисповедании, но нацистами, да и французскими властями, еврейство уже воспринималось как этническая группа со схожими внешними чертами. Но в медицинских заключениях этнолога Монтандона видно, что даже нееврейская внешность не гарантировала освобождения из-под стражи, как в случае с Таей Высоцкой.

Таким образом, ни один фактор не был решающим при выявлении принадлежности к еврейской расе, что позволяло оккупационным властям трактовать решение этого вопроса в свою пользу в целях получения недостающей рабочей силы и одновременного запугивания населения.

Бесправием отличалось положение евреев не только в оккупированной зоне, но и в Вишистской Франции, где уже в октябре 1940 г. был принят Декрет о евреях (*Statut des juifs*), который гласил: «Рассматривается в качестве еврея человек, принадлежащий или не принадлежащий к какой-либо конфессии, если у него к еврейской расе относятся трое дедов и бабок, или двое, если он состоит в браке с лицом, также имеющим бабок и дедов евреев»¹⁸⁰. Он определял евреев как расу, опережая немецкие постановления, в которых еврейство определялось на тот момент религиозной практикой. В июне 1941 г. был издан указ о предоставлении префектам права на местах самостоятельно интернировать всех евреев. В декабре 1941 г. адмирал Дарлан ввел интернирование или призыв в трудовые батальоны всех евреев-иностранцев, обосновавшихся во Франции с 1936 г.¹⁸¹ Именно французские власти по требованию нацистов согнали 13 тысяч евреев-иностранцев в Париж 16-17 июля 1942 г. и задержали еще 7 тысяч в августе того же года в неоккупированной зоне. По утверждению главы правительства Виши П. Лавалля, впоследствии казненного за измену родине, французское правительство решило воспользоваться ситуацией и избавиться от евреев-иностранцев¹⁸². Однако и еврей-французы подверглись дискриминации: вводились квоты при получении высшего образования и трудоустройстве, а их собственность могла быть национализирована в пользу арийцев по решению Главного управления по еврейским делам, учрежденного в марте 1941 г.

В январе 1942 г. Ванзейская конференция приняла постановление об «окончательном решении» еврейского вопроса. Нацистскими властями, в

---

¹⁸⁰ Там же.

¹⁸¹ *Marrus M. R., Paxton R. O. Vichy France and the Jews. New York: Basic Books New York, 1981. P. 12.*

¹⁸² *Ibid. P. 353.*

первую очередь гестапо, стали подготавливаться программы депортации и последующего уничтожения европейского еврейства. Массовые облавы во Франции и на территории «свободной зоны» продолжались в течение 1942 г. Подавляющее большинство арестованных заключали в концентрационный лагерь Дранси, откуда евреев депортировали в Восточную Европу, в основном в Освенцим.

Точное количество погибших в ходе Холокоста евреев Франции не установлено. По разным данным цифры колеблются от 75 721 до 120 тысяч человек¹⁸³. В феврале 1979 г. правительство Франции предоставило официальные данные, согласно которым 120 тысяч человек, проживавших во время войны во Франции, были депортированы в лагеря уничтожения по расовым признакам, из них спаслось около трех тысяч человек. Французское правительство в число лиц, которых депортировали по расовым признакам, включило цыган, а также людей, которые, не будучи евреями, были отправлены в лагеря смерти как евреи¹⁸⁴. По сведениям французских исследователей Ж.-П. Азема, Ф. и Р. Бедарида, из 76 тысяч евреев, депортированных из Франции, 4,5 тысячи были выходцами из среды русской эмиграции¹⁸⁵.

В августе 1943 г. немцами был подготовлен законопроект о лишении французского гражданства всех евреев, натурализованных с 1927 г. Хотя Лаваль отказался подписать его, хорошо отработанная бюрократическая система Франции в лице французской милиции во главе с Дарнаном до самого конца войны преследовала и евреев, и коммунистов, и сопротивленцев. Во многом благодаря этой исполнительности и пораженческим и ксенофобским настроениям среди населения нацистам удавалось так долго и успешно контролировать такую огромную

---

¹⁸³ *Berenbaum M., Peck A. J.* The Holocaust and history: the known, the unknown, the disputed and the re-examined. Indiana University Press, 2002. P. 492-509; Франция. Мировая война и катастрофа [Электронный ресурс] // Электронная еврейская энциклопедия. URL: <http://www.eleven.co.il/article/15504> (дата обращения: 07.02.2016).

¹⁸⁴ Франция. Мировая война и катастрофа [Электронный ресурс] // Электронная еврейская энциклопедия. URL: <http://www.eleven.co.il/article/15504> (дата обращения: 07.02.2016).

¹⁸⁵ *Azéma J.-P., Bédarida F. et R.* La France des années noires. La persécution des Juifs. Paris, 1993. T. 2. P. 174.

территорию, выжимая из Франции соки для нужд Третьего Рейха. При таком положении дел русским эмигрантам, оказавшимся в Вишистской Франции, избежать ареста было еще труднее, чем в оккупированной зоне.

Однако именно русские эмигранты-евреи стояли во главе еврейского движения Сопротивления. В начале 1942 г. Довид Кнут и Авраам Полонский со своими жёнами Ариадной Скрябиной и Ежен Полонской создали в Тулузе подпольную организацию, которую вначале называли *Bnei David* («потомки Давида»), но в июне 1944 г. переименовали в *Organisation Juive de Combat* («Еврейская армия», сокращённо ОЖС или ЕА)¹⁸⁶. Ариадна Скрябина, взявшая себе подпольную кличку Регина, придумала особую церемонию принесения присяги при вступлении в организацию. За четыре года существования ЕА такую присягу принесли 1952 человека, среди которых было много евреев из России¹⁸⁷.

Сначала члены ЕА приносили интернированным еврейским беженцам из Германии продукты. Беженцы содержались в очень тяжёлых условиях, в лагере Ресебеду, рядом с Тулузой, приходилось подкупать часовых. В дальнейшем организация провела около 2000 боевых операций, в том числе 750 диверсий на железной дороге и 32 взрыва на военных заводах. Ариадна Скрябина погибла 22 июля 1944 г., попав в засаду.

Среди шести основателей движения «Либерасьон-Сюд» трое были евреями, организацией «Фран-тирёр» (Вольный стрелок) командовали Жан-Пьер Леви, Жозеф Эпштейн («полковник Жиль») и З. Готесман («капитан Филипп»). Одним из руководителей Сопротивления в Лионе был известный историк и капитан французской армии Марк Блок. Он был арестован гестапо и казнен после пыток 16 июня 1944 г.

Вначале французские евреи полагали, что репрессии затронут только беженцев и не коснутся граждан Франции. Те, кто придерживался противоположной точки зрения, уже в конце июня 1940 г. создали

¹⁸⁶ Хазан В. «Моим дыханьем мир мой жив»: К реконструкции биографии Ариадны Скрябиной // Хазан В. Особенный еврейско-русский воздух. М., 2001. С. 363–367.

¹⁸⁷ Лазарис В. Три женщины. Тель-Авив, 2000. С. 312–313.

организацию «Амело» для помощи евреям. Ее возглавил русский эмигрант Давид Рапопорт. В годы оккупации Франции он сотрудничал с Красным Крестом по сбору и распределению материальной помощи и гуманитарных посылок интернированному еврейскому населению, активно сотрудничал с организацией движения Сопротивления «Français» («Французы») по изготовлению фальшивых документов и переправке евреев в Швейцарию и Испанию. 1 июня 1943 г. Рапопорт был арестован, заключен в лагерь Роменвиль, затем в Дранси, в октябре перевезен в лагерь Аушвиц, где и погиб в 1944 г.¹⁸⁸

Судьба русских евреев складывалась по-разному, но, судя по приведенным выше сведениям, большинство оказались жертвами Холокоста.

Обстоятельства гибели Ариадны Скрябиной также остаются неоднозначными. Н. Н. Берберова вспоминает, что она была убита немцами в Тулузе в 1944 г.¹⁸⁹. Но проверить данные о причастности немцев к убийству Скрябиной не представляется возможным, чем отличаются многие высказывания данной мемуаристки.

О. М. Томпакова указывает, что Скрябина была убита полицией, явившейся по доносу, на конспиративной квартире на Яблоневоy улице в Тулузе, в доме № 11. Убитыми на месте оказались, помимо Скрябиной, ее два товарища – Томас Бауэр и Рауль Леон¹⁹⁰.

Р. Степанова придерживается версии Томпаковой, однако иначе описывает произошедшее на квартире. Она утверждает, что Вишистские полицейские захватили её вместе с Раулем, её молодым командиром, на явочной квартире, заполненной снаряжением для опасного перехода. Когда в эту же засаду попал не подозревавший о провале молодой студент Томас Бауэр, не растерявшийся в суматохе Рауль схватил со стола бутылку и

¹⁸⁸ Рапопорт, Давид // Российское зарубежье во Франции: 1919-2000: биографический словарь. В 3 т. / Под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М., 2008-2010. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.dommuseum.ru/?m=dist> (дата обращения: 07.02.2016)

¹⁸⁹ Берберова Н.Н. Курсив мой. Т.2. С. 318.

¹⁹⁰ Томпакова О.М. «Бесподобное дитя века» // Бесподобное дитя века: Ариадна Скрябина. М.: Музыка, 1998. С. 10.

замахнулся ею на полицейского. В ту же секунду испугавшийся немецкий пособник автоматной очередью сразил Ариадну и смертельно ранил Томаса. С пулей в ноге Рауль смог бежать¹⁹¹. Судя по мемориальной табличке на этом доме, на которой по-французски написано «Ариан Фиксман, Томас Бауэр», эта версия ближе к реальности.

Несколько иная версия содержится в рассказе Б. М. Носика «Табличка на рю де ла Помм»: «Полиция поджидала в засаде на явочной квартире, когда пришли туда Ариадна и Рауль... Томас Бауэр уже сидел внутри, арестованный. Рауль схватил с земли бутылку, а милиционер, не видя Рауля, выстрелил в сердце Ариадне. Такова версия уцелевшего Рауля в передаче госпитального врача. Версия Комиссариата полиции была более героической: эти трое напали зачем-то на одинокого полицейского, и он вынужден был отстреливаться»¹⁹².

Вряд ли сейчас можно доподлинно восстановить всю цепь событий того дня, но упоминание то полицейских, то немцев в ее гибели потребовало дальнейших изысканий по вопросу организации полиции в стране того времени, распределения полномочий между французской жандармерией и немецкими органами полиции порядка и государственной безопасности. Ответы на эти вопросы удалось получить в ходе работы в Федеральном архиве Германии (Bundesarchiv), где соответствующие документы отложились в фондах: R 19 Hauptamt Ordnungspolizei (Главный Офис Полиции Порядка), R 70 FRANKREICH Deutsche Polizeidienststellen in Frankreich (Немецкие полицейские формирования во Франции), R 58 Reichssicherheitshauptamt (Главное управление государственной безопасности Рейха).

В заявлении генерала Оберга, главы немецкой полиции и СС во Франции, от 16 апреля 1943 г. указывались разграничения в ответственности французской и немецкой полиции и условия сотрудничества между ними.

---

¹⁹¹ Степанова Р. Путеводная нить Ариадны Скрябиной [Электронный ресурс] // Гостиная. 2007. Вып. 10. Беседа 22. Режим доступа: http://www.ulita.net/gost_v10_b22.htm.

¹⁹² Носик Б.М. Табличка на рю де ла Помм // Носик Б.М. Русские тайны Парижа. СПб., 1998. С. 213.

Эти разъяснения понадобились в связи с объединением комендатур СД и региональных префектур оккупированной зоны 29 июня 1942 г. и вступлением немецкой армии в свободную зону в ноябре 1942 г. Отмечалось, что немецкая полиция отвечает за безопасность немецкой армии, а французская полиция – за внутреннюю безопасность Франции и общественный порядок. Обе полиции сотрудничают в деле борьбы против коммунистов-террористов, иностранных агентов и подстрекателей саботажа, равно как и против их вдовителей: евреев, большевиков, англо-американцев. В остальных вопросах французская полиция сохраняет за собой свободу действий в рамках французского законодательства. Исключения составляют дела и аресты в отношении лиц, виновных в совершении действий против членов немецкой армии, ее учреждений и техники, вне зависимости от гражданства. При этом немецкая полиция имеет право ознакомиться с делами, заведенными французской полицией, по официальному запросу и в присутствии французского интенданта¹⁹³. Таким образом, независимость французской полиции была весьма условной и нередко были случаи злоупотребления своими полномочиями и активного коллаборационизма.

.....

В межвоенный период Франция была одним из центров русской эмиграции послереволюционной волны. В данной главе проведен анализ ее численности и правового положения накануне и в годы Второй мировой войны, что позволило сделать следующие выводы:

- 1) На основе сопоставления международной, национальной статистики и эмигрантской периодики число русских беженцев во Франции можно оценить в 70-80 тысяч человек.
- 2) Появление в официальных источниках завышенных данных (и их последующее проникновение в историческую литературу) связано, прежде

---

¹⁹³ Bundesarchiv. Norddeutscher Bund und Deutsches Reich (1867/1871-1945). R 70 Deutsche Polizeidienststellen in Frankreich / 1. S. 25-27. Rôles respectifs de la police française et de la police allemande à condition de cooperation entre les services. 2 Juillet 1943.

всего, с тем, что международная статистика опиралась не на национальную статистику, а на заявления правительств стран, заинтересованных в подчеркивании своей роли в решении беженского вопроса и регулировании миграционных потоков. Франция, ставшая центром иммиграции после Первой мировой войны, всячески старалась подчеркнуть масштабы этих демографических процессов.

3) Завышать численность русских эмигрантов склонны были и видные общественно-политические лидеры из ее среды, надеясь получить поддержку мировых держав и действовать как самостоятельные акторы международной политики. Однако их правовой статус никоим образом не предполагал автономии или самостоятельности.

3) Правовое положение русских эмигрантов накануне Второй мировой войны еще не было окончательно урегулировано. Конвенция о международном статусе беженцев 1933 г. не гарантировала защиту прав и свобод апатридов, которые в большинстве случаев оказывались в полной зависимости от политики страны-реципиента и воспринимались как «нежелательные иностранцы» и, в первую очередь, экономические иммигранты.

4) Процессы натурализации и репатриации затронули незначительное число русских эмигрантов и оказались малоэффективными в качестве возможных путей решения беженского вопроса.

5) Военное время наложило на русских эмигрантов во Франции дополнительные ограничения в правах. Французское правительство потребовало от апатридов выполнить перед государством приема воинскую повинность. Около 20 % мужского населения русской диаспоры оказалось в составе регулярной армии Франции.

б) Русские эмигранты-евреи также в большинстве своем стали жертвами Холокоста в годы Второй мировой войны и оккупации Франции. При этом движение в защиту и спасение евреев Франции было инициировано в первую очередь евреями русского происхождения – как на оккупированной территории, так и в «свободной зоне».

7) Уже с середины 1930-х гг. Франция превращается в транзитный пункт, через который проходят русские эмигранты в своем дальнейшем путешествии на запад (прежде всего, в США) в надежде найти спокойствие и безопасность, наладить быт. Те же, кто остался, оказались втянуты в круговорот Второй мировой войны, о чем пойдет речь в следующей главе.

ГЛАВА III. ОТНОШЕНИЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ ВО ФРАНЦИИ К СССР И ЕЕ УЧАСТИЕ В СОБЫТИЯХ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В предыдущей главе было рассмотрено положение русской эмиграции во Франции накануне и в период Второй мировой войны. Главной его чертой являются тяжелые материальные условия и практически полное бесправие. В таких условиях единственной заботой было выжить, а основной мотивирующей силой был страх – страх за свою жизнь и жизнь близких. В таких условиях большинство занимало выжидательную позицию и приспособлялось к жизни в оккупированной Франции.

Русская эмиграция во Франции, как и в других странах, не была едина. Наоборот, каждая группа единомышленников старалась противопоставить себя остальным. Эта разобщенность породила совершенно разные позиции в отношении Родины, с мыслью о которой жил каждый русский эмигрант.

Угроза Второй мировой войны и возможное участие в ней Советского Союза породили новое размежевание в среде русской эмиграции.

По воспоминаниям Д. Мейснера, тема возможной войны владела сознанием эмиграции с 1933 г. и «к началу второго мирового столкновения она уже совершенно ясно формулировала свое отношение к войне, резко разойдясь на три основные группы». Представители первой группы, т. н. пораженцы, видели в наступлении Германии на Советский Союз «единственный путь освободиться от большевиков. <...> Потом уже видно будет, как освободиться от немцев»¹⁹⁴. К ним относятся, в первую очередь, члены Русского Обще-Воинского Союза (далее – РОВС), Русского Национального Союза Участников Войны (РНСУВ), Народно-Трудового Союза (НТС). Пораженческая позиция находила отражение на страницах еженедельной газеты «Возрождение».

Вторая группа, как считал Мейснер, в предвоенные годы ярче всех была представлена А. И. Деникиным, который желал Красной Армии, чтобы

---

¹⁹⁴ Мейснер Д. *Миражи и действительность*, М., 1962. С.232.

отразив немецкое нашествие, она нанесла поражение германской армии, а затем ликвидировала большевизм. Свою точку зрения на роль русской эмиграции в случае войны между Германией и СССР Деникин формулировал в декабре 1938 г. в докладе «Мировые события и русский вопрос», в 1939 г. опубликованном отдельной брошюрой. Он говорил: «Наш долг, кроме противобольшевистской борьбы и пропаганды, проповедовать идею национальной России и защищать интересы России вообще. В крайнем случае молчать, но не славословить. Не наниматься и не продаваться»¹⁹⁵. А. И. Деникин с самого начала выступал с осуждением политики Гитлера и крайне критически относился к возможности сотрудничества русской эмиграции с нацистами. Он считал необходимым оказать поддержку Красной Армии против любого иностранного агрессора, с последующим пробуждением русского духа в рядах этой армии, который, по замыслу генерала, и должен свергнуть большевизм в России и при этом сохранить у России саму армию¹⁹⁶.

Третья группа эмигрантов представляла собой оборонческое движение. Мейснер вспоминал, что «оборонцы» устами Милюкова (газета «Последние новости» - прим. Н. Т.), евразийцев и других пореволюционных политических формирований, утверждали, что в случае войны никакой борьбы с советской властью для эмиграции быть не может – эта власть будет защищать родину и никакой двойной задачи желать Красной Армии нельзя¹⁹⁷. Такую позицию занял образованный в 1935 г. Союз русских оборонцев. Частично такое отношение было и у видного общественно-политического деятеля, эсера и бывшего министра Временного правительства России А. Ф. Керенского.

Одной из наиболее крупных военно-политических организаций накануне Второй мировой войны был РОВС. В состав I отдела РОВСа, центр

¹⁹⁵ Цит. по: Деникин А. И. Мировые события и русский вопрос // Политическая история русской эмиграции: 1920-1940 гг.: Документы и материалы. М., 1999. С. 585-597.

¹⁹⁶ Гордеев Ю. Н. Генерал Деникин. Военно-исторический очерк. М., 1993. С. 151.

¹⁹⁷ Мейснер Д. Миражи и действительность... С.232.

которого находился в Париже, входило около 80 организаций, которые включали 12 тысяч человек¹⁹⁸.

Неофициальным печатным органом РОВСа был журнал «Часовой», основанный в январе 1929 г. В. В. Ореховым совместно с Е. В. Тарусским и С. К. Терещенко. Спустя несколько дней после начала войны редактор журнала В. В. Орехов в статье «В эти дни» писал относительно позиции русских эмигрантов: «Спокойно и беспристрастно мы должны будем оценить положение и произвести неизбежную переоценку и совершенно неизбежную критику всего происходящего. <...> Пора нам делать нашу русскую политику и, сохраняя признательность и уважение к странам, нас приютившим, с достоинством вести работу и борьбу только за Россию и во имя России»¹⁹⁹.

В следующем номере журнала было опубликовано сообщение о прошедшем 28 сентября 1939 г. собрании V отдела РОВСа, на котором Начальник РОВСа генерал Архангельский сделал заявление о международном положении и высказал точку зрения РОВСа на происходящие события: «Западно-европейская война обязывает русских людей к честному выполнению возложенных на них правительствами обязательств. Но русский вопрос по-прежнему не разрешен, ни одно государство не включило в цели войны восстановление национальной России. Это обязывает и нас в политическом отношении к сохранению своеобразного нейтралитета». Закончил ген. Архангельский свое сообщение твердой верой в скорое возрождение нашей Родины. Присутствовавшие горячо восприняли точку зрения Начальника РОВСа, вполне соответствующую взглядам подавляющего большинства русского воинства за рубежом²⁰⁰. В декабре 1939 г. на страницах издания уточнялось: «Политическая эмиграция не имеет никакого права вмешиваться в настоящий европейский конфликт до тех пор, пока одна из стран не объявит,

---

¹⁹⁸ ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 25 (1). Л. 40.

¹⁹⁹ Орехов В.В. В эти дни // Часовой. 1939. № 243. С. 3.

²⁰⁰ В. Брюссель // Часовой. 1939. № 244. С. 5.

что в числе целей войны есть и борьба с узурпировавшими русскую власть большевиками»²⁰¹. Такова была официальная позиция организации на начальном этапе Второй мировой войны.

Политический нейтралитет, однако, сохранялся недолго.

3.1 Русская эмиграция и советско-финская война

Начало Второй мировой войны вызвало множество толков в среде русской эмиграции в отношении СССР и его роли в разворачивающихся событиях. Но по-настоящему шквал эмоций и мнений вызвала советско-финская война (30 ноября 1939 – 13 марта 1940 гг.), что нашло отражение на страницах эмигрантской периодической печати.

Журнал «Часовой», который отражал взгляды военно-политической части эмиграции и РОВСа, в № 246 от 5 декабря 1939 г. посвятил начавшейся войне передовую статью под названием «Советское вторжение в Финляндию», в которой желал успехов генералу Маннергейму в этой войне²⁰².

В. В. Орехов в статье «Мысли белогвардейца», опубликованной 1 января 1940 г., писал: «Наш долг – долг русской эмиграции – принять посильное участие в борьбе с большевиками, всегда, везде и при всяких обстоятельствах». По мнению В. В. Орехова, русская эмиграция в состоянии создать значительный русский отряд, который привлечет всех ненавидящих советскую власть. Автор считал возможным также помочь финнам пропагандой. «И если Финляндия захочет нашей помощи, мы должны будем вложиться в эту борьбу, памятуя, что каждая пуля против Красной Армии нам выгодна, каждый удар по большевикам идет на пользу России и каждая неудача Сталина – радость русского народа», - подчеркивалось в статье²⁰³.

---

²⁰¹ Орехов В.В. Будем достойны русского имени // Часовой. 1939. № 246. С. 2.

²⁰² Советское вторжение в Финляндию // Часовой. 1939. № 246. С. 1-2.

²⁰³ Орехов В. В. Мысли белогвардейца // Часовой. 1940. № 247. С. 2-3.

Великий князь Владимир заявлял в сообщении газете «Возрождение»: «Русский народ не желает войны с Финляндией. Он не желает ее порабощения и грядущая Императорская Россия всегда будет уважать ее самостоятельность. <...> Верю, что в настоящем году русским людям, в рассеянии сущим, удастся принять участие в освобождении своей Родины»²⁰⁴.

Сменовеховская газета «Новая Россия» (София) писала: «Нападение Сталина на Финляндию вызвало единодушный и резкий протест всей демократической эмиграции»²⁰⁵. Отношение «Последних новостей» и их главного редактора П. Н. Милюкова 7 декабря 1939 г. газета выразила так: «Весь мир поражается и презирает чужеземное государство, которое варварски вторглось в жизнь миролюбивого народа, народа, который никогда никому не угрожал»²⁰⁶. Во французской печати с протестом против нападения большевиков на Финляндию выступила группа видных русских деятелей литературы и искусства. Среди подписавших протест – И. А. Бунин, Д. С. Мережковский, Б. Н. Зайцев и С. В. Рахманинов.

При этом на страницах уже названных изданий встречались и такие публикации, в которых явно чувствовалось если не одобрение, то оправдание действий Советской России. В «Новой России» прозаик и публицист Марк Алданов писал, что «удаду нехорошо глотать живых кроликов, но моральной стороной этого никто не занимается»²⁰⁷. Выражая сочувствие финнам, П. Н. Милюков в «Последних новостях» при этом заявлял, что «Выборгская губерния принадлежит, тем не менее, нам»²⁰⁸.

На страницах газеты «Возрождение» «Российское Национальное Объединение» (далее – РНО), основанное капитаном В. В. Ореховым, решительно осуждало нападение СССР на Финляндию и желала ей

²⁰⁴ Владимир. От Главы Российского Императорского Дома // Возрождение. 1940. № 4217. С. 2.

²⁰⁵ Соловейчик С. Не Великая Россия, а Большой СССР // Новая Россия. 1939. 20 декаб. С. 74-75.

²⁰⁶ Цит. по: Суомела Ю. Зарубежная Россия. Идеино-политические взгляды русской эмиграции на страницах русской европейской прессы в 1918-1940 гг. / Авторизованный перевод с финского Л. В. Суни. СПб., 2004. С. 274.

²⁰⁷ Алданов М. Внешняя политика Сталина после вторжения в Финляндию // Новая Россия. 1939. 20 декаб.

²⁰⁸ Цит. по: Суомела Ю. Зарубежная Россия... С. 274.

победоносного отражения этого нападения, чем, по мнению РНО, «ускорится крушение ненавистной красной власти в Москве; ускорится также создание национальной власти в Державе Российской»²⁰⁹.

«Почти вся эмиграция сходилась в том, что всякая война, которая даст оружие русскому народу, приведет к падению советскую власть», — утверждалось в передовой статье журнала РНСУВ «Военный журналист» под названием «Война Финляндии и русский участок борьбы против Коминтерна». «Почти вся эмиграция также считала, - указывалось в этой статье, - что именно внешняя война советской власти даст возможность эмиграции включиться в борьбу против Коммунистического Интернационала. Казалось очевидным, что тот, кто будет воевать против СССР, будет использован эмиграцией»²¹⁰.

Редактор газеты «Возрождение» Ю. Семенов писал 29 декабря 1939 г.: «Там, где кто-то сражается с большевиками, должны быть и мы против большевиков. В Финляндии ведут войну большевики. Нам надо найти способ быть полезными Финляндии в этой их и в то же время нашей войне. Полезными политически, полезными пропагандой, полезными общением с военнопленными, а может быть, и отрядами вооруженных воинов. Само собою разумеется, что это можно осуществить лишь с полного согласия финского правительства и тех государств, которые ему помогают»²¹¹.

Активный противник большевиков и постоянный автор газеты «Возрождение» И. И. Тхоржевский писал в феврале 1940 г.: «Главная историческая задача наша сегодняшнего дня в том, чтобы неудавшаяся Сталину гражданская война в Финляндии – удалась и вспыхнула там, в России»²¹².

²⁰⁹ Российское Национальное Объединение о нападении СССР и Коминтерна на Финляндию // Возрождение. 1940. 5 января. № 4217. С. 2.

²¹⁰ Война Финляндии и русский участок борьбы против Коминтерна // Военный журналист. 1940. № 11. С. 1-3.

²¹¹ Цит. по: Шмидт Н. О Финляндии (Письмо в редакцию) // Возрождение. 1940. 16 февраля. № 4223. С. 8.

²¹² Тхоржевский Ив. Испания – Финляндия – Россия // Возрождение. 1940. 16 февраля. № 4223. С. 5.

Вскоре стали появляться на страницах газет и призывы к посильному участию в военных действиях против большевиков. Так, В. А. Оболенский в «Новой России» считал старый «активизм» безжизненным при отсутствии связи с Россией, а теперь призывал всех в Финляндию²¹³, не указывая, однако, возможных путей проникновения туда.

Как отклик на призыв Оболенского прозвучала заметка в «Возрождении». В ней упоминалось, что в США русский летчик-рекордсмен Б. В. Сергеевский стал вдохновителем и организатором общества Русско-Финляндского сотрудничества, в задачи которого входила отправка из Америки в Финляндию русских волонтеров²¹⁴. В феврале 1940 г. в газете было опубликовано письмо в редакцию Н. Шмидта, в котором автор писал по поводу возможного участия русских эмигрантов в советско-финской войне: «Я подчеркиваю, что это единственный случай для Белой армии выяснить свою *raison d'être*, выяснить смысл своего существования за все 20 последних лет и будущие годы. Или теперь, или уже замереть навсегда. «Но как же нам идти на русских же», - не имеет смысла. Отчего тогда не осуждать и Добрармию? И она шла на русских. Для уничтожения сатанической власти, пришлось идти через головы русских»²¹⁵.

При всем многообразии мнений, однако, прослеживается одна общая тенденция – стремление использовать советско-финскую войну для возобновления гражданской войны. Подобные рассуждения можно называть политической близорукостью и недалекновидностью, но так легко рассуждать постфактум. Совершенно очевидно, что умами русской военно-политической элиты в эмиграции владела лишь одна идея – взять реванш за проигранную ранее Гражданскую войну. При этом все их политические выкладки, даже отражая настроения мировой политической культуры того времени, были слабо связаны с реалиями советской жизни. В условиях разворачивавшейся мировой войны русская эмиграция в статусе беженцев и апатридов

²¹³ Оболенский В. А. Россия в опасности // Новая Россия. 1940. № 78-79. С. 8-9.

²¹⁴ Русские в Америке – о Финляндии // Возрождение. 1940. 26 января. № 4220. С. 5.

²¹⁵ Шмидт Н. О Финляндии (Письмо в редакцию) // Возрождение. 1940. 16 февраля. № 4223. С. 8.

продолжала считать себя важным актором международных отношений, способным проводить самостоятельную внешнюю политику так называемой «России в изгнании». При этом она не имела ни единой политики, ни единого лидера, что дает все основания согласиться с мнением историка и современника тех событий С. П. Мельгунова: «эмиграция – рассыпанная храмина, ни на что политическое не способная»²¹⁶. Представленный обзор эмигрантской периодической печати периода советско-финской войны отражает иллюзии, которые создавали и которыми жили русские эмигранты первой волны, находя в них убежище от неприглядного быта и веру в свою значимость.

Тем не менее, призывы к активному посильному участию в военных событиях нашли отклик в рядах русских эмигрантов, судя по письмам, отправленным маршалу Г. Маннергейму и публичным выступлениям. Приведем несколько цитат: «Хочу воевать против красных в финской армии», «Разбив красных, мы начнем освобождать нашу родину, и вся национальная Россия будет благословлять Ваше имя, фельдмаршал», «Разрешите нам помочь несчастным финским парням, которые встали стеной навстречу большевистским извергам», «Не закрывайте путь нам, русским офицерам, в Финляндию»²¹⁷.

Поступали Маннергейму и более конкретные предложения. Так, Народно-трудовой союз нового поколения (далее – НТСНП) выступил с предложением создания из военнопленных парашютно-десантных отрядов для выброски в район исправительно-трудовых лагерей на севере СССР²¹⁸. А генерал-лейтенант В. К. Витковский даже отправил Маннергейму письмо с планом «короткого удара по Петрограду»²¹⁹. Граф Г. А. Шереметьев писал фельдмаршалу 31 января 1940 г. из Парижа с просьбой принять князя В. Д. Голицына и А. Г. Трубникова, которые изложат план активного удара

²¹⁶ «Так изменяются принципиальные позиции». Дневник С. П. Мельгунова. 1933, 1939-1944 гг. (Ю. Н. Емельянов) // Исторический архив. М., 1999. № 5. С. 113.

²¹⁷ Цит. по: Густав Маннергейм и белая эмиграция. История в письмах. СПб, 2008. С. 152.

²¹⁸ Александров К.М. Русские солдаты Вермахта. Герои или предатели. М., 2005. С. 31-32.

²¹⁹ Густав Маннергейм и белая эмиграция... С. 155-156.

по большевикам. Автор письма заверял барона, что им оказывается тайная поддержка английского и американского правительств²²⁰. Однако первоначально все подобные идеи наталкивались в Финляндии, по воспоминаниям представителя НТСНП А. П. Столыпина, «на настороженность и страх»²²¹. На все письма русских эмигрантов с предложениями помощи Маннергейм отвечал твердым отказом, мотивируя это тем, что «Финляндия имеет свои твердые принципы, благодаря которым никто не может обвинить ее в агрессии и свержении в России советской власти»²²². В направленной в дипломатические представительства Финляндии инструкции о регистрации добровольцев принимать русских было запрещено²²³. При этом иностранных добровольцев в финской армии насчитывалось свыше 12 тысяч человек.

Но подобные настроения не утихали в Русском Зарубежье. С предложением помощи выступил и РОВС в лице своего председателя А. П. Архангельского. В своем письме от 16 декабря 1939 г. он обратился к маршалу с предложением участия РОВС в борьбе с общим врагом и просил высказать его взгляд на возможность такого участия. Глава РОВС предполагал, что «помощь Финляндии должна выразиться не в виде простой живой силы, а в качестве специалистов разного рода для работы в тылу Красной армии для поднятия гражданской войны в СССР»²²⁴. Фельдмаршал Маннергейм ответил, что в настоящем периоде войны он не видит возможности воспользоваться сделанным ему предложением, но высказался, что трудно предвидеть, какие возможности могут открыться в будущем²²⁵.

Архангельский в своем обращении от 30 марта 1940 г. так мотивировал нежелание Финляндии использовать русских добровольцев: «Советская

---

²²⁰ Там же. С. 153.

²²¹ Александров К.М. Русские солдаты Вермахта... С. 32.

²²² Густав Маннергейм и белая эмиграция... С. 152.

²²³ Таннер В. Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии. 1939–1940. М., 2003. С. 175.

²²⁴ Архангельский А. П. Финский опыт РОВСа // Вестник РОВС: Издание Русского Обще-Воинского Союза. 2004. № 8-9. С. 26.

²²⁵ Там же.

власть объявила войну не Финляндии и финскому народу, а выступила с «поддержкой» искусственно созданного ею «народного правительства» Куусинена против «белобандитов и клики Таннера-Маннергейма», т. е. советское правительство начало борьбу на платформе гражданской войны в Финляндии, борьбы красных против белых. Принять борьбу в этой плоскости финны не могли <...>. Финскому правительству было необходимо сохранить полное единение народное и это единение оно могло сохранить, лишь ведя войну национально-оборонительную против русских <...>. При таких условиях участие русских, да еще окрашенных в «белый» цвет, для Финляндии было недопустимо – оно не только внесло бы известное недоумение в стране, но и дало бы повод советской власти вести агитацию о «захватно-белогвардейских» планах финнов, «поддерживаемых русскими белогвардейцами»²²⁶.

В этом отношении интересен тот факт, что, признавая гражданскую войну «гибельной для всякой страны», Архангельский отнюдь не отказывался от ее возобновления в России²²⁷. Вообще применение политики двойных стандартов – отличительная черта того времени.

Бывший глава Временного правительства А. Ф. Керенский, в то время проживавший в Париже, обратился к руководству Финляндии с предложением создать «радикальный русский комитет» с ним во главе. Следует отметить, что, несмотря на нежелание использовать белую эмиграцию в военном плане, в Хельсинки все же рассматривались некоторые политические проекты, связанные с идеей альтернативного русского правительства. По выражению В. Таннера, на тот момент занимавшего пост министра иностранных дел Финляндии, оно должно было стать «своего рода ответом на образование правительства Куусинена в Терийоки»²²⁸. В качестве возможных лидеров такого правительства выдвигались кандидатуры

---

²²⁶ Архангельский А. П. Финский опыт РОВСа... С. 27.

²²⁷ Там же.

²²⁸ Таннер В. Зимняя война... С. 177.

А. Керенского и Л. Троцкого²²⁹. Если в середине декабря 1939 г. эта идея еще обсуждалась, то в январе 1940 г. уже была ясна ее несостоятельность. Охлаждение к этой затее было связано с тем, что правительство Куусинена, встречной мерой в отношении которого и являлось планируемое русское правительство, не получило ощутимой поддержки ни в Финляндии, ни за рубежом²³⁰.

Одновременно с отказом от этой идеи благосклонно принимается предложение о создании русских национальных отрядов, сформированных не из русских эмигрантов-добровольцев, а из советских военнопленных. Предложение это поступило к Маннергейму от советского эмигранта, бывшего технического секретаря Политбюро ЦК ВКП(б) Б. Г. Бажанова, проживавшего в эмиграции в Париже.

Обращение Бажанова к главнокомандующему Финляндии поддержали РОВС, Высший Монархический Совет и редакция газеты «Возрождение», призывая оказать ему «полнейшее доверие»²³¹. Как вспоминает сам Б. Бажанов: «Я был единственным человеком, решившим по поводу этой войны действовать, и все главные эмигрантские организации меня дружно поддержали и пошли за моей акцией»²³². Интересно, что позже, в феврале 1940 г., в газете «Возрождение» было опубликовано уже упоминавшееся письмо в редакцию Н. Шмидта с идеей такой акции. Автор письма озвучил тезис о необходимости некоего компетентного лица, поддерживаемого большинством, для практического улаживания вопроса об участии в войне русских добровольцев²³³. Вряд ли Н. Шмидт знал о действиях Б. Бажанова,

²²⁹ Барышников В.Н. К вопросу о различиях в подходе к образованию так называемого «русского правительства» у руководства Финляндии в период «зимней войны» // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Пятой ежегодной научной конференции (23–25 апреля 2003 г.). СПб, 2004. С. 59–61.

²³⁰ Подробнее см.: Зимняя война 1939–1940. Книга первая. Политическая история. М., 1999; Барышников Н.И., Барышников В.Н. Рождение и крах «терийокского правительства» (1939–1940 гг.) // Финляндия. Из истории военного времени 1939–1944. СПб, 2010; Барышников Н.И., Барышников В.Н. Рождение и крах «терийокского правительства» (1939–1940 гг.). СПб.; Хельсинки, 2003.

²³¹ Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. [Б. м.], Франция, 1980. С. 295.

²³² Там же.

²³³ Шмидт Н. О Финляндии (Письмо в редакцию) // Возрождение. 1940. 16 февраля. № 4223. С. 8.

но сам факт такого отклика позволяет утверждать, что сама идея уже блуждала в среде русской эмиграции и находила горячую поддержку.

Если ранее Маннергейм отвечал твердым отказом на предложения индивидуальных доброжелателей из среды Русского Зарубежья, то в данный момент он согласился лично принять Бажанова. Трудно сказать, что заставило маршала пересмотреть свою позицию по поводу участия русских в войне на стороне Финляндии. Возможно, свою роль сыграло то, что предложение поступило от советского, а не белого эмигранта и формировать будущую «армию» предполагалось из советских же военнопленных²³⁴. Возможно, Маннергейм решил воспользоваться таким пропагандистским инструментом в условиях принимавшей затяжной характер войны и возможности перенесения военных действий в том числе и на территорию СССР²³⁵. Во всяком случае в телеграмме от 28 декабря президент Финляндии Рюти указывал финским дипломатам в Париже на то, что Бажанова можно «выгодно использовать», а 1 января распорядился отправить «Бажанова в путь сразу сюда, к Маннергейму»²³⁶.

Перед своей поездкой в Финляндию Бажанов «имел продолжительный разговор» с председателем РОВС «по вопросу о возможности и форме нашего участия в войне Финляндии с СССР», в ходе которого еще раз обсуждались планы привлечения военнопленных к борьбе против большевиков²³⁷. После этого 12 января Бажанов через Швецию прибыл в Финляндию и уже 15 января находился на аудиенции у Маннергейма в его ставке в Сен-Миккели. Маннергейм одобрил организацию русских отрядов, хотя и высказал сомнения в результативности этой деятельности. По воспоминаниям Бажанова, «Маннергейм сказал, что есть смысл попробовать: он предоставит мне возможность разговаривать с пленными одного лагеря (500 человек): «Если они пойдут за вами – организуйте вашу армию. Но я

---

²³⁴ Густав Маннергейм и белая эмиграция... С. 166.

²³⁵ Зимняя война 1939–1940. Книга первая. С. 266–267, 270–271.

²³⁶ Барышников В.Н. К вопросу о различиях в подходе к образованию так называемого «русского правительства»... С. 67.

²³⁷ Архангельский А. П. Финский опыт РОВСа... С. 27.

старый военный и сильно сомневаюсь, чтобы эти люди, вырвавшиеся из ада и спасшиеся почти чудом, захотели бы снова по собственной воле в этот ад вернуться»²³⁸.

Однако результаты опроса военнопленных в лагерях Пелсо и Кёюлиё в конце января – начале февраля 1940 г. Бажанов счел благоприятными и предложил финскому командованию следующий план действий. Во-первых, предлагалось создать Военно-революционный комитет под его руководством для формирования отрядов Русской Народной Армии, которые бы решали вначале пропагандистские, а затем и военные задачи на фронте. Затем предлагалось создать два лагеря – сортировочный и учебно-формировочный на участке между Савонлинной и Сортавалой. В формировочном лагере каждый отряд должен был пробыть месяц и затем отправиться на фронт²³⁹. Помимо отбора солдат для Русской Народной Армии и пропагандной работы среди них, Бажанову пришлось решать и ряд организационных вопросов, в частности – формирование офицерского корпуса РНА и выработка взаимоотношений между офицерами и солдатами, составление новых уставов. Решение Бажанова использовать в качестве командующих отрядами русских эмигрантов из состава РОВС было поддержано финским руководством и в распоряжение Бажанова было предоставлено несколько проживавших в Финляндии офицеров Общевоинского Союза, среди которых капитан Киселев, штабс-капитан Луговой и другие²⁴⁰.

По воспоминаниям Бажанова, «все, что можно было сделать в две недели, занимает почти два месяца. Перевезти всех в другой лагерь ближе к фронту, организовать, все идет черепашьям шагом»²⁴¹. Рассмотрим возможные причины такого промедления.

²³⁸ Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина... С. 297.

²³⁹ Подробнее о комплектовании РНА и ее боевых задачах см.: Александров К. М. Русские солдаты Вермахта. М., 2005; Сутулин П. Русская народная армия (Финский опыт создания коллаборационистских формирований в Зимней войне 1939–1940 гг.) [Электронный ресурс] // Актуальная история: Научно-публицистический журнал. Режим доступа: http://actualhistory.ru/rna_in_talvisota (дата обращения: 02.04.2013).

²⁴⁰ Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина... С. 299.

²⁴¹ Там же. С. 300.

Во-первых, сложности пропагандной работы среди военнопленных. В Финляндии с 27 января 1940 г. дважды в неделю на русском языке выпускалась газета «Друг пленных», которую даже просматривал Маннергейм. Подобное издание было рассчитано на идеологическую обработку красноармейцев, которых к концу войны было свыше 5 тысяч человек²⁴². Однако усилия пропагандистского характера не достигали цели, и газета после критических замечаний Маннергейма после выпуска 10-го номера закрылась. Как отмечает Д. Д. Фролов, «большинство военнопленных не сотрудничало с финнами. Они относились настороженно к финской пропаганде или даже, как отмечали сами финны, не были к ней восприимчивы. Более того, в лагерях и тюрьмах, где содержались советские пленные, существовали подпольные комсомольские и партийные ячейки. Проводились собрания, выпускались и распространялись советские листовки»²⁴³.

Во-вторых, к середине февраля 1940 г. финское руководство, очевидно, понимало бесперспективность продолжения военных действий без поддержки союзников. Из воспоминаний С. П. Мельгунова от 14 февраля 1940 г.: «Конечно, Финляндия действительно героически защищается, но почему предполагается, что СССР должен был в одну неделю завоевать страну. Не успел, возможно, фронт в условиях зимней кампании. Все преимущество должно сказаться через 2-3 месяца и начинает сказываться»²⁴⁴. А Великобритания и Франция медлили с предоставлением военных контингентов в распоряжение Маннергейма. Без такой поддержки Финляндии не хватало ни финансовых, ни материальных средств, ни человеческих ресурсов для продолжения войны, принимавшей затяжной характер.

---

²⁴² Барышников В.Н. К вопросу о различиях в подходе к образованию так называемого «русского правительства»... С. 68.

²⁴³ Фролов Д.Д. Советско-финский плен. 1939–1944 гг. По обе стороны колючей проволоки. СПб, 2009. С. 381-382.

²⁴⁴ «Так изменяются принципиальные позиции»... С. 114.

В итоге формирование отрядов было завершено лишь в первые дни марта, после чего они постепенно начали отправляться на фронт²⁴⁵. Но принять участия в боевых действиях, ввиду завершения советско-финской войны, они, по всей видимости, не успели, хотя в мемуарах Бажанов и упоминает о том, что один из отрядов успел поучаствовать в боях и что на его сторону даже перешло «человек триста» бойцов РККА²⁴⁶. Однако это заявление не представляется возможным проверить ввиду отсутствия документальных источников, подтверждающих эту информацию. Даже Бажанов в воспоминаниях указал, что проверить вышеуказанную информацию он не успел²⁴⁷. Не исключена вероятность и его намеренной дезинформации со стороны советской разведки. В свою очередь Архангельский, также сообщавший в своем отчете о дошедшем до фронта отряде РНА, который «привел с фронта красноармейцев в числе, превышавшем значительно его состав»²⁴⁸, позднее признавался, что данные сведения у него имеются только со слов Бажанова, добавляя, однако, что не видит «основания не верить ему в этом»²⁴⁹.

Что касается численности набранных Бажановым бойцов, необходимо отметить, что в своих мемуарах он, скорее всего, ее преувеличил, заявляя, что «из 500 человек 450 пошли добровольцами драться против большевизма»²⁵⁰. В своем же рапорте от 12 февраля 1940 г. о результатах агитации среди пленных красноармейцев в лагере Пельсо он приводит примерные расчеты на основании персонального опроса 5 камер. Из 197 человек 94 выразили желание идти в добровольческие отряды Русской Народной армии, что позволило Бажанову выдвинуть тезис о том, что около половины пленных пойдут за ним. Здесь же он указывает, что по созданию сортировочного лагеря из тех «550 человек из лагеря Пельсо, обработка

---

²⁴⁵ Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина... С. 300.

²⁴⁶ Там же.

²⁴⁷ Там же.

²⁴⁸ Архангельский А. П. Финский опыт РОВСа... С. 28.

²⁴⁹ Цит. по: Александров К. М. Русские солдаты Вермахта... С. 39.

²⁵⁰ Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина... С. 298.

которых уже начата, <...> можно будет отобрать человек 250-300, а остальных отправить обратно на работы. <...> Из этих 250-300 человек уже в формирующем лагере в течение нескольких дней будут отобраны и подготовлены человек 150 – первые 5 отрядов, с которыми и будет проведен первый опыт пропагандной работы на фронте»²⁵¹.

В отчете РОВС указывается, что «около 200 человек выразили желание вступить в ряды Русских Народных Отрядов»²⁵². Скорее всего, эта цифра была получена от самого Бажанова. Финские источники говорят лишь о 180 завербованных Бажановым пленных²⁵³. Сотрудниками НКВД, активно искавшими после войны среди вернувшихся пленных разнообразные антисоветские элементы, было выявлено 166 «участников антисоветского добровольческого отряда» (из 5277 поступивших на тот момент в фильтрационные лагеря бывших военнопленных)²⁵⁴.

Что касается послевоенной судьбы бойцов РНА, то она, как и судьба вернувшихся из Финляндии военнопленных в целом, оказалась трагична. Хотя уполномоченный представитель главнокомандующего при правительстве генерал Р. Вальден и обещал Бажанову предоставить пожелавшим остаться в Финляндии бывшим бойцам РНА «все права финских граждан»²⁵⁵, они постепенно репатрировались в СССР или обменивались на финских граждан²⁵⁶.

Необходимо отметить, что РНА было, по всей видимости, не единственным формированием из военнопленных, созданным в период Зимней войны. Вместе с белоэмигрантскими организациями свою помощь финским властям активно предлагали и украинские националисты в лице

²⁵¹ Рапорт Б.Г. Бажанова от 12 февраля 1940 г. о результатах агитации среди пленных красноармейцев на советско-финляндском фронте // *Александров К. М.* Русские солдаты Вермахта. Герои или предатели. Сборник статей и материалов. М., 2005. С. 500-503.

²⁵² *Архангельский А. П.* Финский опыт РОВСа... С. 28.

²⁵³ Зимняя война 1939–1940. Книга первая. С. 326; Невалайнен П. Изгой: Российские беженцы в Финляндии (1917-1939). СПб, 2003. С. 225.

²⁵⁴ Спецсообщение Л.П. Берии И.В. Сталину о разработке советских военнопленных от 23 мая 1940 г. // Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». 1939 — март 1946. М., 2006. С. 157.

²⁵⁵ *Бажанов Б.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина... С. 301.

²⁵⁶ *Фролов Д. Д.* Советско-финский плен... С. 450-451.

председателя правительства Украинской народной республики в изгнании А. Я. Шульгина²⁵⁷. Финский Генштаб даже подготовил листовки для бойцов РККА на украинском языке²⁵⁸. К сожалению, о практической реализации вышеописанных планов украинских эмигрантов практически ничего неизвестно²⁵⁹.

Характерно, что реакция белой эмиграции на участие русских в войне против СССР была далеко неоднозначной. А. И. Деникин осудил акцию Бажанова и действия РОВС по этому вопросу. В 1946 г. в письме Архангельскому он упрекал последнего: «Вы «в интересах (якобы) русского национального дела» предложили контингенты РОВС-а Маннергейму. Хорошо, что из этого ничего не вышло. Ибо не могло быть “национального дела” в том, что русские люди сражались бы в рядах финляндской армии, когда финская пропаганда каждодневно поносила не только большевиков и СССР, но и Россию вообще, и русский народ»²⁶⁰.

В то же время члены РОВСа, по всей видимости, вполне однозначно ответили для себя на вопрос о моральной допустимости войны против Советской России на стороне другого государства. Как отмечал Архангельский, «мировая война, теперь после первого полугодия, только еще начинает разгораться и, несомненно, у нас еще будут случаи и возможности принять участие в борьбе за свержение советской власти и за восстановление России. Мы должны учесть наш опыт в Финляндии, извлечь из него надлежащие уроки и быть готовыми к новой борьбе»²⁶¹.

Забегая вперед, скажем, что возможности для такого участия, действительно, были. Самой значимой авантюрой подобного рода стало

²⁵⁷ Цит. по: *Барышников Н.И., Барышников В.Н.* Рождение и крах «терийокского правительства» (1939–1940 гг.) // Финляндия. Из истории военного времени 1939–1944. С. 357-358.

²⁵⁸ Там же.

²⁵⁹ *Сутулин П.* Русская народная армия (Финский опыт создания коллаборационистских формирований в Зимней войне 1939–1940 гг.) [Электронный ресурс] // Актуальная история: Научно-публицистический журнал. Режим доступа: http://actualhistory.ru/rna_in_talvisota (дата обращения: 02.04.2013).

²⁶⁰ Письмо генерала А.И. Деникина начальнику Русского Общевоинского Союза А.П. Архангельскому (1946) // Родина. 1991, № 6–7. С. 104.

²⁶¹ «Мы должны учесть наш опыт в Финляндии...» РОВС об уроках «Зимней войны» // Россия и Финляндия в XX веке. СПб, 1997. С. 332.

формирование Русской освободительной армии под командованием Власова. И тогда, и позднее не раз напрашивались сравнения этих кампаний. Но, по мнению маршала Маннергейма, «нельзя ставить Русскую народную армию Финляндии на одну доску с немецкой Русской освободительной армией генерала Власова. Борис Бажанов и поверившие ему пленные красноармейцы собирались выступить на стороне коалиции демократических государств, а не гитлеровской диктатуры. Ни Финляндия, ни Франция, ни Англия, в отличие от нацистской Германии, не имели планов оккупации советских территорий, а тем более ликвидации Советского Союза»²⁶².

Формально в этих словах есть доля истины, но в обоих случаях такой выбор – это предательство по отношению к родине. Ни о какой защите «национальных интересов России», о сущности которых рассуждали, пожалуй, все эмигрантские периодические издания тех лет, речи не было. Как указывалось выше, большинством руководил грубый расчет в надежде взять реванш за проигранную Гражданскую войну и нежелание смириться с реальным положением дел.

3.2 Коллаборационизм русской эмиграции во Франции в годы Второй мировой войны

Для понимания поведения отдельного человека следует принимать во внимание те факторы, которые оказывают влияние на процесс принятия решений. Если условно классифицировать те ценности, которые влияют на человека в жизни при принятии решений, то можно выделить сугубо личные, общественные и общечеловеческие интересы. Личные, или эгоистические, побуждения ближе всего к человеку, поэтому воздействие общественных интересов и ценностей более высокого порядка всегда приводит к фрустрации личного и не всегда находит отражение в сердцах людей. В

---

²⁶² Густав Маннергейм и белая эмиграция... С. 173.

любом случае это, прежде всего, вопрос воспитания и личной культуры, а не социального положения или профессии.

В зависимости от значимости тех или иных интересов нами предлагается своеобразная классификация, согласно которой выделяются следующие группы людей: «обыватели» и «коллорационисты», «патриоты» и «космополиты».

Обыватели — лица, приспособляющиеся к реалиям повседневной жизни, стремящиеся к безопасности себя и близких. Обыватели бывают разные, но в целом их интересы и мотивы их поведения сконцентрированы на себе. Эгоизм, так или иначе, присущ каждому человеку. Коллорационистами, как правило, становятся эгоисты с наиболее низким уровнем общественной ответственности, которые в трудные военные времена стремились получить выгоду и реализовать свои корыстные намерения. Те же из них, кто отличался высокоразвитым интеллектом, всегда находили себе оправдание. Например, поведение во время войны известного русского писателя, поэта, критика, историка, религиозного философа Д. С. Мережковского, его так называемую измену России — «гитлерство», речи по радио и прочее — оправдывали банальным «из подлости». На самом деле, по словам И. А. Одоевцевой, «все это делалось только «из подлости» и не касалось его действительных взглядов и чувств» и ранее: «Мораль — для других — прочих, для обыкновенных, а они (чета Мережковских — *Н. Т.*) могут поступать, как для них выгоднее и удобнее»²⁶³. Симпатии к Гитлеру писателю не простили, особенно остро подвергнув его остракизму после скандальной речи по радио в Биаррице летом 1941 года, незадолго до смерти, в которой он говорил о «подвиге, взятом на себя Германией в Святом Крестовом походе против большевизма»²⁶⁴, сравнивая Гитлера с новой

²⁶³ Одоевцева И. В. На берегах Сены. М., 2005. С. 149.

²⁶⁴ Мережковский Д. С. Большевизм и человечество (Посмертная статья Д. С. Мережковского) // Парижский вестник. 1944. 8 января. № 81. С. 5-6.

Жанной д'Арк²⁶⁵. Но от человека высокоинтеллектуального, претендующего на звание духовного Мессии своего времени ждешь поступков, которые могли бы послужить примером для подражания, указать верный путь для своих единомышленников²⁶⁶.

Жизненное кредо данной группы людей, по свидетельству Н. Н. Берберовой: «самые важные вещи на свете суть: каша в горшке, хлеб в печи, шерсть и сало»²⁶⁷. В ее воспоминаниях есть и другие слова, отчасти проливающие свет на то мировосприятие, которым отличалась эта группа: «патриотизм – устарелое понятие, и лучше быть живым трусом, чем мертвым героем»²⁶⁸. По свидетельству Р. Б. Гуля, «среди сочувствовавших Гитлеру была и сама Н. Берберова. В «Парижском вестнике» (профашистское эмигрантское издание в Париже времен оккупации — *Н. Т.*) она не печаталась, но своих прогитлеровских симпатий не скрывала, а, напротив, выпячивала. Так, она звала уехавших в свободную зону писателей Бунина, Адамовича, Руднева вернуться в Париж под немцев, потому что тут «наконец свободно дышится»²⁶⁹. Эгоистичны и метания поэта Г. В. Иванова от нацистов к советским патриотам после поражения Германии²⁷⁰.

Из среды русской интеллигенции во Франции немало лиц, занявших позицию сотрудничества с нацизмом. Среди них прозаик и драматург И. Д. Сургучев, который за свои публикации в газете оккупационных властей «Парижский вестник» был арестован в 1945 г., но суд его оправдал. Кроме того, он в 1940 г. был одним из организаторов и председателем писательской

²⁶⁵ Шендерюк М. Г. Вторая мировая война глазами русских эмигрантов // Война и мир в русской словесности, истории и культуре. Материалы Международной научной конференции. Калининград, 2005. С. 206; Парижский вестник. 1944. 8 января.

²⁶⁶ О Д. С. Мережковском см.: *Pachtus T. Zinaida Hippus: An Intellectual Profile*. Land-Amsterdam, 1971; *Хрисанфов В. И. Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус: Из жизни в эмиграции*. СПб., 2005; *Вербов С. Люди, пути и тропы*. Париж, 1970; *Хрисанфов В. И. Подвиг или трагедия? (О судьбах литературной эмиграции 1920–1930-х гг.)* // Российская интеллигенция на историческом переломе. Первая треть XX в.: Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Санкт-Петербург, 19–20 марта 1996 г. СПб., 1996. С. 190–193; *Олейник О. Ю., Меметов В. С. Интеллигенция, эмиграция, отечество: Проблема патриотизма в творческом наследии представителей российского зарубежья 20–30-х годов XX века*. Иваново, 1997 и др.

²⁶⁷ *Берберова Н. Н. Курсив мой. Автобиография*. 2-е издание, испр. и доп. Т. 2. New-York, 1983. С. 478.

²⁶⁸ *Берберова Н. Н. Курсив мой*. Т. 2. С. 461.

²⁶⁹ *Гуль Р. Б. Я унес Россию*. Т. III. Россия в Америке. М., 2001. С. 127.

²⁷⁰ *Яновский В. С. Поля Елисейские*. Нью-Йорк, 1983. С. 121.

и драматической секций Объединения русских деятелей литературы и искусства (так называемого «сургучевского» союза писателей), а также руководил парижским «Театром без занавеса» (1942-1944)²⁷¹. Стоит также упомянуть здесь и балетного танцовщика, хореографа и балетмейстера С. М. Лифаря. В годы оккупации Франции он стоял во главе балетной труппы «Гранд Опера» и поставил на сцене театра едва ли не лучшие свои спектакли. Работа в Париже во время оккупации привела к резкому повороту в судьбе Лифаря: французское Движение Сопротивления в Лондоне обвинило его в коллаборационизме и приговорило к смертной казни. Лифарь покинул город и в 1944—1947 гг. возглавлял труппу «Новый балет Монте-Карло». После войны Национальный французский комитет по вопросам «чистки» отменил обвинение, и балетмейстер триумфально вернулся в родной театр²⁷².

При этом не стоит забывать, что интеллигенция, прежде всего литературная, в русской среде всегда отражала настроения времени. И тогда в их выборе, даже профашистском, субъективном с одной стороны, отразились и объективные черты эпохи — отсутствие четких ориентиров, крайний индивидуализм и эгоизм, самоуверенность.

Позицию лидера, способного вдохновить русскую эмиграцию в этот нелегкий период, могли занять и представители царской семьи. 26 июня 1941 г., практически сразу после нападения нацистской Германии на Советский Союз, великий князь Владимир Кириллович обратился к русским эмигрантам с призывом «способствовать по мере сил и возможностей свержению богоборческой большевистской власти и освобождению нашего Отечества от страшного ига коммунизма»²⁷³. Вслед за представителем Российского Императорского Дома подобную точку зрения заняла и

²⁷¹ Носик Б. М. На погосте XX века: Меланхолическая прогулка по знаменитому русскому некрополю Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем. СПб., 2000. С.465-466.

²⁷² Лифарь, Серж [Электронный ресурс] // Википедия: электронная энциклопедия. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9B%D0%B8%D1%84%D0%B0%D1%80%D1%8C,%D0%A1%D0%B5%D1%80%D0%B6> (дата обращения: 11.02.2016)

²⁷³ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 69. Л. 335.

определенная часть духовенства в лице митрополита Русской Православной Церкви за границей Серафима: «Встанем все друзья, как один человек, на честный, ратный бой с красным дьяволом!»²⁷⁴. Восхищалась Гитлером и значительная часть дворян в среде русской эмиграции во Франции, надеясь на то, что он-то наведет порядок. Как прозвучало в одном из обращений к соотечественникам князя М. К. Горчакова: «Настало, наконец, наше время. Воспользуемся благами германской власти, а там и сами возьмёмся за руль»²⁷⁵. Все они – и представители дома Романовых, и дворяне царской России, и священнослужители – хотели с помощью внешнего врага вернуться к старому режиму, восстановить утраченное ими положение и благосостояние. Таким образом, ими владели сугубо эгоистичные мотивы, а вовсе не беспокойство за судьбы Отечества.

К числу *коллаборационистов* также можно причислить активных членов Русского Обще-Воинского Союза (РОВС) и Национально-Трудового Союза Нового Поколения (НТСНП). Как уже упоминалось, в состав I отдела РОВСа, центр которого находился в Париже, входило около 80 организаций, которые включали 12 тысяч человек²⁷⁶. Всего же к 1937 г. РОВС насчитывал 13 отделов и подотделов, и объединял в себе около 30 тысяч человек²⁷⁷. Что касается НТСНП, то накануне войны он насчитывал не менее 2 тысяч человек²⁷⁸.

Еще за месяц до нападения на СССР глава германского отдела РОВС генерал А. А. фон Лампе направил письмо командующему германскими сухопутными силами генерал-фельдмаршалу В. фон Браухичу с предложением использовать эмигрантов в готовящейся войне против СССР. Это обращение осталось без ответа, так же как и предложение одного из руководителей французского отдела РОВС генерала Кусонского. После нападения фон Лампе вновь обратился к фон Браухичу с повторным

²⁷⁴ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 69. Л. 336.

²⁷⁵ ГАРФ. Ф. 6461. Оп. 2. Д. 18. Л. 231.

²⁷⁶ ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 25 (1). Л. 40.

²⁷⁷ Русские во Франции. Справочник / Ред. В. Ф. Зеелер. Париж, 1937. С. 86.

²⁷⁸ Прянишников Б.В. Новопоколенцы. Нью-Йорк, 1986. С. 85.

предложением. На этот раз ответ был получен: германское военное руководство уведомяло, что участие в войне русской эмиграции германской стороной не предполагается. Руководство РОВС поспешило заверить, что вынуждено сохранять политический нейтралитет, но поддержит любую частную инициативу в священной борьбе с большевизмом. Из конкретных действий, демонстрирующих лояльность РОВСа к фашистам, приведем следующее: Руководитель РОВСа на Юге Франции генерал-лейтенант М. А. Свечин вошел в состав французского «Легиона Комбатантов», созданного коллаборационистом маршалом Петэном²⁷⁹.

В данном случае надо отметить, что и политика нацистской Германии в отношении членов РОВСа не была абсолютно последовательной. Вступление во Вторую мировую войну Советского Союза вызвало волну арестов в среде русской эмиграции во Франции по подозрению в работе на советскую разведку. Она не обошла стороной и военнослужащих и чинов РОВСа. Кто-то был позднее отпущен на свободу (например, генерал П. Н. Шатилов, заместитель начальника I отдела РОВСа в неоккупированной зоне Франции генерал Киреев), а кого-то ждала иная судьба. Так, начальник военной канцелярии РОВСа генерал П. А. Кусонский, в 1938 г. перебравшийся из Франции в Бельгию, умер после избиения эсэсовцами в бельгийском концлагере в августе 1941 г.²⁸⁰

Среди русских эмигрантов во Франции, проявивших в годы войны беспринципность и амбициозность в достижении своих корыстных целей, следует упомянуть полковника В. К. Модраха. Бывший профессиональный военный, стремившийся к политической активности, в годы оккупации Парижа он возглавил учрежденный приказом главнокомандующего германскими вооруженными силами во Франции от 9 апреля 1941 года «Комитет взаимопомощи русских эмигрантов во Франции» как

²⁷⁹ *Голдин В.И.* Роковой выбор. Русское военное зарубежье в годы Второй мировой войны. Архангельск, 2005. С. 159.

²⁸⁰ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 69. Л. 144 – 146; Политическая история русской эмиграции. 1920 - 1940 гг.: Документы и материалы... С. 9.

единственный официальный посредник между властями и русской эмиграцией. В его состав, помимо В. К. Модраха, входили С. Н. Краснов, П. А. Рогович, Ю. С. Жеребков. При комитете было также образовано Собрание в составе митрополита Серафима, атамана графа Граббе, П. Н. Богдановича и К. К. Случевского²⁸¹. Комитет Модраха за короткий период своего существования (9 апреля 1941 г.–21 апреля 1942 г.) отправил на работу в Германию 205 белоэмигрантов и еще 250 были им устроены на немецкие предприятия во Франции. Кроме того, Модрах занимался рекрутированием русских добровольцев на борьбу с большевизмом²⁸². 21 апреля 1942 г. приказом германского главнокомандования во Франции Комитет был преобразован в Управление делами русской эмиграции во Франции²⁸³. Ю. С. Жеребков был назначен начальником Управления, а В. К. Модрах стал его правой рукой²⁸⁴. Такое положение не только реализовало политические амбиции последнего, но и помогло улучшить свое благосостояние за счет активности на черном рынке Франции.

Беспринципность В. Модраха ярче проявилась позднее. В конце войны, видя продвижение советских войск и предвидя поражение Германии, он изменил свое поведение: прекратил пронемецкую деятельность и начал оказывать помощь советским военнопленным во Франции. При этом он предусмотрительно обзавелся официальными документами, подписанными командирами советских партизан, действовавших в рядах французского Сопротивления. Следует отметить, что именно благодаря этим документам, а также заявлению о планах вернуться в СССР, в ходе допросов после его ареста Силами внутреннего французского Сопротивления В. Модрах избежал

---

²⁸¹ Стенограмма официального сообщения представителям Русской эмиграции во Франции, сделанного Ю. С. Жеребковым, 25-го июля 1941 года // ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 69. Л. 353-354 об., ГАРФ. Ф. Р-6461. Оп. 2. Д. 34. Л. 175-176 об.

²⁸² Урицкая Р. Л. Они любили свою страну... Судьба русской эмиграции во Франции с 1933 по 1948 г. СПб., 2010. С. 120.

²⁸³ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 69. Л. 366 об.

²⁸⁴ Стенограмма официального сообщения представителям Русской эмиграции во Франции, сделанного Ю. С. Жеребковым, 25-го июля 1941 года // ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 69. Л. 353-354 об., ГАРФ. Ф. Р-6461. Оп. 2. Д. 34. Л. 175-176 об.

высылки, а позднее даже получил французский паспорт²⁸⁵. Таким образом, и среди русских эмигрантов нашлись резистанты «последнего часа».

Возвращаясь к деятельности Управления по делам русской эмиграции во Франции, нельзя обойти вниманием те призывы и теоретические обоснования своего коллаборационизма, которые звучали в речах его главы Ю. С. Жеребкова: «Но что такое вообще патриотизм? Патриот не тот, кто с гордым видом обводит взором собеседников и изрекает: “я руссофил!” Патриот не тот, что подвыпившим и размякшим голосом затягивает русский гимн, святой напев старой России! Патриот не тот, кто за рюмкой водки бьет себя в грудь и, сидя в Париже, клянется умереть за “единую и неделимую”!

Я снова вернусь к словам Петра Николаевича Краснова, “легко говорить пышные фразы о своей непримиримости, о своем патриотизме, о том, что ни пяди земли не отдать никому, но когда за этими фразами не стоит никакого реального дела, то они производят впечатление лишь мыльных пузырей, тающих в воздухе и оставляющих после себя грязные следы”. Нет, господа, не это патриотизм!..

Патриот – тот, кто, убив в себе гордость, забыв все свои личные интересы, смирившись, самоотверженно идет на Восток, в родные села и степи, искренно и честно решив сотрудничать с немецкими солдатами, видя в них не завоевателей, а освободителей и покровителей.

Патриот – тот, что, не ставя условий, идет переводчиком, шофером, врачом, инженером и рабочим, со стремлением помочь русскому народу забыть большевицкое иго и изжить страшный марксистский яд, проникший ему в душу»²⁸⁶.

Удивительно, но эти слова были созвучны мыслям большого числа русских эмигрантов. И перед лицом угрозы независимости государства и народа они открыто поддерживали врага. Однако подобное поведение

²⁸⁵ Урицкая Р. Л. Они любили свою страну... С. 121–124.

²⁸⁶ Текст сообщения, сделанного управляющим делами русской эмиграции во Франции Ю. С. Жеребковым 22-го ноября 1941 года в Salle Rochefoucault, в Париже // Heller M. Un «Führer russe» à Paris: Ju. S. Zerebkov (1941) // Cahiers du monde russe et soviétique. 1983. Vol. 24. № 1-2. С. 198.

отнюдь не является патриотичным. Действительно, патриотизм — преданность и любовь к своему отечеству, к своему народу²⁸⁷, то есть патриоты защищают родину, а не власть, категорию преходящую. Объяснить действия лже-патриотов можно их близорукостью и активной пропагандой и агитацией немецкого национал-социализма. Стоит обратить внимание и на то, как варьировалось понятие патриотизма в различных кругах, как им манипулировали раньше, что может послужить уроком для развития любых современных программ по патриотическому воспитанию молодежи.

Среди борцов с большевизмом на стороне гитлеровского нацизма был и полковник Н. В. Пятницкий. В эмиграции он был одним из помощников генерала Н. Н. Головина на Высших военно-научных курсах в Париже, затем помощником генерала Туркула по созданию Российского национального союза участников войны (РНСУВ). В 1940-х гг. он редактировал газету РНСУВ «Сигнал», а также прогерманскую газету «Парижский вестник» в 1943–1944 гг. В конце Второй мировой войны он принимал участие в формировании русской освободительной армии (РОА) генерала Власова²⁸⁸. После 1945 г. вернулся в Париж, где был арестован по обвинению в коллаборационизме в 1946 г. Парижским судом был приговорен к 10 годам каторжных работ, позднее срок был сокращен. Он кончил жизнь самоубийством 19 ноября 1963 г.²⁸⁹.

По сообщению уполномоченного по делам русской эмиграции во Франции Ю. С. Жеребкова, он, совместно с председателем французского отдела РОВСа генералом-профессором Н. Н. Головиным, зарегистрировал более полутора тысяч офицеров, изъявивших желание безоговорочно участвовать в борьбе против большевизма. Сперва было направлено на фронт около двухсот эмигрантов. Эти офицеры получили придуманную для них форму, многие из них проявили себя и получили награды от лица немецкого

²⁸⁷ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 1999. С. 496.

²⁸⁸ Штрик-Штрикфельдт В.К. Против Сталина и Гитлера: Генерал Власов и Русское Освободительное Движение. 3-е изд. М., 2003. С.195.

²⁸⁹ Полицейский отчет 1948 года “La colonie russe de Paris” («Русская колония в Париже») // Диаспора: Новые материалы. Париж; Санкт-Петербург, 2007. Т. 8. С. 590-591.

командования. Однако спустя несколько месяцев Отдел пропаганды Вермахта отозвал офицеров-эмигрантов в Германию, лишив их и формы, и пособия²⁹⁰.

Неоднозначную позицию занимали и представители деловых кругов русской эмиграции во Франции. Так, промышленник, инженер-путеец, миллионер и меценат А. П. Клягин в годы Второй мировой войны, с одной стороны, был причастен к строительству Атлантического вала для немцев, а с другой – помогал работавшим у него военнопленным получить документы и обрести свободу. После освобождения Франции Клягин был посажен в тюрьму, как сотрудничавший с оккупировавшими Францию войсками, но вскоре отпущен за отсутствием состава преступления²⁹¹.

Русское освободительное движение.

Остановимся подробнее на деятельности русских эмигрантов во Франции в поддержку Русского освободительного движения (РОД) и армии (РОА) под командованием А. А. Власова. В конце июня 1942 г. от основных сил Красной Армии была отрезана 2-я ударная армия Волховского фронта. Большая часть бойцов погибла, выжившие рассеялись по болотистым лесам. В этой критической ситуации командующий армией и одновременно заместитель командующего Волховским фронтом генерал А. Власов бросил вверенные ему войска и скрылся в неизвестном направлении. В начале июля 1942 г. Власов сдался немцам в плен. В силу своего высокого служебного положения знал Власов немало, поэтому вскоре он был направлен в Винницкий лагерь военнопленных, который находился в ведении немецкой военной разведки – абвера. Там Власов и заявил о своем согласии участвовать в борьбе против Красной Армии на стороне фашистов. В начале августа 1942 г. он предложил германским властям создать самостоятельную

---

²⁹⁰ Штрик-Штрикфельдт В.К. Против Сталина и Гитлера... С. 58.

²⁹¹ Носик Б. М. На погосте XX века... С. 217-219.

добровольческую «Русскую освободительную армию» (РОА) для борьбы в союзе с Германией против сталинского режима. Эта идея заинтересовала гитлеровское руководство, и Власову была поручена вербовка добровольцев в лагерях для военнопленных и в эмигрантской среде. Власов преследовал задачу объединения всех антисоветских сил. Однако практическая реализация этого плана Гитлером откладывалась. Учитывая случаи перехода таких добровольцев на сторону Красной Армии, доверия к ним было мало. Только к середине 1944 г., когда инициатива на восточном фронте окончательно перешла к советским войскам, немецкое командование разрешило формирование самостоятельных русских дивизий из проверенных сил.

14 ноября 1944 г. в Праге на деньги немецкого Рейха был образован так называемый «Комитет освобождения народов России» (КОНР). Комитет принял манифест антисоветского движения, буквально воспроизводящий гитлеровские пропагандистские тексты об СССР, Англии и США. Вслед за этим началось формирование дивизий РОА из подразделений, ранее принимавших участие в борьбе с советскими партизанами, в подавлении Варшавского восстания, в боевых действиях на различных участках советско-германского фронта, а также добровольцев из Франции, Дании, Норвегии, балканских стран, Италии и т.д. общей численностью до 50 тысяч бойцов²⁹². Подразделения РОА успели поучаствовать в боях с советскими войсками в ходе Висло-Одерской и Берлинской операций весной 1945 г., а также на югославско-венгерской границе и на западном фронте против англо-американских сил.

Первостепенное значение во власовском движении отводилось пропагандистской работе среди советских военнопленных, бойцов Красной Армии и эмигрантских кругов с целью их вербовки на сторону гитлеровской Германии. На немецкие средства издавалась масса газет и листовок, рекламировавших РОА в качестве «третьей силы», которая собирается

---

²⁹² О कोरोков А.В. Фашизм и русская эмиграция (1920-1945 гг.). М., 2001. С. 77-98.

создать на месте СССР новое государство и борется с большевизмом, а не с собственным народом. Задачам пропаганды отвечали и публикации в русской эмигрантской газете времен оккупации Франции «Парижский вестник» в поддержку РОА. Между ее издателем Жеребковым, редактором полковником Пятницким и редактором газет «Доброволец» и «Заря» для советских воинских частей и советских военнопленных Зыковым в Дабендорфе очень скоро установился тесный контакт. Было достигнуто соглашение об общем направлении политики и об информации для добровольческих частей²⁹³. Действовавшие во Франции цензурные правила давали гораздо большую свободу высказывания и информации.

Для подкрепления РОА была привлечена и Русская зарубежная православная церковь, которая не смогла простить советской власти религиозных преследований. Призывая к вооруженной борьбе против советских солдат, священник Александр Киселев писал в одном из власовских изданий в ноябре 1944 г.: «У кого из нас не болит сердце при мысли, что светлое дело спасения Родины связано с необходимостью братоубийственной войны – ужасного дела. Каков ответ? Каков выход?» И сам отвечал: «Война есть зло, но иногда она бывает злом наименьшим и даже благим»²⁹⁴.

По воспоминаниям В. К. Штрик-Штрикфельдта, среди эмигрантов, согласившихся на сотрудничество с Власовым, были профессор Руднев, полковник Кромиади, генерал Туркул, и офицеры Кравченко, граф Ламздорф, Путилин, Томашевский, барон Людингсхаузен-Вольф, Д. Левицкий, Л. Рар, Н. Рышков и другие²⁹⁵.

Вместо отправки РОА на восточный фронт, о чем мечтали завербованные бойцы, их отправили на запад – во Францию, Италию и

²⁹³ Штрик-Штрикфельдт В.К. Против Сталина и Гитлера... С. 195.

²⁹⁴ Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь и власовское движение // Вестник церковной истории. 2006. № 4. С. 150—175.

²⁹⁵ Штрик-Штрикфельдт В.К. Против Сталина и Гитлера... С. 235.

Данию. Во Франции их части располагались недалеко от Атлантического вала с целью их использования против англо-американских войск.

Таблица 3. Сравнение Русской народной армии в Финляндии и Русского освободительного движения в Германии в годы Второй мировой войны

	Русская народная армия в Финляндии	Власовское движение
Главно-командующий	Эмигрант Б. Бажанов	Советский генерал-лейтенант А. А. Власов
Основной состав	Советские военнопленные	Советские военнопленные
Численность	160-200 человек	50 тысяч бойцов (по сравнению с РНА, действительно массовое явление), из них около 20 тысяч эмигрантов
Участие в военных действиях	На завершающем этапе, несколько отрядов на границе между Финляндией и СССР Февраль-март 1940 г.	На завершающем этапе против союзников на западном фронте Конец 1942 г. – апрель 1945 г., участие в военных действиях – ноябрь 1944 г. – апрель 1945 г.
Последствия для участников	Репатриация и советские лагеря	Репатриация для советских военнопленных – рядовых бойцов, международный суд над командующими воинскими частями

Согласно данным приведенной таблицы, опыт Русской народной армии в Финляндии в 1940 г. был использован не только эмигрантами, решившими для себя вопрос участия в военных действиях на стороне врага, но и Германией, использовавшей движение в пропагандистских целях.

Кроме того, русские эмигранты из Франции принимали участие в деятельности Русского корпуса на Балканах, вступали в казачьи части и национальные профашистские воинские формирования, также являвшиеся частью Русского освободительного движения.

Одним из наиболее массовых формирований был Русский охранный корпус, созданный к 12 сентября 1941 г. на территории Югославии.

Летом 1941 г. в условиях развернутого местными коммунистами террора против русских эмигрантов (вырезывались иногда поголовно целые семьи, только до 1 сентября 1941 г. было зарегистрировано более 250 случаев одиночных и групповых убийств) возглавлявший эмиграцию в Югославии генерал-майор М. Ф. Скородумов выступил с инициативой организации русской части для защиты эмигрантского населения и 12 сентября 1941 г. отдал приказ о формировании Русского Корпуса, имея в виду последующую переброску его на Восточный фронт для борьбы против коммунизма. Но вследствие политики немецкого партийного руководства эти надежды не оправдались, настаивавший на этом Скородумов был арестован, и корпус остался в Югославии, сражаясь против местных титовских коммунистов. В корпус вступили представители трех поколений русской эмиграции (наряду с 16-18-летними внуками белых офицеров, был ряд лиц старше 70 лет). Особую жертвенность проявили старые офицеры, вынужденные за недостатком командных должностей всю службу провести рядовыми. Корпус во главе с генерал-лейтенант Б.А. Штейфоном (начальник штаба генерал-майор Б.В. Гонтарев) состоял из 5 полков (бригадами и полками командовали генерал-майоры В.Э. Зборовский, Д.П. Драценко, И.К. Кириенко, А.Н. Черепов, В.И. Морозов, Егоров, полковники А.И. Рогожин, Б.С. Гескет, Б.А. Мержанов, А.А. Эйхгольц, Д.В. Шатилов, подполковник Н.Н. Попов-

Кокоулин). Корпус, выведенный заменившим умершего Штейфона полковником Рогожиным в Австрию, прекратил существование 1.11.1945 г. в лагере Келлерберг, превратившись в Союз чинов Русского Корпуса.

Первоначальное ядро чинов корпуса составили проживавшие в Югославии — 11 197, из Сербии было 3198 и Хорватии 272; из Румынии прибыло 5067, из Болгарии — 1961, Венгрии — 288, Греции — 58, Польши — 19, Латвии — 8, Германии — 7, Италии 3 и Франции — 2 человека, было и 314 советских военнопленных²⁹⁶.

Как видим, из Франции русских эмигрантов почти не было. Связано это было прежде всего с тем, что корпус нес в основном сторожевую службу (железные и автомобильные дороги, склады и т.п.), освобождая немецкие войска для боев на восточном фронте, а также участвовал в столкновениях с партизанами Тито²⁹⁷. Жизнь на Балканах казалось далекой и чуждой активным эмигрантам, проживавшим во Франции.

Другая заметная группа эмигрантов находилась в составе так называемого «Казачьего стана», сформированного П. Н. Красновым и Шкуро под контролем немцев. Часть из них побывала на восточном фронте, однако в 1943 г. «Казачий стан» полностью был переброшен в Италию для несения охранной службы. Гитлер не хотел, чтобы русские части воевали на советско-германском фронте, выдвигая лозунг освобождения России от господства большевизма. У него были в отношении России совсем другие планы. Речь шла не об освобождении, а об уничтожении нашей страны как самостоятельного государства. Поэтому и Русскому охранному корпусу, и «Казачьему стану» отводилась роль обыкновенных пособников немецких фашистов на оккупированных территориях европейских стран, несмотря на, по меньшей мере, наивное желание эмигрантов, находясь на немецкой стороне, быть полезными Родине.

²⁹⁶ Волков С. В. Трагедия русского офицерства. М., 2002.

²⁹⁷ Решетников Л. П. Враг моего врага может быть моим беспощадным врагом [Электронный ресурс] // Проект «Непридуманные рассказы о войне». Коллаборационизм. 20 ноября 2009 г. Режим доступа: <http://www.world-war.ru/vrag-moego-vraga-mozhet-byt-moim-besposhadnym-vragom/> (дата обращения: 06.02.2015 г.)

Были организованы и другие более мелкие воинские формирования из числа русских эмигрантов. Некоторые из них все же приняли участие в боевых действиях в Советской России. Таким «добровольческим отрядом» стала группа эмигрантов из Бельгии под руководством братьев Сахновских. В 1943 г. они вместе с двадцатью единомышленниками вступили в Валлонский легион войск СС (позже — 28-я дивизия СС), направленных на украинский фронт.

По прибытии в Россию вместе с бельгийскими легионерами, Н. И. Сахновский развернул активную монархистскую пропаганду среди местного населения. Однако его пропаганда, по всей видимости, не нашла большого отклика у украинских крестьян, т.к. в формируемую Сахновским часть записалось всего 200 человек. Единственной операцией, в которой «ополчению» довелось принять участие, был встречный бой с советскими войсками во время Корсунь-Шевченковской операции, в результате которой погибла большая часть добровольцев. Оставшиеся в живых русские «ополченцы» были выведены с фронта вместе с Валлонской 28-й дивизией СС и отправлены в Европу. Там русская рота была расформирована, а ее солдатам предоставлена полная свобода действий. Часть из них осталась в рядах дивизии, остальные демобилизовались.

Относительно большое количество эмигрантов воевало в России в составе частей, сформированных из числа советских военнопленных. Они занимали командные должности в Русской Освободительной Народной Армии (РОНА), под командованием Б. Каминского; в Русской Национальной Народной Армии (РННА), созданной под эгидой СД эмигрантами братьями Ивановыми, И. К. Сахаровым, К. Г. Кромииади при участии В. Ресслера, графа Г. П. Ламсдорфа, графа С. Палена и др.²⁹⁸; Дружинах Боевого Союза Русских

---

²⁹⁸ Иванов Николай Никитович — один из организаторов армии Н. Н. Юденича, эмигрант, до войны жил в Германии; Иванов Сергей Никитович — брат Н. Н. Иванова, офицер армии Н. Н. Юденича, до войны жил в СССР; Сахаров Игорь Константинович — сын генерала Сахарова, служил в армии А. В. Колчака, эмигрант, в Париже окончил эмигрантское военное училище, где преподавали Н. Н. Юденич и П. Н. Краснов; Санин Константин Григорьевич (настоящая фамилия — Кромииади) — полковник, в РННА был известен как уроженец Грузии, князь; Григорий Павлович Ламсдорф (1910-2004) — граф, эмигрант, проживал во Франции, где получил инженерное образование, занимался литературной деятельностью, также посещал

Националистов, позже — 1-я Русская Национальная бригада СС капитан Дамэ — начальник штаба 1-го полка, полковник, князь Л. С. Святополк-Мирский — командир артбатареи, штабс-капитан Шмелев — офицер конрразведки, граф Вырубов и др.; в 1-й Гвардейской Ударной бригаде РОА, сформированной в мае 1943 г. по предложению СД; в 1-й Русской Национальной Армии генерала Б. А. Хольмстона-Смысловского, в полку особого назначения Бранденбург-800, созданного в системе Абвер-2; а также в казачьих частях, в первую очередь Казачьем Стане и 15 Кавалерийском казачьем корпусе генерал Х. Фон Паннвица.

Значительная часть русских эмигрантов служила в различных германских военных учреждениях и спецслужбах.

Философ И. А. Ильин — духовный лидер русской диаспоры межвоенного периода в Европе и страстный критик большевизма — однозначно отверг предложение Власова войти в состав КОНР. Позднее, в 1948 г., в книге «Наши задачи» он писал: «Русские люди, прожившие хотя бы несколько лет в Германии между двумя мировыми войнами, видели и знали, что германцы не отказались от «движения на восток», от завоевания Украины, Польши и Прибалтики и что они готовят новый поход на Россию. Русская эмиграция, жившая в других странах, не понимала этого или не хотела с этим считаться. Она предполагала рассуждать по опасной схеме: «враг моего врага — мой союзник» и по наивности готова была сочувствовать Гитлеру. Надо надеяться, что ныне эти иллюзии изжиты. Цель Германии была совсем не в том, чтобы «освободить мир от коммунистов», и даже не в

зарубежные высшие военно-научные курсы систематического дела генерал-лейтенанта Н. Н. Головина. После начала гражданской войны в Испании принимал участие в военных действиях на стороне Франко. После вступления Франции во Вторую мировую войну был призван во французскую армию, был награжден Французским военным крестом. После знакомства с книгой бывшего секретаря И.В. Сталина Бориса Бажанова (в которой задевался вопрос создания Русской Народной Армии на стороне Финской армии в годы советско-финской войны 1939-1940 гг.) проникся идеей формирования военизированных формирований из советских военнопленных под командованием белоэмигрантов. После начала войны с СССР отправился на Восточный фронт в качестве переводчика в штаб командующего войсками охраны тыла группы армий «Центр» генерала М. фон Шенкендорфа. После окончания Второй мировой войны сумел избежать выдачи в СССР, но был ненадолго арестован, затем освобожден. Перебрался из Германии в Испанию.

том, чтобы присоединить восточные страны, но в том, чтобы обезлюдить важнейшие области России и заселить их немцами»²⁹⁹.

Что касается численности данной группы русских эмигрантов, в первую очередь, можно сослаться на авторов работы «Между Россией и Сталиным: Российская эмиграция и Вторая мировая война» (ответственный редактор С. В. Карпенко). Они, опираясь на дневник Н. Я. Рощина, утверждают, что число активных коллаборационистов совпадало примерно с числом партизан и сопротивленцев и составляло 5-6 тысяч человек³⁰⁰. По сведениям А.В. Огорокова, через две чисто эмигрантские воинские части за всю войну прошло не более 18 тысяч человек. Еще около 2 тысяч эмигрантов одиночным порядком или малыми группами служили в немецких частях или «восточных частях», сформированных из советских граждан. Таким образом, он утверждает, что всего в немецкой армии служили около 20 тысяч русских эмигрантов³⁰¹. С учетом данных Н. Я. Рощина, на которого ссылаются в коллективном труде «Между Россией и Сталиным: Российская эмиграция и Вторая мировая война», примерно четверть из них составляли эмигранты из Франции.

3.3 Патриотизм и космополитизм русских эмигрантов во Франции в годы Второй мировой войны

Русская эмиграция во Франции не вся была занята собой и своей судьбой в годы войны. Нашлись в ее среде и те, чей патриотический порыв нашел воплощение не на слове, а на деле.

Из рядов русской эмиграции времен Второй мировой войны можно выделить русских, а также советских и французских патриотов. И тех и других объединяло стремление защитить родину и чувство личной

²⁹⁹ Ильин И. А. Германия – главный национальный враг России // Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. М.: МП «Рарог», 1992. Т. 1. С. 18-19.

³⁰⁰ Между Россией и Сталиным: Российская эмиграция и Вторая мировая война / Дробязко С.И., Евсеева Е.Н., Жданов Д. и др.; Редкол.: Карпенко С.В.(отв. ред.) и др. М., 2004. С. 175.

³⁰¹ Огороков А.В. Фашизм и русская эмиграция (1920-1945 гг.). С. 98.

ответственности за происходящее, но русских патриотов — перед государством исхода, а французских — перед государством пребывания. Несомненно, среди них были Н. А. Кривошеина, В. В. Варшавский, Л. Д. Любимов, П. Н. Милюков, А. М. Ремизов (после признания своих заблуждений) и др. Поэт А. П. Ладинский накануне и в ходе войны с замиранием сердца наблюдал за событиями в СССР: военными действиями и неудачами времен советско-японского конфликта, советско-финской и, наконец, советско-германской войн, активно поддерживая свою страну на страницах «Советского патриота». В 1946 г. он получил советское гражданство и вернулся на родину. Многие вернулись тогда, и, надо отметить, мало кого ждали на родине с распростертыми объятиями: большая часть вернувшихся прошла через лагеря, но чувство сопричастности к отчизне было сильнее, чем обида и непонимание.

Следует добавить, что с 1941 г. на территории Франции формируются советские партизанские отряды в рядах Сопротивления, участники которых действуют бок о бок с русскими эмигрантами. Например, полковник Гастон Лярош (Борис Матлин, француз с русскими корнями) и младший лейтенант Олег Озеров (псевдоним Алекс дю Ляк), советский гражданин, попавший в плен в начале Великой Отечественной войны, но бежавший из концлагеря и примкнувший к партизанам, вместе сражались в рядах партизанского отряда Групп де Лорет («Groupe de Lorette») NL-41 батальона «Проспер» («Prosper») ³⁰². Среди этих героев, признанных и во Франции, и в Советском Союзе, следует назвать русских эмигрантов: героя-маки Ивана Трояна, юного сержанта Сопротивления Кирилла Радищева и др. Советские, русские и французские патриоты действовали в едином порыве против общего врага, преодолевая политические разногласия времен революции и гражданской войны, казавшиеся многие годы неразрешимыми.

---

³⁰² Озеров О. Н. Франко-советский партизанский отряд «Групп де Лорет» NL-41 батальона «Проспер» // Военно-исторический журнал. 2001. № 11. С. 37–40.

К «космополитам», «гражданам мира», т. е. тем, кто ставит во главу угла общечеловеческие ценности, не ограничивающиеся государственными интересами отдельных стран, следует отнести Б. В. Вильде, А. Н. Левицкого, княгиню В. А. Оболенскую, Мать Марию (Е. Ю. Караваеву-Скобцову), о. Дмитрия Клепинина, И. А. Кривошеина, А. А. Скрыбину, С. В. Носович, Т. А. Волконскую и др. Б. В. Вильде и А. Н. Левицкий непосредственно связаны с делом Музея человека, где оба работали. Именно они стали выпускать газету «Резистанс» («Сопrotивление»), давшую название всему движению. В. А. Оболенская, будучи и французским, и русским патриотом, в первую очередь отстаивала общечеловеческие христианские ценности свободы, равенства и братства, даже в концлагере демонстрируя мужество и веру. При содействии И. А. Кривошеина, при горячей поддержке и с благословения Матери Марии и о. Дмитрия Клепинина при церкви Лурмель образовался в 1941 г. Комитет помощи заключенным лагеря Компьень, а позднее и всем русским жертвам нацизма во Франции. Кроме того, комитет содействовал спасению евреев от фашистских преследований, выдавая фальшивые документы и переправляя их в безопасные места. Несомненно, космополиты были патриотами, но их патриотизм был шире обычного представления о нем.

Остановимся подробнее на деятельности организаций Сопrotивления, созданных русскими эмигрантами, что позволит оценить масштаб этого патриотического порыва.

Очаги борьбы за национальную независимость Франции, в деятельности которых приняли активное участие и русские эмигранты под влиянием патриотического порыва в отношении второй родины, формируются в рамках движения «Свободная Франция» и при содействии Французской Коммунистической Партии (далее – ФКП).

Движение «Свободная Франция» организовывается за пределами Франции и в лице своего лидера генерала Шарля де Голля уже 18 июня 1940 г. в выступлении по лондонскому радио призывает

французских офицеров и солдат, инженеров и рабочих, специалистов по производству вооружения, находившихся на британской территории, установить контакт с ним и продолжать борьбу³⁰³.

Де Голль рассчитывал при поддержке английского правительства собрать вокруг себя остатки французской армии, закрепиться в колониях и оттуда продолжить борьбу против оккупантов³⁰⁴. Надо отметить, что его ожидания оправдались, а в создаваемую армию «Свободной Франции» потянулись не только французы, но и русские эмигранты.

Среди них духовный сын М. Горького Зиновий Пешков, сделавший блестящую не только военную, но и дипломатическую карьеру, ставший доверенным лицом Ш. де Голля³⁰⁵.

Уже в первом десятке добровольцев, записавшихся в Армию Свободной Франции, был русский эмигрант Н. В. Вырубов. Сын видного земского деятеля родился в Орле в 1915 г., с 1924 г. жил во Франции, в Париже. Он узнал об оккупации Франции немцами, находясь в Англии как студент Оксфордского университета, и поспешил исполнить свой патриотический долг перед Францией. В составе отряда генерала де Голля он прошел Сирию, Ливию, Тунис, Италию, Эльзас, участвовал в освобождении Франции. Несколько раз был ранен. Среди его многочисленных наград – орден Почетного легиона, два Военных креста и Крест Освобождения³⁰⁶. Уже после войны как председатель объединения воинов-эмигрантов Н. В. Вырубов говорил: «...Я считал своим долгом русского, находясь за границей, поддержать честь своего рода и принести пользу общине, среди которой мне приходилось жить. Добровольное участие в войне стало честью моей жизни»³⁰⁷.

³⁰³ Голль де, Ш. Военные мемуары. Т. 1. М., 1957. С. 331-332.

³⁰⁴ Движение Сопротивления в Западной Европе 1939 — 1945 гг. Национальные особенности. М., 1991. С. 173.

³⁰⁵ Носик Б. М. На погосте XX века... С. 365-368.

³⁰⁶ Носик Б. М. Привет эмигранта, свободный Париж. М., 1992. С. 57.

³⁰⁷ Белкова Г. Русская фамилия Вырубовы // Наше наследие. М., 1993. Вып.28. С. 109.

К войскам «Свободной Франции» примкнул и подполковник Дмитрий Амилахвари, потомок грузинского княжеского рода. Во время Второй мировой войны в течение 1940 г. он сражался в разных местах – от экваториальной Африки до северного полярного круга (в рядах французского экспедиционного корпуса, участвовавшего в Норвежской кампании). Из-под Нарвика он был эвакуирован в Великобританию, где и вступил в движение «Свободная Франция»³⁰⁸.

Храбрость и отвагу проявил русский эмигрант полковник Николай Румянцев, родом из Екатеринослава. Выпускник французского военного училища в Сен-Сире, он служил в Иностранном легионе. После капитуляции Франции Румянцев бежал из Марокко к де Голлю, но был арестован испанцами в Танжере. Вскоре ему снова удается бежать, и он перебирается в Гибралтар, где вступает в войска Свободной Франции. Через некоторое время Н. Румянцев становится командиром 1-ого Марокканского кавалерийского полка³⁰⁹.

Даже такой краткий перечень отличившихся русских эмигрантов борцов армии «Свободной Франции» позволяет утверждать, что русских имен у де Голля было немало. Уже после окончания войны были предприняты попытки составления списков русских воинов, павших в рядах французской армии и Сопrotивления. В списке, составленном Н. Вырубовым, значится 242 имени русских эмигрантов, погибших за Францию и ее свободу³¹⁰. Члены Содружество резервистов русского происхождения во французской армии также собирали сведения о русских воинах, и в составленном им списке указано 223 имени³¹¹. К сожалению, эти сведения не позволяют нам в должной мере оценить масштабы участия русской эмиграции в составе различных формирований французской

³⁰⁸ *Алексинский В.И.* Несколько слов о русских добровольцах в рядах войск Свободной Франции // Африка глазами мигрантов. М., 2002. С. 91.

³⁰⁹ Там же. С. 92.

³¹⁰ *Вырубов Н. В.* В память павших воинов: [Имена русских, павших в рядах французской армии и Сопrotивления, 1939-1945]. Париж, 1991.

³¹¹ Русские воины, павшие смертью храбрых в рядах французской армии. 1939-1945 гг. (Публ. И. А. Гараевской) // Исторический архив. М., 1999. № 5. С. 79-95.

регулярной армии, Иностранного легиона, организаций Сопротивления в годы Второй мировой войны.

В течение первого года оккупации последователи де Голля не имели связей во Франции, но вели активную пропаганду по английскому радио. И здесь неocenim был вклад еще одной из русских участниц Сопротивления, о которой генерал де Голль сказал: «Своим талантом она создала оружие для Франции»³¹². Речь идет о Трубадуре Сопротивления – об Анне Смирновой-Марли, певице, поэте, композиторе, человеке уникальной судьбы из старинной дворянской семьи. В 1940 г. в Бордо Анна Марли вместе с мужем, голландским дипломатом, услышали по радио голос из Лондона. Из воспоминаний певицы: «Мы с мужем были молодые, и у нас была только одна мечта – ехать на войну и драться за Францию»³¹³. В феврале 1941 г. они вылетают в Лондон, где муж находит работу в новом голландском правительстве, а Анна Марли поступает работать в столовую при центре де Голля «Свободная Франция». После трудового дня Анна Марли всегда пела для собравшихся свои песни и однажды познакомилась с редакцией радиостанции «Французы говорят с французами», которая стала передавать их в эфир. Наибольшей популярностью пользовались «Париж наш», «Франция» и, конечно же, «Песня партизан». Эта песня родилась зимним вечером 1942 г. в Англии³¹⁴. Хотя «Марш партизан» родился под влиянием успехов Красной Армии, его запела вся сражающаяся Франция³¹⁵. А его мелодия стала позывными французского подпольного радио. Эта песня стала второй после «Марсельезы» патриотической песней Франции, а Анна Марли - кавалером орденов Заслуги и двух орденов Почетного Легиона, высшей награды Франции.

Как уже указывалось выше, сразу после капитуляции Франции формируется два центра, которые объединяли вокруг себя борцов против

³¹² *Марли А.* Стихия песни: Из истории русского зарубежья. Владикавказ, 2008. С. 190.

³¹³ *Peschanski D.* Des étrangers dans la Resistance. Paris, 2002. P. 26.

³¹⁴ *Марли А.* Стихия песни... С. 137-138. Подробнее о «Марше партизан» см. в главе II.

³¹⁵ *Krivopissko G.* Anna Marly, auteur de Chante des partisans // Des femmes dans la vie sociale et culturelle de 1939 a 1945. Paris, 2007. P. 8 - 9.

оккупантов. Вторым таким центром становится Французская коммунистическая партия (ФКП). 22 июня 1940 года в день подписания франко-германского перемирия, Секретариат Исполкома Коминтерна при участии Мориса Тореза и других находившихся в Москве лидеров ФКП принял секретную директиву, предписывавшую французским коммунистам «поддерживать и организовывать сопротивление масс против мер насилия, грабежей и произвола со стороны захватчиков»³¹⁶.

Если «Свободная Франция» начинает свою деятельность за пределами страны, а генерал де Голль связывает свои надежды на освобождение Франции с армией и союзниками, ФКП начинает действовать внутри страны, втягивая в борьбу простой французский народ. Следует отметить, что ФКП и «Свободная Франция» не сразу увидели друг в друге союзников в борьбе за национальную независимость. В то время как руководство ФКП видело в де Голле лишь ставленника английского империализма, он в соответствии со своими воззваниями считал французских коммунистов «агентами Москвы». Пройдет немалый срок, прежде чем два главных центра Сопротивления найдут взаимопонимание и будут действовать в одном направлении³¹⁷.

Большое внимание ФКП уделяла нелегальной печатной пропаганде. Наряду с «Юманите» («L'Humanite»), центрального печатного органа ФКП, выходил ряд местных и областных газет. Также издавались брошюры и листовки, которые расклеивались на стенах, разбрасывались на улицах, раздавались стоящим в очередях. Кроме того, уже с лета 1940 г. ФКП начала закладывать основы вооружённой борьбы против оккупантов и к осени того же года, были созданы первые боевые отряды.

Уже с первых месяцев войны принял участие в антифашистских акциях Г. В. Шибанов – русский эмигрант, воевавший в Испании в составе интернациональной бригады, член ФКП. В 1941 г. в оккупированном Париже

---

³¹⁶ Смирнов В.П. Франция в XX веке. М., 2001. С. 167.

³¹⁷ Движение Сопротивления в Западной Европе 1939 - 1945 гг... С. 176.

Г. Шибанов вместе с французскими коммунистами распространял антинацистские листовки, участвовал в схватках с полицейскими³¹⁸.

Между тем, на территории самой Франции укреплялось и все шире распространялось протестное движение против оккупантов. Стремление к действию искало формы своего выражения. К осени 1940 г. поднялась волна забастовочного движения. Зимой 1940/41 гг. уже неоднократно вспыхивали стачки и демонстрации, в которых участвовали представители самых различных слоев населения. Начался саботаж на предприятиях, выпускавших продукцию для гитлеровцев.

А одной из первых и активных групп Сопротивления в первоначальный период борьбы была группа «Резистанс», основанная молодыми учёными этнографами-антропологами выходцами из России Борисом Вильде и Анатолием Левицким при Антропологическом музее (Музее Человека) Парижа в июле 1940 г. В 1939–1940 гг. Борис Вильде (1908, СПб.–1942, Форт Мон-Валерьен) как французский гражданин служил в армии, был в немецком плену. Именно он дал название газете «Résistance», выпускавшейся за подписью Национального комитета общественного спасения (группа «Музея человека»). Первый номер газеты вышел уже 15 декабря 1940 г., всего же было распространено 5 номеров. Помимо выпуска газеты, организация «Музея человека» готовила побеги из немецких лагерей французских солдат и переправляла их в армию де Голля, укрывала и помогала перебраться на родину сбитым английским летчикам, а также начала сбор разведывательных данных для английской секретной службы. В частности, в Англию был отправлен план подземного ангара около Шартра и базы подлодок в Сен-Назере. Появилась даже идея взорвать ангар, но арест группы в марте 1941 г. помешал этому. Следует отметить, что Б. Вильде с самого начала деятельности группы «Музея человека» понимал всю опасность данного предприятия: «Многие из нас будут расстреляны, и все мы окажемся в

---

³¹⁸ Голос Родины. 1964. № 8, февраль.

тюрьме»³¹⁹. Б. Вильде и А. Левицкий были арестованы гестапо за подпольную деятельность и расстреляны в числе других обвиняемых по «делу Музея человека» 23 февраля 1942 г. в форте Мон-Валерьен. 3 ноября 1943 г. Ш. де Голль в Алжире подписал приказы о посмертном награждении медалью Сопротивления Бориса Вильде и Анатолия Левицкого. За мужество и отвагу, проявленные в антифашистской борьбе во Франции в годы Второй мировой войны, Президиум Верховного Совета СССР наградил Вильде Бориса Владимировича и Левицкого Анатолия Сергеевича орденом Отечественной войны I степени (посмертно). Приказ был подписан 7 мая 1985 года³²⁰.

В 1945 г. журнал «Еurope» опубликовал «Диалог в тюрьме», написанный Вильде после ареста в октябре-ноябре 1941 г.³²¹. На русском языке «Дневник и письма из тюрьмы. 1941–1942» Б. Вильде были впервые опубликованы в 2005 г.³²² Эти записи и сегодня являются памятником фантастического мужества и веры. Остановимся подробнее на анализе этого документа. С первых строк читатель чувствует глубину переживаний автора, его философский поиск смысла жизни и смерти, его отношение к любви, которую он считает бессмертной. Несмотря на физические лишения и мрачные перспективы, заключенный не терял присутствия духа, анализировал все свои переживания, мыслил и творил. Призыв Вильде к человечности актуален во все времена: «Быть человеком (выделено автором) прежде, чем быть немцем, солдатом, судьей, самцом, отцом, католиком, художником»³²³. Размышляя об упадке Франции, автор пришел к выводу: «Если бы люди плевали на свои интересы так же, как они плюют на родину,

³¹⁹ Humbert A. Notre guerre. Paris, 1946. P. 51.

³²⁰ Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М., 1986. С. 211.

³²¹ Aveline C. Boris Vildé // Europe. 1946. XXIV. 5 mai. P. 1–15; Aveline C. L'Affaire du Musée de l'Homme // Les Lettres Françaises. 1945. № 44 (24 Février); Clair M. Les Intellectuels-avant-garde de la Résistance ("Résistance"-Premier journal clandestin) // Résistance. 1944. 12 Septembre (№ 36); Борис Вильде // Вестник русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции. Париж, 1947. № 2; Кривошеин И. А. Так нам велело сердце // Против общего врага: Советские люди во Французском движении Сопротивления. М., 1972. С. 260–291; Турыгина Н. В. Петербуржцы в оккупированном Париже // Университетский историк: Альманах. СПб., 2012. Вып. 10. С. 175–182.

³²² Вильде Б. Дневник и письма из тюрьмы. 1941—1942. М.: Русский путь, 2005.

³²³ Там же. С. 17.

государство и т. д., мы смогли бы чего-то добиться»³²⁴. При этом Вильде был чужд ненависти и предвзятого отношения к своим врагам и предостерегал от этого и других: «Не хотелось бы, чтобы наша смерть стала поводом для ненависти к Германии. Я боролся за Францию, но не против немцев. Они выполняют свой долг, как мы выполняли свой»³²⁵. Что касается писем Б. Вильде жене Ирэн, датированные 28 мая 1941 г. – 23 февраля 1942 г., то их по праву можно назвать памятниками любви и нежности, вызывающими восхищение мужеством и стойкостью человека, поднявшегося над суетностью бытия.

Стоит, однако, вернуться к военным событиям и деятельности ячеек Сопротивления. Вслед за организацией Музея человека в конце 1940–начале 1941 гг. появляются небольшие подпольные группы в Париже, Марселе, Лионе и других городах северной и южной зон. В них проявляют себя представители самых разных социальных слоев, объединенные борьбой за свободу, равенство, братство.

В оккупированной зоне одной из самых крупных организаций Сопротивления была «Organisation Civile et Militaire» ОСМ («Гражданская и военная организация»), созданная в декабре 1940 г. предпринимателем Жаком Артюисом. Установив связь с военными и разведывательными органами «Свободной Франции», ОСМ по их заданиям вела разведку и доставляла в Лондон военные сведения о немцах, организовывала побеги французских военнопленных, принимала добровольцев во французские войска, формировавшиеся в Северной Африке и Англии, организовывала прием из-за границы оружия, боеприпасов, техники и денежных средств, формировала будущий гражданский аппарат власти для генерала де Голля³²⁶.

Секретарем организации была княгиня Вера Аполлоновна Оболенская, выполнявшая почти три года ответственные поручения подполья. Она хранила архивы ОСМ, принимала ответственных работников движения,

³²⁴ Там же. С. 58.

³²⁵ Там же. С. 137.

³²⁶ *Peschanski D.* Des étrangers dans la Resistance. P. 51.

переписывала на машинке все приказы и тайные донесения в Лондон, снимала копии планов, схем мест высадки парашютистов и снабжения оружием. При этом она никогда не шифровала и не записывала ни одного имени, ни клички, ни номеров телефонов, не говоря уже об адресах. Эта невероятная память делала ее идеальным агентом и прекрасным секретарем. Когда в декабре 1943 г. ее арестовали, следователь гестапо недоумевал, как могла она, русская княгиня, такая красивая женщина, участвовать в Сопротивлении. Он предложил ей «одуматься», рассказать все и тем самым помочь Германии в «освобождении» России. «Вы не освободители, а поработители России, - ответила Оболенская. – Я прожила почти всю жизнь во Франции, но я русская и никогда не изменю ни моей Родине, ни стране, где я выросла»³²⁷. За исключительное мужество, с каким она держалась на допросах, ее прозвали «Княгиня ничего не знаю». 4 августа 1944 г. она погибла в берлинской тюрьме. Она была посмертно награждена орденом Почётного Легиона, Военным Крестом с Пальмовыми ветвями и медалью Сопротивления. Такая характеристика запечатлена в приказе о награждении: «Младший лейтенант F.F.I. , основательница, главный секретарь O.C.M.- участница Сопротивления с 1940 года. Будучи арестована, вывезена в Германию и гильотинирована в Берлине, явила собой всем прекрасный пример преданности Франции и героизма в борьбе с гитлеризмом». Фельдмаршал Монтгомери отмечал в приказе о награждении от 6 мая 1946 г.: «Этим приказом я хочу запечатлеть мое восхищение перед услугами, оказанными Верой Оболенской, которая, в качестве добровольца Объединённых Наций, отдала свою жизнь, дабы Европа снова могла стать свободной»³²⁸.

Были в ОСМ и другие русские эмигранты: К. Макинский; А. Беннигсен; С. Носович и муж Оболенской Николай Алексеевич, который

³²⁷ Носович С. Вики Оболенская // Вестник русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции. Париж, 1947. № 2. С. 57-59

³²⁸ Носович С. Указ. соч. С. 57-59; Оболенская-Флам Л. Расстрел или гильотина? Новые документы о гибели кн. В. Оболенской [Электронный ресурс] // Новый журнал. 2011. № 264. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nj/2011/264/fl16.html> (последнее посещение: 02.01.2013 г.)

работал переводчиком у немцев на острове Гернси в Ла-Манше и добывал разведданные³²⁹.

«Дурданская группа» своим названием обязана тому факту, что ее штаб находился на мельнице в Дурдане под Парижем. Ее основателем и идейным вдохновителем является сын известного инженера энергетика, участвовавшего в разработке ГОЭЛРО, А. А. Угримов. Группа к 1943 г. организовала три ячейки Сопротивления, в которые вошло около 20 человек. Среди них особо следует упомянуть А. С. Булацеля, К. Ф. Варягина, А. Васильева, Й. А. Полторацкого, С. Снарского и Д. П. Тарасенкова³³⁰. Костяк группы состоял из парижских друзей А. Угримова В.Ф. Шашелева, В. Папандопуло, жены Угримова Ирины Николаевны, авиаконструктора Г. Отфиновского и Б. Волынцева.

Упомянув имя И. Н. Угримовой, следует подчеркнуть роль жен и родственников бойцов Сопротивления и партизан, которые, формально не участвуя в опасной деятельности, помогали своим близким. Из воспоминаний Н. А. Кривошеиной, жены героя Сопротивления И. А. Кривошеина: «И когда Игорь Александрович начал вести совсем уж секретную работу в боевой организации, я ни о чем его не расспрашивала, чтобы даже под пыткой никого и ничего не выдать. Ясно, что, насколько это было возможно, я во всем помогала: принимала деньги для Комитета (иногда очень крупные), хранила их, передавала Игорю Александровичу пароли, которые кто-нибудь из его товарищей, зайдя ко мне днем на минутку, специально произносил при мне. Такую же позицию заняла и Ирина Николаевна, – она тоже активно помогала Шушу (А. А. Угримову – прим. Н. Т.) во всем, что касалось участия в Сопротивлении (и даже скрывала у себя в доме на мельнице в городе Doundan, где тогда работал инженером-мукомолом ее муж, канадских и американских летчиков, потерпевших

³²⁹ Куликов Н.Г. Честь и достоинство русского имени. М., 1973. С. 3; Calmette A. L'OCM. Organisation Civile et Militaire. Histoire d'un mouvement de la Resistance de 1940 a 1945. Paris, 1961. P. 11, 20.

³³⁰ Кривошеин И.А. Так нам велело сердце... С. 277-278; Гладкий С. П. Русские патриоты в движении Сопротивления европейских стран (по материалам Франции, Польши, Италии). СПб., 1997. С. 80.

аварию или сбитых над французской территорией, – а это уж. В случае доноса, был расстрел для всей семьи)»³³¹.

В 1942-1943 гг. «Дурданская группа» оказывала материальную помощь другим организациям Сопротивления, антифашистам и лицам, уклонявшимся от отправки на работу в Германию. Кроме того, в 1944 г. членам группы удалось наладить связь с советскими военнопленными, работавшими в Дурданском гарнизоне, и организовать из них подпольную ячейку. К моменту освобождения Дурдана в партизанских подразделениях и на соседних фермах находилось около 40 бежавших из лагерей советских военнопленных, помощь которым была оказана «Дурданской группой»³³². Также Угримов поддерживал связь и с «цепочками спасения», помогавшими сбитым летчикам союзников вернуться на линию фронта.

За помощь, оказанную войскам союзников в разгроме противника, американское командование наградило руководителя «Дурданской группы» А.А. Угримова и еще двух членов группы орденами «За боевые заслуги»³³³. За активное участие в Сопротивлении А. Угримов награжден также французским Военным крестом.

Но, пожалуй, наиболее весомый вклад в движение Сопротивления внесла другая организация русских эмигрантов. «Союз русских патриотов» (СРП) был создан 3 октября 1943 г. и вошел в состав интернациональной организации МОИ («Main d'oeuvre immigrée» – «Наемный Труд Эмигрантов»), связанной с деятельностью французской коммунистической партии. На организационном собрании группы присутствовали: Г. Шибанов, А. Кочетков, Н. Роллер, Д. Смирягин, Г. Клименюк, И. Михневич, Н. Миронов, Ф. Сафронов и П. Пелехин³³⁴.

«Союз» вел широкую пропагандистскую работу, издавая свой нелегальный печатный орган — газету «Русский патриот». В первом ее

³³¹ Кривошеина Н.А. Четыре трети нашей жизни. М., 1999. С. 138.

³³² Кривошеин И.А. Так нам велело сердце... С. 279.

³³³ Гладкий С. П. Русские патриоты в движении Сопротивления... С. 81.

³³⁴ РГАСПИ. Ф. 553. Оп. 1. Д. 5. Л. 23.

номере была помещена «Директива членам «Союза русских патриотов». В «Директиве» говорилось: «Мы подчеркиваем, прежде всего, что «Союз русских патриотов» есть... организация русских, проживающих за рубежом, объединившихся на основании патриотизма и любви к Родине для оказания всемерной помощи своему народу, своей стране»³³⁵. «Союз» организовывал побег советских военнопленных, заключенных в лагерях на территории Франции, и включал их в партизанские отряды. СРП активно проявил себя и в борьбе против формирований Русской Освободительной Армии и «национальных легионов». Алексей Кочетков вместе с Георгием Гегелия, Евгением Аркановым, Станиславом Старским, Львом Савинковым и Кириллом Зновско-Боровским проводили агитацию среди «власовцев», распространяли среди них нелегальную литературу, доставали через них оружие и переправляли некоторых из них к партизанам³³⁶.

Что касается численного состава СРП, к весне 1944 г. в нем насчитывалось 120 человек³³⁷, а его группы функционировали не только в пригородах Парижа, но и в южной зоне Франции, в частности в Марселе, Лионе. На завершающем этапе Второй мировой войны, по сведениям Н. Л. Зайцевой, в «Союз русских патриотов» входило до 450-500 человек³³⁸.

18 марта 1944 г. разными очагами Сопrotивления во Франции было принято решение объединить свои усилия, в национальный совет Сопrotивления вошли следующие организации:

- движение за национальное освобождение (Combat, Franc-Tireur, Libération, France au Combat, Défense de la France, Lorraine, Résistance);
- национальный фронт;
- ОСМ;
- движение за освобождение северной зоны;
- Ceux de la Résistance;

³³⁵ Цит. по: *Кривошеин И.А.* Так нам велело сердце... С. 282.

³³⁶ *Laroche G.* On les nommait des étrangers. Les immigrés dans la Résistance. Paris, 1965. P. 244.

³³⁷ РГАСПИ. Ф. 553. Оп. 1. Д. 5. Л. 28.

³³⁸ *Зайцева Н.Л.* Советские граждане в западноевропейском движении Сопrotивления (1942-1945 гг.) Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1983. С. 78.

- общая конфедерация рабочих;
- французская конфедерация рабочих и христиан³³⁹.

В коллективном труде «Между Россией и Сталиным: Российская эмиграция и Вторая мировая война» (ответственный редактор С. В. Карпенко) приводятся новые данные о числе белоэмигрантов-участников движения Сопротивления. Авторы ссылаются на дневник Н. Я. Рощина, который указывал, что в рядах французского Сопротивления находилось не более 10 % русских эмигрантов³⁴⁰. По подсчетам же Л. К. Шкаренкова, в движении Сопротивления участвовали около 3 тысяч русских эмигрантов³⁴¹.

По мнению Н. В. Вырубова, «советская пресса преувеличивает количество русских, участвовавших в войне на стороне немцев – в регулярной ли немецкой армии или в войсках Власова. В то же время она ударяется и в другую крайность, особенно когда дело касается Сопротивления»³⁴².

Обыватели — лица, не занимавшие политической позиции в вопросе защиты родины и не стремившиеся к личной выгоде. Они просто желали мира и не понимали, зачем война, хотели вернуться к старому образу жизни, приспособиваясь к тем условиям, которые диктовало им время. По М. А. Осоргину, быть обывателем — значит «отказаться от больших замыслов, уйти как можно дальше от всякого участия в жизни политической, создать свой собственный, самый прозаический уют»³⁴³. Главное их отличие заключается в том, что обыватели не свершили никаких подвигов, не пали мученической смертью в лагерях, но не очерствели душой и сохранили

³³⁹ Bundesarchiv. Norddeutscher Bund und Deutsches Reich (1867/1871-1945). SgY9 Emigration in Frankreich während des Zweiten Weltkrieges 1939-1945 / V231/3/15. S.33-34. Le Programme d'Action de la Résistance au peuple de France.

³⁴⁰ Между Россией и Сталиным: Российская эмиграция и Вторая мировая война / Дробязко С.И., Евсеева Е.Н., Жданов Д. и др.; Редкол.: Карпенко С.В.(отв. ред.) и др. М., 2004. С. 175.

³⁴¹ Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. С. 212.

³⁴² Русская фамилия Вырубовы // Наше наследие. М., 1993, № 28. С. 109.

³⁴³ Осоргин М. А. В тихом местечке Франции. Письма о незначительном. М., 2005. С. 25-28.

человеческие отношения. Именно М. А. Осоргин в своих записях воспринимает немцев как людей, а не врагов, а перемирие А. Ф. Петэна с А. Гитлером видит не предательством, а отказом от истребления еще миллиона сограждан и от разрушения провинций. Именно М. А. Осоргин заявляет, что «страна» и «завоеватель» — категории отвлеченные, а свою любовь или ненависть человек может питать только к живому существу: «Вот этому французу нет причин ненавидеть вот этого немца, если именно он, вот этот человек в германской форме, не причинил ему ни горя, ни убытка. Только очень слепой и бездушный человек может питать ненависть к нации, к расе, к стране... Чтобы люди двух стран, двух наций, наряженные в защитную одежду, напали друг на друга, нужен приказ извне, нужна действительная или надуманная причина..., иллюзия личной вражды к незнакомому, но такому же, как и я, человеку. Без этого их встреча привела бы не к бою, не к убийству, а к братанью»³⁴⁴.

Люди остаются людьми во все времена и при любых обстоятельствах, поэтому неудивительно, что, когда условия оккупации Франции прояснились, и французы, и русские приспособились к ним и продолжили жить так же, как и раньше. Несмотря на усилившуюся безработицу, материальные трудности и нехватку продовольствия, люди встречались в кафе, ходили в кино, шутили с соседями, обменивались новостями и слухами. Это вполне здоровая реакция человека на критические события в его жизни.

Однако такое приспособленчество не говорит о зачерствении души и жестокосердии. Те, у кого была возможность помочь чужому горю, делали это. И такое поведение было присуще представителям самых разных слоев русской эмиграции. Так, графиня Мария Черникова организовала столовую

---

³⁴⁴ Там же. С. 172-173.

для беженцев в Париже на бульваре Эксельманс накануне входа в город немецких войск³⁴⁵.

Однако большинство все же пережидало мировой пожар, затаившись и занимаясь обеспечением своих основных потребностей. Так, семейство Р. Б. Гуля было в годы оккупации Франции в «свободной зоне», сначала они стали молочниками в Вианне в департаменте Лот-и-Гаронн с 1940 г., затем исполщниками в Ля Реюньоне, где встретили окончание войны³⁴⁶. Бунины провели годы войны в Грассе на одной из вилл, Н. Тэффи и И. Одоевцева – в Биаррице, где одним из развлечений их жизни были приемы в одном французском доме, где «кормили вкусно и обильно, что по тем полуголодным временам было очень приятно»³⁴⁷.

Ради хлеба насущного многим русским эмигрантам пришлось искать работу у немцев, как, например, И. И. Бибикову, поступившему к ним на службу переводчиком, когда его семья оказалась в крайней нужде³⁴⁸. После освобождения Франции начались массовые аресты по обвинению в предательстве, при этом зачастую предателем называли и того, кто предал, и того, кто просто работал по профессии и зарабатывал на хлеб. Толпа нашла виноватых, но состава преступления в действиях многих из них не было.

По большому счету каждый русский эмигрант сам определял свое отношение ко второй родине, принимая во внимание те настроения, ту атмосферу, которая царила вокруг и оказывала давление на чувства, мысли и поступки обычных людей. Например, писатель В. В. Набоков ставил интересы семьи превыше интересов государства и покинул Францию при первой же возможности в мае 1940 г. Примечательно, что в США, где его приняли гораздо теплее, чем во Франции, после событий Перл-Харбора писатель сам изъявил желание пополнить ряды американской армии и

³⁴⁵ Юсупов Ф.Ф. Мемуары: В 2 кн.: До изгнания. 1887 - 1919. В изгнании / Первый полный пер. с фр. Кассировой Е.Л. М.: Захаров, 2007. С. 398. (*Youssouppoff F. F. Memoires. En exil. Paris, 1954. 253 p.*)

³⁴⁶ Гуль Р. Б. Я унес Россию. Т. III. С. 74, 97.

³⁴⁷ Одоевцева И. В. На берегах Сены. С. 70.

³⁴⁸ Кривошеина Н.А. Четыре трети нашей жизни. С. 154.

защищать страну, ставшую для него домом³⁴⁹. Возможно, такая перемена отношения была обусловлена как раз тем, что он был спокоен за свою семью и ее безопасность.

Кроме того, закрепившееся в обществе отношение к эмигрантам как к «грязным иностранцам» (*sales étrangers*), трудности при устройстве на работу и связанные с ними многолетние унижения, а сейчас и столь вопиющий произвол французских властей, требовавших исполнения воинской обязанности от апатридов, отнюдь не способствовали проявлению патриотических чувств от старшего поколения русской эмиграции. По воспоминаниям Б. Н. Александровского, «русские белоэмигранты никогда не любили Францию. Она <...> была и осталась для них чужой страной, и к ее судьбе они относились совершенно безразлично»³⁵⁰. Довольно категоричное заявление, и тем не менее, патриотические чувства в отношении Франции были присущи преимущественно молодому поколению русской эмиграции.

Анализ участия русской эмиграции во Франции в событиях Второй мировой войны привел к следующим выводам:

- 1) Годы Второй мировой войны ознаменованы затуханием Парижа и Франции в качестве политического центра русской эмиграции. Основные миграционные потоки того времени были направлены на запад, и постепенно США стали играть ключевую роль и в жизни русской эмиграции, дав приют многим представителям элиты.
- 2) Советско-финская война продемонстрировала несостоятельность русской эмиграции в реализации политических акций и подтвердила ее номинальную самостоятельность и удельный вес на мировой арене.
- 3) Опыт участия эмигрантов и военнопленных в формировании антисоветских воинских частей в годы советско-финской войны был использован в дальнейшем и нацистским командованием.

³⁴⁹ Бойд Б. Владимир Набоков: русские годы: Биография / Пер. с англ. М.; СПб., 2001. С. 602.

³⁵⁰ Александровский Б. Н. Из пережитого в чужих краях. Воспоминания и думы бывшего эмигранта. М., 1969. С. 325.

4) Русские эмигранты заняли разные позиции по отношению к Франции. Кому-то было чуждо чувство долга перед государством, давшим приют, а кто-то был охвачен патриотическим порывом к Франции, навсегда вписав свои имена в историю движения Сопротивления и борьбы за гуманистические идеалы.

5) Автором вводится в научный оборот классификация русских эмигрантов на *обывателей, коллаборационистов, патриотов и космополитов*, исходя из мотивов их поступков и ценностных ориентаций. Несмотря на психологизм, такое деление отражает жизненный выбор и преодолевает ограничения стратификации по социальному положению или политическим убеждениям. Конечно, как любая классификация, она условна, ведь жизнь гораздо сложнее всяких схем.

6) По предварительным подсчетам, русские эмигранты во Франции оставались обычными обывателями, руководствовавшимися эгоистическими мотивами сохранения жизни и обеспечения безопасности себе и близким. Процент активных сопротивленцев-патриотов и ярых коллаборационистов был минимальным. И та, и другая группа включала в себя не более 3 тысяч человек. Но эти подсчеты носят относительный характер, скорректировать их необходимо в ходе дальнейших исследований.

7) Основные причины затруднения количественной оценки участия русской эмиграции в событиях Второй мировой войны заключаются в следующем: использование вымышленных имен и прозвищ, отсутствие статистической информации, изменение позиции в ходе войны, неполнота и закрытость архивных материалов, утрата многих ценных источников.

8) Патриотическое мировоззрение — индивидуальный выбор каждого, продиктованный не только соображениями личных интересов, но и заложенными воспитанием ценностями свободы и ответственности. Истинный патриотизм сплачивает людей, преодолевая подчас и национальные границы. То, что разъединяет, — это личные амбиции и претензии.

Кроме того, стоит понимать, что у историка нет права судить людей и их поступки, ученый может только констатировать факты и находить закономерности между ними. Как вступление в ряды Сопротивления, так и сотрудничество с врагом – это поступки, требующие решительности и воли, они не были присущи большинству. Но настроения, побудившие к тому или иному выбору, были присущи многим. Как и в любую эпоху, среди людей одни явили миру подвиг мужества и героизма, который неизменно вызывает восхищение и гордость, а за поступки других каждый чувствует стыд и об этих нелюбимых действиях стремится умолчать. И в этом история как наука может с уверенностью утверждать: человеческие нравы со времен не меняются, меняется только внешняя форма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В межвоенный период Франция была одним из центров русской эмиграции послереволюционной волны, нахлынувшей в Европу в начале 1920-х гг. Однако речь идет не о 400 тысячах (именно такая завышенная цифра продолжает мелькать в отечественных исследованиях данной темы), к концу 1930-х гг. здесь проживало, по нашим оценкам, около 70-80 тысяч соотечественников. А Франция из центра иммиграции превратилась в транзитный пункт при движении на запад (прежде всего, в США), где многие русские эмигранты Европы нашли приют и обеспечили себе и близким безопасность.

Завышать численность русских эмигрантов склонны были многие видные общественно-политические лидеры из ее среды, надеясь получить поддержку мировых держав и действовать как самостоятельные акторы международной политики. Однако их правовой статус никоим образом не предполагал автономии или самостоятельности. Правовое положение русских эмигрантов накануне Второй мировой войны еще не было окончательно урегулировано. Конвенция о международном статусе беженцев 1933 г. не гарантировала защиту прав и свобод апатридов, которые в большинстве случаев оказывались в полной зависимости от политики страны-реципиента и воспринимались как «нежелательные иностранцы» и, в первую очередь, экономические иммигранты. Военное время наложило на русских эмигрантов во Франции дополнительные ограничения в правах. Французское правительство потребовало от апатридов выполнять перед государством приема воинскую повинность. Около 20 % мужского населения русской диаспоры оказалось в составе регулярной армии Франции. Во время так называемой «странной войны», по разным данным, около 10 тысяч русских эмигрантов служили во французской регулярной армии и еще около 6 тысяч добровольно вступили в ряды Иностранного легиона и Иностраных добровольческих пехотных полков.

Вторая мировая война и, особенно, Великая Отечественная война привели к новому размежеванию активной русской эмиграции. Она заняла самые разнообразные позиции от оборончества до пораженчества. Апелляция к понятиям родины и патриотизма, вместо того, чтобы сплотить русских беженцев, привела к новому расколу. Одни призывали принять посильное участие в борьбе против «коммунистического ига» на стороне фашистской Германии, другие – поддержать СССР в развернувшейся войне. Одни шли защищать гуманистические идеалы, другие переживали мировой пожар.

Анализ участия русской эмиграции во Франции в событиях Второй мировой войны привел к следующим выводам:

- 1) Советско-финская война как первый конфликт с участием Советской России в контексте Второй мировой войны продемонстрировала несостоятельность русской эмиграции в реализации политических акций и подтвердила ее номинальную самостоятельность и удельный вес на мировой арене. Однако опыт участия эмигрантов и военнопленных в формировании антисоветских воинских частей в годы советско-финской войны был использован в дальнейшем и нацистским командованием.
- 2) Уже в начальный период войны значительная часть русской эмиграции активно включилась в антифашистское движение. Именно русские эмигранты стояли у истоков охватившего впоследствии всю Европу движения Сопротивления. Следует подчеркнуть, что прежде всего они защищали свою «вторую» Родину и идеалы демократии, несовместимые с фашистским оккупационным режимом. Но опосредованно они боролись и против надвигающейся фашистской агрессии против СССР. Русское Сопротивление дало много замечательных имен. По разным данным во французском движении Сопротивления сражалось от нескольких сот до тысяч русских эмигрантов. Среди них И. И. Троян (бывший военный служащий Русской Армии П. Н. Врангеля), И. А. Кривошеин (сын царского министра А. В. Кривошеина), В. Л. Андреев (сын писателя Л. Андреева), княгиня В. А. Оболенская, княгиня Т. А. Волконская, по прозвищу «красная

княгиня», поэты Д. Кнут, Е. Ю. Кузьмина-Караваева и др. Советское и французское правительство высоко оценили вклад русских эмигрантов в дело борьбы за освобождение Франции. Многие были награждены орденами и медалями Франции и СССР, во многих городах Франции и России установлены памятные доски в их честь.

3) Что касается русских эмигрантов, занявших профашистскую позицию, кажется сомнительным, что они заблуждались относительно целей и задач Гитлеровской политики на Востоке. Сохранение иллюзии «неведения» целей и задач германской политики было весьма выгодно и удобно для продвижения своих «белоэмигрантских» интересов, в частности возврата в Россию любой ценой, даже с помощью немецкой агрессии. Участие в военных формированиях на стороне гитлеровской Германии для многих русских эмигрантов казалось продолжением гражданской войны, вспыхнувшей после 1917 г. Но многие были втянуты в военные действия силой обстоятельств, сложившихся условий. Сложно было преодолеть предубеждения, корпоративные интересы, десятилетиями культивировавшуюся злобу.

Мотивация русских эмигрантов, воевавших на стороне фашистской Германии, была различной. Находились и такие, кто преследовал сугубо корыстные цели, не обременяя себя идеологической нагрузкой. Кто-то (например, Н. Н. Головин, донской атаман граф Граббе, князь Горчаков) надеялся при новом порядке во Франции при поддержке завоевателей решить насущные проблемы эмигрантов: трудоустройство, защита своих прав, помощь подвергавшимся гонениям со стороны как французских, так и немецких властей.

4) Работа выполнена на стыке ряда социально-гуманитарных дисциплин: истории, политологии, психологии, социологии. Примененный междисциплинарный подход позволяет ввести в научный оборот классификацию русских эмигрантов на обывателей, коллаборационистов, патриотов и космополитов, исходя из мотивов их поступков и ценностных

ориентаций. Несмотря на психологизм такое деление отражает жизненный выбор и преодолевает ограничения стратификации по социальному положению или политическим убеждениям. Конечно, как любая классификация, она условна, ведь жизнь гораздо сложнее всяких схем.

5) По предварительным подсчетам, русские эмигранты во Франции оставались обычными обывателями, руководствовавшимися эгоистическими мотивами сохранения жизни и обеспечения безопасности себе и близким. Процент активных сопротивленцев-патриотов и ярых коллаборационистов был минимальным. При этом точно определить и сравнить численность русских эмигрантов, воевавших на стороне фашистов или антифашистов, невозможно. И та, и другая группа, по нашим подсчетам, включала в себя не более 3 тысяч человек. Но эти данные носят относительный характер, их скорректировать удастся в ходе дальнейших исследований.

6) Основные причины затруднения количественной оценки участия русской эмиграции в событиях Второй мировой войны: использование вымышленных имен и прозвищ, отсутствие статистической информации, изменение позиции в ходе войны, неполнота и закрытость архивных материалов, утрата многих ценных источников.

7) Патриотическое поведение — индивидуальный выбор каждого, продиктованный не только соображениями личных интересов, но и заложенными воспитанием ценностями свободы и ответственности. Истинный патриотизм сплачивает людей, преодолевая подчас и национальные границы. То, что разъединяет, — это личные амбиции и претензии.

Вторая мировая война стала для русской эмиграции водоразделом, после которого она уже не была тем относительно единым организмом. После окончания войны русская эмиграция была рассеяна вновь и уже не представляла собой сколько-нибудь организованной структуры. Возможность возвращения на Родину многими была утеряна окончательно. Частично русским эмигрантам — участникам антифашистской борьбы и

советским патриотам – удалось вернуться в СССР, однако многие из них были подвергнуты репрессиям.

Возможные направления дальнейшего исследования по избранной теме:

- анализ настроений в среде эмиграции в период Второй Мировой войны и сравнение позиций русской эмиграции в разных странах, что требует привлечения более широкого круга источников;
- изучение материалов по отдельным аспектам исследуемой проблемы, в том числе по взаимодействию русских эмигрантов и советских военнопленных с организациями французского Сопротивления, ведению пропагандистской работы по разложению частей РОА и национальных легионов, возможное ее сравнение с пропагандистской работой самой РОА по привлечению в свои ряды новых членов;
- исследование боевого содружества русских эмигрантов и советских патриотов с гражданами других государств, оказавшихся на территории оккупированной Франции;
- составление и обобщение биографий выходцев из разных регионов бывшей Российской империи.

Результаты проведенного исследования позволяют также сформулировать, исходя из его основных положений и выводов, ряд практических рекомендаций:

- 1). Следовало бы подготовить и издать обобщающую работу об участии русской эмиграции во Франции во Второй мировой войне. Возможно даже издание цикла, посвященного позиции русской эмиграции в разных странах к военным событиям. Такая серия имела бы, на наш взгляд, как научное, так и научно-практическое значение.
- 2). Результаты исследования могут быть использованы в деле патриотического воспитания молодежи, являющегося одним из приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации. Но акцент должен быть сделан на защиту гуманистических

идеалов и свобод, требующих от человека ответственного отношения к своим поступкам.

3). Кроме того, отдельные биографии и исторические факты могли бы способствовать развитию экскурсионного и музейного дела отдельных регионов России.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

I. Архивные материалы

1. Архив Внешней Политики Российской Федерации (АВП РФ).
  - 1.1. АВП РФ. Ф. 566. Отдел печати
  1. 2. АВП РФ. Ф.197. Посольство СССР во Фрашци
2. Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ).
  - 2.1. ГАРФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. – Русский Обще-Воинский Союз (РОВС). Сремски-Карловцы, Париж. 1924-1937 гг.:
    - 2.1.1. ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 25 (1).
  - 2.2. ГАРФ. Ф. Р-5759 – Галлиполийский союз в Праге. (1939 – 1945гг.). Галлиполийское землячество в Праге. 1921-1945 гг.
  - 2.3. ГАРФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. – Дневники генерала А.А. фон Лампе. 1920-1930 гг.:
    - 2.3.1. ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 69.
  - 2.4. ГАРФ. Ф. Р-6461. Оп. 2. – Канцелярия Донского атамана (Граббе М. Н.). 1936-1942. Переписка с руководителями белоказачьей эмиграции о подготовке белого казачества к войне против СССР и по другим вопросам:
    - 2.4.1. ГАРФ. Ф. 6461. Оп. 2. Д. 18.
    - 2.4.2. ГАРФ. Ф. Р-6461. Оп. 2. Д. 34.
  - 2.5. ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. – Коллекция отдельных документов различных эмигрантских организаций. 1918-1945 гг.
  - 2.6. ГАРФ. Ф. Р-9541. Оп. 1. – Советский комитет ветеранов войны. Москва. 1956-1993 гг.
3. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 553. Коллекция документов об участии советских граждан в движении Соппротивления в странах Западной Европы в период Второй Мировой войны (Франция). 1943-1944 гг.
  - 3.1. РГАСПИ. Ф. 553. Оп. 1. Д. 5.

4. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2204. Роцин Николай Яковлевич (Федоров; 1896-1956) – писатель.
5. Федеральный архив Германии (Bundesarchiv):
  - 5.1. Bundesarchiv. Norddeutscher Bund und Deutsches Reich (1867/1871-1945). R 70 Deutsche Polizeidienststellen in Frankreich:
    - 5.1.1. Bundesarchiv. Norddeutscher Bund und Deutsches Reich (1867/1871-1945). R 70 Deutsche Polizeidienststellen in Frankreich / 31.
    - 5.1.2. Bundesarchiv. Norddeutscher Bund und Deutsches Reich (1867/1871-1945). R 70 FRANKREICH Deutsche Polizeidienststellen in Frankreich /2.
    - 5.1.3. Bundesarchiv. Norddeutscher Bund und Deutsches Reich (1867/1871-1945). R 70 FRANKREICH Deutsche Polizeidienststellen in Frankreich /1. S. 25-62.
    - 5.1.4. Bundesarchiv. Norddeutscher Bund und Deutsches Reich (1867/1871-1945). R 70 FRANKREICH Deutsche Polizeidienststellen in Frankreich /3
  - 5.2. Bundesarchiv. Norddeutscher Bund und Deutsches Reich (1867/1871-1945). R 70 BELGIEN Deutsche Polizeidienststellen in Belgien
    - 5.2.1. Bundesarchiv. Norddeutscher Bund und Deutsches Reich (1867/1871-1945). R 70 BELGIEN Deutsche Polizeidienststellen in Belgien /4.
  - 5.3. Bundesarchiv. Norddeutscher Bund und Deutsches Reich (1867/1871-1945). NS 8 Kanzlei Rosenberg
  - 5.4. Bundesarchiv. Norddeutscher Bund und Deutsches Reich (1867/1871-1945). NS 19 Persönlicher Stab Reichsführer SS
    - 5.4.1 Bundesarchiv. Norddeutscher Bund und Deutsches Reich (1867/1871-1945). R 19 Hauptamt Ordnungspolizei /118 Polizeiverwaltungsbeamte im Bereich des BdO (Ordnungspolizei). Paris. 1943-1945.
  - 5.5. Bundesarchiv. Norddeutscher Bund und Deutsches Reich (1867/1871-1945). NS 30 Einsatzstab Reichsleiter Rosenberg
  - 5.6. Bundesarchiv. Norddeutscher Bund und Deutsches Reich (1867/1871-1945). R 58 Reichssicherheitshauptamt

5.6.1. Bundesarchiv. Norddeutscher Bund und Deutsches Reich (1867/1871-1945). R 58 Reichssicherheitshauptamt / 511 Nachrichten aus dem unbesetzten Frankreich. August/September 1940.

5.6.2. Bundesarchiv. Norddeutscher Bund und Deutsches Reich (1867/1871-1945). R 58 Reichssicherheitshauptamt / 564 Nachrichten aus dem unbesetzten Frankreich. Anfang Oktober 1940.

5.7. Bundesarchiv. Norddeutscher Bund und Deutsches Reich (1867/1871-1945). SgY9 Emigration in Frankreich während des Zweiten Weltkrieges 1939-1945 / V231/3/15.

5.7.1. S. 33-34. Le Programme d'Action de la Résistance au peuple de France.

5.7.2. S. 56. A bas le marché brun.

1. Документальные источники

6. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 15 декабря 1921 г. «О лишении прав гражданства некоторых категорий лиц, находящихся за границей» [Электронный ресурс] // Интернет-версия КонсультантПлюс. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=15997;dst=0;ts=71BE234B1CAF388CEBFFFAEAD8CD2136;rnd=0.6637487586122006> (дата обращения: 06.02.2015)

7. Декрет ВЦИК от 4 ноября 1921 г. «Об амнистии» [Электронный ресурс] // Интернет-версия КонсультантПлюс. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=8548>. (дата обращения: 06.02.2015)

8. Конвенция о международном статусе беженцев (Женева, 28 октября 1933 г.) [Электронный ресурс] // Мировая цифровая библиотека. Режим доступа: <http://www.wdl.org/ru/item/11580/> (дата обращения: 06.02.2015).

9. Journal officiel de la République Française. Lois et decrets. 1940-1944.

10. Legislation de l'Occupation. Recueil des lois, decrets, ordonnances, aretes et circulaires des autorités allemandes et françaises, promulgués depuis l'occupatoin. Paris, 1940-1943. Vol. 1-16
11. McDonald James G. Letter of Resignation of High Commissioner for Refugees (Jewish and Other) Coming from Germany to the Secretary General of the League of Nations. London, December 27th, 1935. 36 p.
12. Simpson John H. Refugees: Preliminary Report of a Survey. London: The Royal Institute of International Affairs, 1938. 230 p.

2. Повествовательные источники

2.1. Воспоминания

13. Александровский Б. Н. Из пережитого в чужих краях. Воспоминания и думы бывшего эмигранта. М.: Мысль, 1969. 374 с.
14. Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. [Б. м.], Франция: Издательство «Третья волна», 1980. 320 с.
15. Берберова Н. Н. Курсив мой. Автобиография. 2-е издание, испр. и доп. Т. 2. New-York: Russica Publishers, Inc., 1983. 709 с.
16. Варшавский В.С. Незамеченное поколение. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1956. 388 с.
17. Веллер Ж. От Дранси до Аушвица. Бостон: M-Graphics Publishing, 2011. 218 с.
18. Вербов С. Люди, пути, тропы. (Клуб заштатных интеллигентов). Париж: [Б. и.], 1970. 500 с.
19. Вильде Б. Дневник и письма из тюрьмы. 1941—1942. М.: Русский путь, 2005. 160 с.
20. Вишняк М. Годы эмиграции 1919-1969. СПб.: Формат, 2005. 480 с.
21. Гиппиус З.Н. Серое с красным (Дневник 1940) // Гиппиус З. Дневники. Кн. 2 / Под общей редакцией А. Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 1999. С. 493-512.
22. Голль де, Ш.. Военные мемуары. В 2 т. М., 1957-1960.

23. Гуль Р. Я унес Россию. Апология эмиграции. Т. II: Россия во Франции. Нью-Йорк: Изд-во «Мост», 1984. 351 с.
24. Гуль Р. Б. Я унес Россию. Т. III. Россия в Америке. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2001. 496 с.
25. Завадский Р. В. Своя чужая война. Дневник русского офицера вермахта 1941–1942 гг./ред.-сост. О. И. Бэйда. М.: Содружество «Посев», 2014. 232 с.
26. Зернов Н. За рубежом: Белград — Париж — Оксфорд: Хроника семьи Зерновых (1921–1972). Париж: YMCA-PRESS, 1973. 561 с.
27. Кривошеина Н.А. Четыре трети нашей жизни. М.: Русский путь, 1999. 288 с.
28. Кшесинская М. Воспоминания. М.: Издательство «Артист. Режиссер. Театр», 1992. 414 с.
29. Любимов Л. На чужбине. М.: Советский писатель, 1963. 414 с.
30. Марли А. Стихия песни. Владикавказ: Олимп, 2008. 407 с. (Из истории русского зарубежья)
31. Мейснер Д. Миражи и действительность. Записки эмигранта. М.: Изд-во Агентства печати «Новости», 1966. 302 с.
32. Мемуары власовцев / [сост. А.В. Окорочков]. М.: Вече, 2011. 301 с. (Вторая мировая. Взгляд врага)
33. Одоевцева И. В. На берегах Сены. М.: Захаров, 2005. 448 с.
34. Осоргин М. А. В тихом местечке Франции. Письма о незначительном. М.: НПК «Интелван», 2005. 544 с.
35. Померанцев К. Сквозь смерть. Воспоминания. Лондон: Overseas Publications Interchange Ltd, 1986. 193 с.
36. Рубакин А. Н. Над рекою времени. Воспоминания. М.: Международные отношения, 1966. 532 с.
37. Рубакин А.Н. В водовороте событий. Воспоминания о пребывании во Франции в 1939–1943 гг. М.: Изд-во соц.-экон. Лит-ры, 1960. 272 с.
38. Смирнова-Марли А. Ю. Дорога домой. М.: Русский путь, 2004. 284 с.

39. Терапиано Ю. Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1923-1974). [сост. Ренэ Герра и Александр Глезер авт. послесл. Ренэ Герра]. Париж; Нью-Йорк: Альбатрос, Третья волна, 1987. 350 с.
40. Тэффи Н. А. Моя летопись. М.: Вагриус, 2004. 384 с.
41. Цвибак Я.М. (Андрей Седых) Далекое, близкое. 3-е изд. New York: Новое Русское Слово, 1979. 282 с.
42. Штрик-Штрикфельдт В.К. Против Сталина и Гитлера: Генерал Власов и Русское Освободительное Движение. 3-е изд. М.: Посев, 2003. 448 с.
43. Юсупов Ф.Ф. Мемуары: В 2 кн.: До изгнания. 1887 – 1919. В изгнании / Первый полный пер. с фр. Кассировой Е.Л. М.: Захаров, 2007. 426 с.
44. Яновский В. С. Поля Елисейские. Нью-Йорк: Серебряный век, 1983. 276 с.
45. Humbert A. Notre guerre. Paris: Emile-Paul, 1946. 415 p.
46. Marly A. Mémoires. Paris: Tallandier, 2000. 198 p.
47. Wellers G. De Drancy à Auschwitz. Paris, 1946. 230 p. Série “Etudes et monographies” (Centre de documentation juive contemporaine)
48. Youssouppoff F. F. Memoires. En exil. Paris: Plon, 1954. 253 p.

2.2. Периодика

49. Вестник русских добровольцев, партизан и участников Соппротивления во Франции. Париж, 1947. № 1, 2.
50. Военный журналист. 1940. № 11. С. 1-3.
51. Возрождение. 1940.
52. Голос Родины. 1964. № 8, февраль.
53. Новая Россия. 1939.
54. Парижский вестник. 1942-1944.
55. Часовой. 1931, 1939-1940.
56. Последние новости. 1936-1937.

57. L'Humanité clandestine, 1939-1944. Tome second: numéros 156 à 317 et 1 à 5 / sous la direction de Germaine Willard; préface de Jacques Duclos; conclusion de Georges Cogniot. Paris: Editions sociales; Institut Maurice Thorez, 1975. 582 p.

58. Le Temps. 1940. 21 sept., 21 nov.

59. Paris-Soir. 1940. 1 nov.

3. Сборники источников разных видов

60. «За что Господь так с нами?!» (Белоэмигрант полковник Константин Кромиади вспоминает, как и с чего создавалась Русская освободительная армия (РОА) генерал-лейтенанта Власова.) [Электронный ресурс] // Историческая правда. Исследования. 29.10.2014. Режим доступа: <http://www.istpravda.ru/research/11278/> (дата обращения: 06.02.2015 г.)

61. «Мы должны учесть наш опыт в Финляндии...» РОВС об уроках «Зимней войны» // Россия и Финляндия в XX веке. СПб, 1997. С. 322-332.

62. «Так изменяются принципиальные позиции». Дневник С. П. Мельгунова. 1933, 1939-1944 гг. (Ю. Н. Емельянов) // Исторический архив. М., 1999. № 5. С. 96-166.

63. Архангельский А. П. Финский опыт РОВСа // Вестник РОВС: Издание Русского Обще-Воинского Союза. 2004. № 8-9. С. 25-28.

64. В рядах французского Сопротивления («Парижский дневник» Н. Я. Рощина) (Публикация В. П. Коршуновой) // Встречи с прошлым. М.: Издательство «Советская Россия», 1978. Сборник материалов ЦГАЛИ СССР. Выпуск 3. С. 273–293.

65. Вырубов Н. В. В память павших воинов: [Имена русских, павших в рядах французской армии и Сопротивления, 1939-1945]. Париж: [б.и.], 1991. 48 с.

66. Ильин И. А. Наши задачи. Статьи 1948-1954 гг. [В двух томах]. Тома 1-2. Париж: Издание Русского Обще-Воинского Союза, 1956. 684 с.

67. Колтышев П.В. На страже русской чести // Русское прошлое. СПб., 1992. Кн. 3. С. 167-224.

68. Кривошеин И.А. Так нам велело сердце // Против общего врага. Советские люди во французском Сопротивлении. М.: Наука, 1972. С. 260-291.
69. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 43. Март-июнь 1921 г. М.: Политиздат, 1970. 562 с.
70. Материалы к жизнеописанию о. Дмитрия Клепинина // Вестник Русского христианского движения. Париж, 2004. № 187. С. 34-50.
71. Материалы к жизнеописанию Юры Скобцова // Вестник Русского христианского движения. Париж, 2004. № 187. С. 60-66.
72. Озеров О. Н. Франко-советский партизанский отряд «Груп де Лорет» NL-41 батальона «Проспер» // Военно-исторический журнал. 2001. № 11. С. 37-40.
73. Парчевский К. К. По русским углам. М.: ИВИ РАН, 2002. 220 с.
74. Парчевский К.К. Французская катастрофа: война и перемирие в Париже. 1939–1941 // Вопросы истории. 1999. № 6. С. 86-117.
75. Парчевский К.К. Французская катастрофа: война и перемирие в Париже. 1939–1941 // Вопросы истории. 1999. № 7. С. 114-140.
76. Письма И.И. Фондаминского Т.В. Ельчаниновой // Вестник Русского христианского движения. Париж, 2004. № 187. С. 89-92.
77. Письма о. Сергия Булгакова Т.Ф. Клепининой // Вестник Русского христианского движения. Париж, 2004. № 187. С. 52-38.
78. Письма Юры Скобцова родным // Вестник Русского христианского движения. Париж, 2004. № 187. С. 68-72.
79. Письмо Юры Скобцова отцу Даниилу Ермолаевичу Скобцову, и бабушке, Софье Борисовне Пиленко (о свидании с матерью 21 апреля 1943 г.) // Вестник Русского христианского движения. Париж, 2004. № 187. С. 66-68.
80. Политическая история русской эмиграции: 1920-1940 гг.: Документы и материалы / Под ред. Киселева А.Ф.; Сост.: Константинов С.В. и др. М.: ВЛАДОС, 1999. 775 с.

81. Полицейский отчет 1948 года «La colonie russe de Paris» («Русская колония в Париже») / публ. Д. Гузевича и Е. Макаренко, при участии И. Гузевич // Диаспора: новые материалы. Т. 8. Париж; Санкт-Петербург, 2007. С. 341-655.
82. Рапорт Б.Г. Бажанова от 12 февраля 1940 г. о результатах агитации среди пленных красноармейцев на советско-финляндском фронте // Александров К.М. Русские солдаты Вермахта. Герои или предатели. М., 2005. С. 500-503.
83. Русские воины, павшие смертью храбрых в рядах французской армии. 1939-1945 гг. (Публ. И. А. Гараевской) // Исторический архив. М., 1999. № 5. С. 79-95.
84. Сосинский В.Б. У Атлантического вала // Против общего врага. Советские люди во французском движении Сопротивления. М.: Наука, 1972. С. 292-311.
85. Спецсообщение Л.П. Берии И.В. Сталину о разработке советских военнопленных от 23 мая 1940 г. // Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». 1939 — март 1946. М., 2006. С. 157.
86. Стенограмма официального сообщения представителям Русской эмиграции во Франции, сделанного Ю. С. Жеребковым 25 июля 1941 года // Heller M., Négrel D. Un «Führer russe» à Paris: Ju. S. Zerebkov (1941) // Cahiers du monde russe et soviétique. 1983. Vol. 24. № 1-2. P. 182-188.
87. «Судьба России важнее судеб эмиграции»: Письмо генерала А.И. Деникина начальнику Русского Общевоинского Союза А.П. Архангельскому (1946) (Публикация В. Г. Бортневского) // Родина. 1991. № 6–7. С. 104.
88. Сухомлин В.В. Гитлеровцы в Париже // Новый мир. 1965. № 11. С. 111-156.
89. Сухомлин В.В. Гитлеровцы в Париже // Новый мир. 1965. № 12. С. 96-138.
90. Текст сообщения, сделанного управляющим делами русской эмиграции во Франции Ю. С. Жеребковым 22-го ноября 1941 года в Salle Rochefoucault,

в Париже // Heller M., Négrel D. Un «Führer russe» à Paris: Ju. S. Zerebkov (1941) // Cahiers du monde russe et soviétique. 1983. Vol. 24. № 1-2. P. 189-199.

91. Франция в годы оккупации. Справка сотрудника советских спецслужб / Публ. Подгот. М.Ц. Арзаканян // Исторический архив. М., 1996. № 1. С. 81-86.

92. Чему свидетели мы были...: Переписка бывших царских дипломатов, 1934–1940. Т. 2: 1938-1940. М.: Гея, 1998. 624 с.

ЛИТЕРАТУРА

Диссертации и авторефераты диссертаций

1. Бегидов А.М. Военное образование в зарубежной России 1920–1945 гг.: Дисс. ... д-ра. ист. наук. М., 2001. 508 с.

2. Бочарова З.С. Движение за возвращение на родину в российской эмиграции (1920-е годы): Автореф. дис.... канд. ист. наук. М., 1994. 27 с.

3. Еременко Л. И. Русская эмиграция как социально-культурный феномен: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993. 22 с.

4. Ершов В.Ф. Российское военно-политическое зарубежье в 1920–1945 гг. (организация, идеология, экстремизм): Автореф. дис.... д-ра ист. наук. М., 2000. 45 с.

5. Зайцева Н.Л. Советские граждане в западноевропейском движении Сопrotивления (1942-1945 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1983. 21 с.

6. Исаев Ю.Н. Участие российской эмиграции во Второй мировой войне: Автореф. дис....канд. ист.наук. Брянск, 1999. 18 с.

7. Кривошеева Е. Г. Российская послереволюционная эмиграция накануне и в период Второй мировой войны: Дисс. ... д-ра. ист. наук. М., 2003. 355 с.

8. Лебеденко Р. В. Участие российской эмиграции и советских военнопленных во французском движении Сопrotивления в годы Второй мировой войны (1939-1945 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2011. 266 с.

9. Окорочков А. В. Антисоветские воинские формирования в годы Второй Мировой войны. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д.ист.н. М.: Б.и., 2001. 38 с.
10. Парфенова Е.Б. Казачья эмиграция в Европе в 1920-е годы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. 26 с.
11. Пеньковский Д.Д. Эмиграция казачества из России и ее последствия (1920–1945 гг.): Автореф. дис.... д-ра ист. наук. М., 2006. 42 с.
12. Пронин А.А. Российская эмиграция в современной историографии: Автореф. дис.... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2001. 25 с.
13. Руденцова Ю.И. Социальная адаптация российской эмиграции во Франции (1920-1930-е гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. 24 с.
14. Сабенникова И.В. Российская эмиграция (1917–1939): Сравнительно-типологическое исследование: Автореф. дис.... д-ра ист.наук. М., 2003. 46 с.
15. Серегина Д.М. Российская торгово-промышленная эмиграция во Франции в 1920–1939 гг.: Автореф. дис.... канд. ист. наук. М., 2005. 21 с.
16. Сотников С. А. Российская военная эмиграция во Франции в 1920-1945 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2006. 215 с.
17. Худобородов А.Л. Российское казачество в эмиграции (1920-1945 гг.): Социал., военно-полит. и культ. пробл.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук . М., 1997. 63 с.
18. Цурганов Ю. С. Российская военная эмиграция в Европе 1939-1945 гг. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к.ист.н. Москва, 2001. 24 с.
19. Шабанов Я.В. Российское зарубежье и фашизм в Европе в 1920-х – 1930-х гг: (По материалам Рус. Обще-Воинского Союза): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. 22 с.

Литература:

20. Александров К. М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А. А. Власова, 1944-1945: биографический справочник. Изд. 2-е, испр. и доп.. М.: Посев, 2009. 1113 с.

21. Александров К. Ревнитель военных знаний. Эмигрантские дороги Николая Головина // Родина. 2009. № 4. С. 78.
22. Александров К.М. Русские солдаты Вермахта. Герои или предатели. М.: Яуза Эксмо, 2005. 748 с. (Досье III рейха).
23. Алексинский В.И. Несколько слов о русских добровольцах в рядах войск Свободной Франции // Африка глазами эмигрантов: Россияне на континенте в первой половине XX в. М.: Восточная литература, 2002. С. 90-95.
24. Андреева Е. Генерал Власов и русское освободительное движение = Vlasov and the Russian liberation movement: Пер. с англ. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1990. 370 с.
25. Андреева Т.А., Худобородов А.Л. Русское зарубежье в XX веке: поиски новых подходов и источников изучения // Вестник Челябинского университета. Сер. 1. История. Челябинск, 1999. № 1. С. 122-126.
26. Андрусов В. «Унтерменш» майор граф Ламздорф // Вторая мировая: иной взгляд. Историческая публицистика журнала «Посев». М.: Посев, 2008. С. 457-460.
27. Антифашистское движение Сопротивления в странах Европы в годы Второй Мировой войны / Под ред. В.П. Бондаренко и П.И. Резонова. М.: Соцэкгиз, 1962. 733 с.
28. Антошин А. В. На фронтах Второй мировой и «холодной» войн: русские эмигранты в 1939 – начале 1950-х гг. Том 4 // Русский мир в XX веке. В 6-ти томах. Под редакцией Г. А. Бордюгова и А. Ч. Касаева. М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014. 376 с.
29. Аронсон Г. «Парижский вестник»: прогитлеровский орган на русском языке (Опыт характеристики) // Новый журнал. 1948. № 18. С. 330-341.
30. Афанасьев А. Полынь в чужих полях. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 1987. 320 с.
31. Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917-1988 гг.). 2-е изд., доп. и испр. СПб.: СПбГУКИ, 2008. 468 с.

32. Балмасов С. Иностраннный легион. М.: Эксмо, Яуза, 2004. 764 с.
33. Балмасов С. Русская белоэмиграция в борьбе против нацизма // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2010. № 2-3. С. 65-75.
34. Барышников В.Н. К вопросу о различиях в подходе к образованию так называемого «русского правительства» у руководства Финляндии в период «зимней войны» // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Пятой ежегодной научной конференции (23–25 апреля 2003 г.). СПб, 2004. С. 55-72.
35. Барышников Н. И., Барышников В. Н. Рождение и крах «терийокского правительства» (1939-1940 гг.). СПб.; Хельсинки, 2003. 363 с.
36. Барышников Н.И., Барышников В.Н. Рождение и крах «терийокского правительства» (1939–1940 гг.) // Финляндия. Из истории военного времени 1939–1944. СПб.: Наука, 2010. С. 247-369.
37. Белкова Г. Русская фамилия Вырубовы // Наше наследие. М., 1993. Вып.28. С. 101-112.
38. Бесподобное дитя века: Ариадна Скрябина. М.: Музыка, 1998. 30 с.
39. Бойд Б. Владимир Набоков: русские годы: Биография / Пер. с англ. – М.: Издательство Независимая Газета; СПб.: Издательство «Симпозиум», 2001. 695 с.
40. Бойко Ю.В. Переписи населения Франции как источник по истории социальной адаптации российских эмигрантов // Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX-XX вв. М., 1997. С. 135-147.
41. Болтин Е.А. Советский Союз и движение Сопротивления в Европе в годы второй мировой войны // Вопросы истории. М., 1961. № 9. С. 3-21.
42. Большаков В.В. Парижские тайны: русский след. М.: Алгоритм, 2007. 607 с.
43. Большаков В. Русские березы под Парижем // Литературная газета. 1988. Июль.

44. Большая советская энциклопедия. 1-е изд. Т. 64. М.: Советская энциклопедия, 1933. 414 с.
45. Бочарова З.С. Деятельность Лиги Наций по урегулированию статуса беженцев // Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы. СПб., 2006. С. 10–25.
46. Бочарова З.С. Ф. Нансен: между двумя Россиями // Нансеновские чтения 2007. СПб., 2008. С. 7–25.
47. Бочарова З. С. Феномен зарубежной России 1920-х годов. Том 2 // Русский мир в XX веке. В 6-ти томах. Под редакцией Г. А. Бордюгова и А. Ч. Касаева. М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014. 408 с.
48. Бродский Е. А. Во имя победы над фашизмом: Антифашистская борьба советских людей в гитлеровской Германии (1941—1945 гг.) М.: Наука, 1970. 587 с.
49. Будницкий О., Полян А. Русско-еврейский Берлин (1920–1941). М.: Новое литературное обозрение, 2013. 490 с.
50. Военная мысль в изгнании: Творчество русской военной эмиграции / Сост. Домнин И.В. М.: Воен. Ун-т «Русский путь», 1999. 636 с.
51. Волков С. В. Русская военная эмиграция. М.: Пашков дом, 2008. 548 с.
52. Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М.: Центрполиграф, 2002. 509 с.
53. Гаккель С., протоиерей. Мать Мария. 2-е издание, испр. и доп. Paris: YMCA-PRESS, 1992. 279 с.
54. Гейзер М.М. Сплетение миров: Заметки о жизни и творчестве Довида Кнута // Лехаим. М., 2003. № 4. С. 40–43.
55. Гладкий С. П. Русские патриоты в движении Сопротивления европейских стран (по материалам Франции, Польши, Италии). СПб.: Дума, 1997. 179 с.
56. Годунов В.И. Борьба французского народа против гитлеровской оккупантов и их сообщников. М.: Госполитиздат, 1953. 168 с.
57. Голдин В.И. Армия в изгнании: Страницы истории Русского общевоинского союза. Архангельск: СОЛТИ, 2002. 299 с.

58. Голдин В.И. Роковой выбор. Русское военное зарубежье в годы Второй мировой войны. Архангельск: СОЛТИ, 2005. 615 с.
59. Голдин В.И. Солдаты на чужбине. Русский Обще-Воинский Союз, Россия и Русское Зарубежье в XX-XXI веках. Архангельск: СОЛТИ, 2006.
60. Гордеев Ю. Н. Генерал Деникин. Военно-исторический очерк. М.: Аркаюр, 1993. 192 с.
61. Гофман И. «Русская освободительная армия» против Сталина. [пер. с нем. В.Ф. Дизендорфа]. М.: АСТ, 2014. 539 с.
62. Гофман И. Власов против Сталина. Трагедия Русской освободительной армии, 1944-1945 гг. [пер. с нем. В.Ф. Дизендорфа, предисл. к рус. изд. С.И. Дробязко, к.ист.н.]. М.: Астрель АСТ, 2005. 539 с.
63. Гусефф К. Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920—1939 годы). М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
64. Густав Маннергейм и белая эмиграция. История в письмах. Составители Л. В. Власов, М. А. Власова. СПб.: Европейский Дом, 2008. 208 с.
65. Движение Сопротивления в Западной Европе 1939 — 1945 гг. Национальные особенности / Под ред. Н. П. Комоловой. М.: Наука, 1991. 221 с.
66. Движение Сопротивления в Западной Европе. 1939-1945. Общие проблемы / Под ред. Н. П. Комоловой. М.: Наука, 1990. 240 с.
67. Дробязко С.И. Вторая мировая война 1939-1945: Восточные легионы и казачьи части в вермахте. М.: АСТ, 2000. 48 с.
68. Дробязко С.И., Романько О.В., Семенов К.К. Иностранские формирования Третьего рейха. М.: Астрель, 2009. 844 с.
69. Еременко Л. И. Русская эмиграция как социально-культурное явление // Обновление культуры: проблемы и перспективы. М.: Изд-во РАУ, 1993. С. 74–90.
70. Ершов В.Ф. Российская военная эмиграция 1920-1945 гг.: зарубежная историография за 80 лет // История российского зарубежья. Проблемы историографии (к. XIX-XX вв.). М.: ИРИ РАН, 2004. С. 199-209.

71. Ершов В.Ф. Российское военно-политическое зарубежье в 1918-1945 гг. М., 2000. 294 с.
72. Жуков Д. А. Власовцы и нацистская пропаганда. М.: А. Н. Жуков, 2000. 39 с.
73. Жукова Л.Н., Жуков А.Ф. Русское зарубежье в 1920-1980-х гг. // Клио. СПб., 1998. № 1 (4). С. 132-138.
74. Зимняя война 1939–1940. Книга первая. Политическая история. М.: Наука, 1999. 382 с.
75. Зобнин Ю. В. «Радиообращения» Мережковского не было (о генезисе одного историко-литературного мифа) // Русская история и культура: Статьи. Воспоминания. Эссе / Под ред. Ю. К. Руденко. СПб., 2007. С. 256–286. (История и культура. Вып. 6)
76. Ипполитов С.С. Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс. М.: Ипполитов, 2004. 367 с.
77. Ипполитов С.С., Недбаевский В.М., Руденцова Ю.И. Три столицы изгнания. Константинополь, Берлин, Париж. М.: СПАС, 1999. 208 с.
78. История второй мировой войны 1939–1945 гг. в 12 томах. Т. 2. Накануне войны. М.: Воениздат, 1973. 474 с.
79. Кабузан В.М. Русские в мире. Динамика численности и расселения (1719-1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. СПб.: Издательство Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 1996. 352 с.
80. Казанцев А. С. Третья сила: Россия между нацизмом и коммунизмом 1941-1945. 4-е изд., испр. М.: Посев, 2011. 331 с.
81. Квакин А. В. Общее и особенное в положении российской диаспоры первой волны. Тверь: Изд-во ТвГУ, 1992. 42 с.
82. Квакин А.В. Между белыми и красными. Русская интеллигенция 1920–1930 годов в поисках третьего пути. М.: Центрполиграф, 2006. 413 с.
83. Ковалев М. В. Участие русской эмиграции во Франции в борьбе с фашизмом // Военно-исторические исследования в Поволжье: сб. науч.

трудов. Саратов: »Научная книга«, 2006. Вып. 7. [Электронный ресурс] // Сайт Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского. Режим доступа: <http://www.sgu.ru/files/nodes/10090/035.pdf> (последнее посещение: 15.05.2011)

84. Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека. (1920-1970). Paris: Librairie des cinq continents, 1971. 348 с.

85. Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). Доп. Выпуск. Paris: Librairie des cinq continents, 1973.

86. Коваленко Ю.М. Москва – Париж. Очерки о русской эмиграции. М.: Известия, 1991. 384 с.

87. Кокорин М.А., Стручков А.А. О боевой деятельности советских партизан на территории Франции в 1943-1944 гг. // Вопросы истории. М., 1960. № 3. С. 88-101.

88. Комин В.В. Белая эмиграция и Вторая мировая война. Калинин: Калининский гос. Ун-т, 1979. 62 с.

89. Кононова М.М. Проблема патриотизма в контексте истории российской интеллигенции и эмиграции // Национальная идея на европейском пространстве в XX веке. М., 2005. С. 108 – 125.

90. Костиков В.В. Не будем проклинать изгнание...: Пути и судьбы русской эмиграции. М.: Международные отношения, 1990. 464 с.

91. Котюков К.Л. Российские военные эмигранты и «пораженческое» движение в период Второй мировой войны // История Российского Зарубежья. Эмиграция из СССР-России 1941-2001 гг. М.: ИРИ РАН, 2007. С. 24–44.

92. Кривошеева Е.Г. Российская эмиграция накануне и в период Второй мировой войны (1936-1945 гг.). М.: Изд-во МАДИ(ГУ), 2001. 164 с.

93. Крикунов П.Н. Казаки. Между Гитлером и Сталиным: крестовый поход против большевизма. М.: Эксмо, 2005. 606 с.

94. Кузнецов Н.А. Русский флот на чужбине. М.: Вече, 2009. 459 с.
95. Куликов Н.Г. Честь и достоинство русского имени. М.: Советский комитет по культурным связям с соотечественниками за рубежом, 1973. 144 с.
96. Куликов Н.Г. Я твой, Россия! М.: Советская Россия, 1990. 188 с.
97. Культурная миссия российского зарубежья: История и современность / Отв.ред. Шулепова Э.А. М.: Изд-во Рос. ин-та культурологи, 1999. 197 с.
98. Кюнг Н.Ф. Мужество непокоренных. (Борьба советских людей в гитлеровских застенках). М.: Знание, 1964. 40 с.
99. Кюнг Н.Ф., Тальмант У.Р. Из истории движения сопротивления советских людей в лагерях гитлеровской Германии // История СССР. 1959. № 5. С. 39-55.
100. Лазарис В. Три женщины. Тель-Авив: Ладос, 2000. 620 с.
101. Лифарь, Серж [Электронный ресурс] // Википедия: электронная энциклопедия. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9B%D0%B8%D1%84%D0%B0%D1%80%D1%8C,%D0%A1%D0%B5%D1%80%D0%B6> (дата обращения: 11.02.2016)
102. Логунова Т.А. Участие советских граждан в европейском движении Сопротивления. М.: Издательство МГУ, 1978. 56 с.
103. Мамонов В.Ф., Худобородов А.Л. «Мы щепки, забитые в заводь, подле бурно несущегося потока»: Русская эмиграция в Третьем рейхе // Исторический архив. М., 1998. № 3. С. 153-163.
104. Маньков С. А. Русские добровольцы в составе Валлонского легиона, 1941—1945 гг. // Новый часовой (Санкт-Петербург). 2006. № 17-18. С. 173—182.
105. Между Россией и Сталиным: Российская эмиграция и Вторая мировая война / Дробязко С.И., Евсеева Е.Н., Жданов Д. и др.; Редкол.: Карпенко С.В.(отв. ред.) и др. М.: РГГУ, 2004. 352 с.
106. Международный опыт поддержки соотечественников за рубежом. Мировая и отечественная практика. М.: Русский мир, 2007. 496 с.

107. Менегальдо Е. Русские в Париже, 1919-1939 / О-во друзей А. Ремизова; Пер. с фр. Попова Н., Попов И. М.: Кстати, 2001. 248 с.
108. Миронова Е.М. Дипломаты Русского Зарубежья в борьбе за обеспечение правового положения беженства // Правовое положение российской эмиграции в 1920 – 1930-е годы. СПб.: Сударыня, 2006. С. 25–43.
109. Миронова Е.М. Обзор основных направлений деятельности русских представительств в изгнании // Проблемы истории Русского зарубежья. М.: Наука, 2005. Вып. 1. С. 122-134.
110. Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. Т.1. 1-е изд. Ставрополь: Кавказский край, 1992. 415 с.
111. Нансеновские чтения 2007. СПб.: ИКЦ «Русская эмиграция», 2008. 492 с.
112. Нансеновские чтения 2008. СПб.: ИКЦ «Русская эмиграция», 2009. 468 с.
113. Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX-XX вв. / Под ред. Ю.А.Полякова, Г.Я.Тарле. М., 2001. 319 с.
114. Невалайнен П. Изгои: Российские беженцы в Финляндии (1917-1939). СПб.: Журнал «Нева», 2003. 366 с.
115. Незабываемые могилы: Российское Зарубежье: некрологи 1917-1997: В 6 т. / Рос. Гос. Б-ка. Отд. Лит. Рус. Зарубежья. М.: Пашков дом, 1999-2007.
116. Неотвратимое возмездие: По материалам судебных процессов над изменниками Родины, фашистскими палачами и агентами империалистических разведок. 2-е изд., доп. М.; Воениздат, 1979. 294 с.
117. Нечаев Г. Участие советских граждан в движении Сопротивления во Франции // Военно-исторический журнал. 1966. № 6.
118. Нивьер А. Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе, 1920-1995: Биограф. Справочник / Б-ка-фонд «Русское зарубежье». М.: Париж: YMCA-Press, 2007. 575 с.

119. Нитобург Э.Л. Русские в США: История и судьбы, 1870 – 1970: Этноисторический очерк. М.: Наука, 2005. 421 с.
120. Носик Б.М, Привет эмигранта, свободный Париж! М.: Интерпракс, 1992. 238 с.
121. Носик Б.М. На погосте XX века: Меланхолическая прогулка по знаменитому русскому некрополю Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем. СПб.: Издательство «Золотой век», ООО «Диамант», 2000. 560 с.
122. Носик Б.М. Русские тайны Парижа. СПб.: Золотой век; Диамант, 1998. 592 с.
123. Носик Б.М. Странные и страстные истории русского Парижа. М.: Радуга, 2005. 391 с.
124. О чем не говорилось в сводках: Воспоминания участников движения Сопротивления. М.: Госполитиздат, 1962. 456 с.
125. Оболенская-Флам Л. Расстрел или гильотина? Новые документы о гибели кн. В. Оболенской [ресурс] // Новый журнал. 2011. № 264. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nj/2011/264/fl16.html> (последнее посещение: 21.01.2013)
126. Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия / Отв. Ред. В.В. Журавлев; отв. Секр. А.В. Репников. М.: РОССПЭН, 2009. 704 с.
127. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
128. О कोरोков А.В. Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. М.: ВУ, 2000. 173 с.
129. О कोरोков А.В. Русская эмиграция. Политические, военно-политические и воинские организации 1920-1990 гг. М.: Авуар-Консалтинг, 2003. 331 с.
130. О कोरोков А. В. Фашизм и русская эмиграция (1920-1945 гг.). М.: РУСАКИ, 2001. 593 с.
131. Олейник О. Ю., Меметов В. С. Интеллигенция, эмиграция, отечество: Проблема патриотизма в творческом наследии представителей российского

зарубежья 20–30-х годов XX века. Иваново: Ивановский государственный университет, 1997. 244 с.

132. Ордынский В. Современный казачий и русский сепаратизм в России: попытка героизации коллаборационистов Второй мировой войны [Электронный ресурс] // Сайт Российского института стратегических исследований. Приволжского центра региональных и этнорелигиозных исследований. Режим доступа: <http://www.kazan-center.ru/osnovnye-gazdely/15/138/> (последнее посещение: 07.10.2011)

133. Пивовар Е.И. Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М.: РГГУ, 2008. 545 с.

134. Попов А.В. Российское православное зарубежье: история и источники. М.: Институт политического и военного анализа, 2005. 620 с.

135. Попов А. В. Русское Зарубежье и архивы. Документы российской эмиграции в архивах Москвы: проблемы выявления, комплектования, описания, использования. Материалы к истории русской политической эмиграции. Вып. IV. М.: Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета, 1998. 392 с.

136. Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы. СПб.: Сударыня, 2006. 353 с.

137. Проблемы изучения истории российского зарубежья / Под ред. Ю.А. Полякова. М.: ИРИ РАН, 1993. 103 с.

138. Пронин А.А. Российская эмиграция разных волн и регионов рассеяния в авторефератах диссертаций, изданных в РСФСР – России в 1980 – 2003 гг.: Библиографический указатель. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2006. 79 с.

139. Прянишников Б.В. Новопоколенцы. Нью-Йорк: Silver Spring, 1986. 325 с.

140. Раев М. И. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции: 1919–1939 / пер. с англ. М.: Прогресс-Академия, 1994. 292 с.

141. Решетников Л.П., Табачник Д.В., Гагарин А.С., Куртов А.А., Вассоевич А.Л. Коллаборационизм и предательство во Второй мировой войне. Власов и власовщина // Проблемы национальной стратегии. 2010. № 1. С. 128-165.
142. Решетников Л. П. Враг моего врага может быть моим беспощадным врагом [Электронный ресурс] // Проект «Непридуманные рассказы о войне». Коллаборационизм. 20 ноября 2009 г. Режим доступа: <http://www.world-war.ru/vrag-moego-vraga-mozhet-byt-moim-besposhhadnym-vragom/> (последнее посещение: 06.02.2015 г.)
143. Розанова И.Е. Русские участники французского Сопротивления [Электронный ресурс] // Сайт издательства «Русский путь». Режим доступа: <http://www.rp-net.ru/book/vystavki/soprotivlenie.php> (последнее посещение: 07.10.2011)
144. Российская интеллигенция на историческом переломе. Первая треть XX века. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Санкт-Петербург, 19-20 марта 1996 г. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. 252 с.
145. Российская интеллигенция на родине и в зарубежье: Новые документы и материалы. М.: Российский институт культурологии, 2001. 224 с.
146. Российская научная эмиграция: Двадцать портретов / Под ред. Г. М. Бонгард-Левина, В. Е. Захарова. [Сост. А. В. Бялко, Н. В. Успенская] М.: Эдиториал УРСС, 2001. 367 с.
147. Российское зарубежье во Франции: 1919-2000: биографический словарь. В 3 т. / Под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М.: Наука; Дом-музей Марины Цветаевой, 2008-2010. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.dommuseum.ru/?m=dist> (дата обращения: 07.02.2016).
148. Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках: Аннот. Указ. кн., журн., и газ. публ., изд. за рубежом в 1917-1991 гг. / Гос. Публ. Ист. б-ка России, Стэнфорд. Ун-т. В 4 т. М.: РОССПЭН, 2003-2006.
149. Русская армия в изгнании [Предисл. и коммент. д.ист.н. С.В. Волкова]. М.: Центрполиграф, 2003. 509 с.

150. Русская эмиграция в борьбе с большевизмом / Сост., науч. ред., предисл. и коммент. Волкова С.В.; Под общ. ред. Благово В.А., Сапожникова С.А. М.: Центрполиграф, 2005. 479 с.
151. Русская эмиграция во Франции (1850-е – 1950-е гг.) / Под ред. В. И. Старцева и Т. Г. Фруменковой. СПб.: Третья Россия, 1995. 184 с.
152. Русские без Отечества: Очерки антибольшевистской эмиграции 20 – 40-х годов / Алексеева Е.В., Герасимова Н.П., Демина Л.И. и др.; Редкол.: Карпенко С.В. (отв.ред.) и др. М.: РГГУ, 2000. 497 с.
153. Русские во Франции. Справочник / Ред. В. Ф. Зеелер. Париж: Изд. С. М. Сарач, 1937. 86 с.
154. Русский исход / Отв. Ред. Е.М. Миронова. СПб.: Алетейя, 2004. 320 с.
155. Русский Париж / Сост., предисл. и коммент. Буслаковой Т.П. М.: Изд-во Московского университета, 1998. 527 с.
156. Русское зарубежье 1917 – 1994 / Под ред. Г.А. Толстых. М.: Российский международный фонд культуры, 2002. 240 с.
157. Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни, 1920-1940. Франция / Под общ. ред. Л. А. Мнухина. В 4 т. Paris; М.: УМСА-Press; ЭКСМО, 1995-1997.
158. Рутыч Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России. Материалы к истории Белого движения. М.: Астрель, 2002. 377 с.
159. Сабенникова И. В. Российская эмиграция (1917-1939): сравнительно-типологическое исследование. Тверь: Золотая буква, 2002. 431 с.
160. Свердлин М. А., Рогачев П. М. Патриотизм и интернационализм. Сталинград: Книжное издательство, 1959. 200 с.
161. Свириденко Ю.П., Ершов В.Ф. Белый террор? Политический экстремизм российской эмиграции в 1920 – 1945 гг. М.: МГУ сервиса, 2000. 198 с.
162. Сводный каталог периодических и продолжающихся изданий Русского зарубежья в библиотеках Москвы: (1917-1996 гг.) / Рос. Гос. Б-ка. Отд. Лит. Рус. Зарубежья; Ред.-сост.: Бардеева А.И. и др. М.: РОССПЭН, 1999. 464 с.

163. Сводный каталог русских зарубежных периодических и продолжающихся изданий в библиотеках Санкт-Петербурга (1917 – 1995 гг.) / Рос. Нац. Б-ка, Б-ка РАН; Сост. Михеева Г.В. и др.; Науч.ред. Шилов Л.А. СПб.: Изд-во Рос. Нац. Б-ки, 1996. 2-е изд., испр. и доп. 199 с.
164. Семиряга М.И. Вторая мировая война и пролетарский интернационализм. М.: Воениздат, 1962. 215 с.
165. Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2000. 862 с.
166. Семиряга М.И. Советские люди в европейском сопротивлении. М.: Наука, 1970. 351 с.
167. Серков А.И. Архивы русской эмиграции XX века во Франции // Румянцевские чтения. М., 1996. С. 186-188.
168. Смирнов В.П. Движение Сопротивления во Франции в годы второй мировой войны. М.: Мысль, 1974. 327 с.
169. Смирнов В.П. Франция в XX веке. М.: Дрофа, 2001. 352 с.
170. Смыслов О. С. Проклятые легионы: изменники Родины на службе Гитлера. М.: Вече, 2007. 505 с.
171. Смыслов О. С. «Пятая колонна» Гитлера. От Кутепова до Власова. М.: Вече, 2004. 295 с. (Военные тайны XX века)
172. Советские люди во французском движении Сопротивления / Под ред. И.В. Паротькина. М.: Наука, 1972. 396 с.
173. Соколов А. Г. Судьба русской литературы в эмиграции 1920-х годов. М.: Изд-во МГУ, 1991. 184 с.
174. Социально-экономическая адаптация российских эмигрантов (конец XIX-XX вв.) / Под ред. Ю.А. Полякова и Г.Я. Тарле. М.: ИРИ РАН, 1999. 269 с.
175. Спирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России. 1917–1920. М.: Мысль, 1968. 438 с.
176. Старков Б.А. О русском военном зарубежье // Вопросы истории. М., 2007. № 7. С. 160-166.

177. Старостин Е.В. История России в зарубежных архивах. М.: Высшая школа, 1994. 77 с.
178. Степанова Р. Путеводная нить Ариадны Скрябиной [Электронный ресурс] // Гостиная. 2007. Вып. 10. Беседа 22. Режим доступа: http://www.ulita.net/gost_v10_b22.htm (последнее посещение: 19.04.2010).
179. Стрелянов (Калабухов) П.Н. Одиссея казачьего офицера. Полковник Ф.И.Елисеев. М.: Рейтгарь, 2001. 110 с.
180. Судьбы поколения 1920 – 1930-х годов в эмиграции: Очерки и воспоминания / Ред.-сост.: Флам Л.С. М.: Русский путь, 2006. 471 с.
181. Суомела Ю. Зарубежная Россия. Идеино-политические взгляды русской эмиграции на страницах русской европейской прессы в 1918-1940 гг. / Авторизованный перевод с финского Л.В. Суни. СПб.: Изд. Дом «Коло», 2004. 352 с.
182. Сутулин П. Русская народная армия (Финский опыт создания коллаборационистских формирований в Зимней войне 1939–1940 гг.) [Электронный ресурс] // Актуальная история: Научно-публицистический журнал. Режим доступа: http://actualhistory.ru/rna_in_talvisota (последнее посещение: 02.04.2013).
183. Таннер В. Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии. 1939–1940. М.: Центрполиграф, 2003. 349 с.
184. Тарле Г.Я. Российская эмиграция в 1940-1950-е годы // Россия и современный мир. М., 1999. № 3. С. 108-129.
185. Тихонова З.Н. Василий Порик – герой Движения Сопротивления во Франции в период фашистской оккупации // Новая и новейшая история. М., 1964. № 3. С. 94-95.
186. Тихонова З.Н. Иван Троян – герой французского Сопротивления // Вопросы истории. М., 1966. № 11. С. 151-155.
187. Томпакова О.М. «Бесподобное дитя века» // Бесподобное дитя века: Ариадна Скрябина. М.: Музыка, 1998. С. 5-11.

188. Ульянкина Т.И. «Дикая историческая полоса...»: Судьбы российской научной эмиграции в Европе (1940-1950) / Ин-т истории естествознания и техники им. С.И.Вавилова РАН. М.: РОССПЭН, 2010. 640 с.
189. Урицкая Р. Л. Они любили свою страну... Судьба русской эмиграции во Франции с 1933 по 1948 г. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2010. 304 с.
190. Федотов Г.П. И.И. Фондаминский в эмиграции // Вестник Русского христианского движения. Париж, 2004. № 187. С. 73-82
191. Филиппова Е. И. Территории идентичности в современной Франции. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2010. 300 с.
192. Флам Л. Вики. Княгиня Вера Оболенская. М.: Русский путь, 1996. 160 с.
193. Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории белого движения и эмиграции / Ред. Мироненко С.В. // Государственный архив Российской Федерации. Путеводитель. Т. 4. М.: Рос. Полит. Энцикл., 2004. 794 с.
194. Фонды русского Заграничного исторического архива в Праге. Межархивный путеводитель. М.: РОССПЭН, 1999. 670 с.
195. Франция. Мировая война и катастрофа [Электронный ресурс] // Электронная еврейская энциклопедия. Режим доступа: <http://www.eleven.co.il/article/15504> (последнее посещение: 07.02.2016).
196. Фрейнкман-Хрусталева Н., Новиков А. Эмиграция и эмигрантность. История и психология. СПб.: Государственная академия культуры, 1995. 154 с.
197. Фролов Д.Д. Советско-финский плен. 1939–1944 гг. По обе стороны колючей проволоки. СПб.: Алетейя, 2009. 639 с.
198. Хазан В. «Моим дыханьем мир мой жив»: К реконструкции биографии Ариадны Скрябиной // Хазан В. Особенный еврейско-русский воздух. М.: Мосты культуры, 2001. С. 363–367.
199. Хазан В. Жизнь и творчество Д. Кнута // Кнут Д. Собрание сочинений. Иерусалим: Еврейский университет, Кафедра русских и славянских исследований, 1997. Т.1. С. 35-69.

200. Хоффманн Й. История власовской армии. Париж: YMCA-Press, 1990 (пер. с нем. Е. Гессен). 380 с. (Серия: Исследования новейшей русской истории, Т. 8.)
201. Хохлова В.П. Российские эмигранты на африканском театре военных действий (1939-1945 годы) // Куда идешь, Африка? М., 2004. С. 84-92.
202. Хрисанфов В. И. «Третья Россия»: миф или реальность. (К вопросу о численности первой волны российской эмиграции) // Материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Луга: Лужская типогр., 1997. С. 51–54.
203. Хрисанфов В.И. Д.С. Мережковский и З.Н. Гиппиус: Из жизни в эмиграции. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2005. 164 с.
204. Хрисанфов В.И. К вопросу о численности российской эмиграции «первой волны» // Мавродинские чтения. 2004. Актуальные проблемы историографии и исторической науки: Материалы юбилейной конференции, посвященной 70-летию исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета / Под ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2004. С. 85-87.
205. Хрисанфов В. И. Подвиг или трагедия? (О судьбах литературной эмиграции 1920–1930-х гг.) // Российская интеллигенция на историческом переломе. Первая треть XX в.: Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Санкт-Петербург, 19–20 марта 1996 г. СПб.: РГГУ им. А. И. Герцена, 1996. С. 190–193
206. Хрисанфов В. И. Российский “исход”: мифы и реальность. Историографическое исследование о численности «первой волны» российской эмиграции 1917-1920 гг. СПб.: Культурно-просветительское товарищество, 2014. 196 с.
207. Цурганов Ю.С. Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во Второй мировой войне. М.: Intrada, 2001. 288 с.
208. Чуев С. Власовцы — Пасынки Третьего рейха. М.: Эксмо, 2006. 632 с.

209. Чуев С. Проклятые солдаты. М.: Эксмо, Яуза, 2004. 576 с.
210. Шаховская З. Памяти отца Ник. Оболенского: Время рождаться и время умирать // Русская мысль. Париж, 1979. 12 июля.
211. Шаховская З. Тихое геройство: Памяти Софьи Носович // Русская мысль. Париж, 1978. 7 декабря.
212. Шендерюк М. Г. Вторая мировая война глазами русских эмигрантов // Война и мир в русской словесности, истории и культуре. Материалы Международной научной конференции. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. С. 204-214.
213. Шкаренков А.К. Агония белой эмиграции. Изд. 3-е. М.: Мысль, 1987. 272 с.
214. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь и власовское движение // Вестник церковной истории. 2006. № 4. С. 150—175.
215. Шмаглит Р.Г. Русская эмиграция за полтора столетия: Биографический справочник. М.: РИПОЛ Классик, 2005. 380 с.
216. Шмаглит Р.Г. Русское зарубежье в XX веке. М.: АСТ, 2007. 255 с.
217. Шомракова И.А. Книжное дело русского зарубежья: (Европа, 1917-1940) // Книга: Исследования и материалы. М., 1994. Сб. 67. С. 165-184.
218. Эмиграция и репатриация в России / В.А. Ионцев, Н.М. Лебедева, М.В. Назаров, А.В. Огороков. М.: Попечительство о нуждах российских репатриантов, 2001. 490 с.
219. Энциклопедия Русской эмиграции. Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века / Под общ. Ред. В. В. Шелохаева. М.: РОССПЭН, 1997. 748 с.
220. Юдин В. С Россией в сердце: Писатели-историки русского зарубежья // Север. Петрозаводск, 1992. № 11/12. С. 175-184.
221. “Faire l’histoire de la Resistance”, colloque international. Actes du Colloque international (18-19 mars 2008) / Sous la dir. De Laurent Douzou. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2010. 341 p. (Collection “Histoire”, Serie “Guerre et societe”)

222. Alary E. La ligne de démarcation, 1940-1944. [Paris]: Perrin, 2003. 429 p.
223. Amouroux H. La vie des Français sous l'occupation. T. 1-2. Paris, 1967
224. Andreyev C. Vlasov and the Russian Liberation Movement: Soviet reality and émigré theories. Cambridge: Cambridge univ. press, 1989. 251 p.
225. Aveline C. Boris Vildé // Europe. 1946. XXIV. 5 mai. P. 1–15.
226. Aveline C. L'Affaire du Musée de l'Homme // Les Lettres Françaises. 1945. N° 44 (24 Février).
227. Azema J.-P., Bedarida F. France des années noires. En 2 vol. Paris: Seuil, 1993.
228. Beaune-Gray D. Les historiens de l'émigration russe. Paris: Institut d'études slaves; Maison des sciences de l'homme, 2003. 178 p.
229. Bedarida F. Touvier, Vichy et le crime contre l'humanité: le dossier de l'accusation. Paris: Seuil, 1996. 375 p.
230. Belot R. La Résistance sans de Gaulle: politique et gaullisme de guerre. Paris: Fayard, 2006. 668 p.
231. Berenbaum M., Peck A. J. The Holocaust and history: the known, the unknown, the disputed and the re-examined. Bloomington: Indiana University Press, 2002. 836 p.
232. Blumenson M. Le Réseau du Musée de l'Homme. Trad. de l'angl. par J.-P. Carasso. Paris: Le Seuil, 1979. 284 p.
233. Boyd D. Voices from the Dark Years: The truth about Occupied France 1940-1945. Stroud: Sutton Publishing, 2007. 288 p.
234. Breuillard S. Vie politique de l'émigration russe, 1919-1945: un destin: Quelques réflexions sur... // La première émigration russe. Paris, 1994. P. 11-26.
235. Calmette A. L'OCM. Organisation Civile et Militaire. Histoire d'un mouvement de la Résistance de 1940 à 1945. Paris: Presses univ. de France, 1961. 228 p.
236. Chambard C. Maquis: A History of the French Resistance Movement. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1976. 237 p.

237. Cinquante ans de communisme en Russie, 1917-1967. Livre blanc. Edite par le Comite de l'Emigration Nationale Russe en Belgique. Bruxelles, 1967. 36 p.
238. Clair M. Les Intellectuels-avant-garde de la Résistance ("Résistance"-Premier journal clandestin) // Résistance. 1944. 12 Septembre (№ 36)
239. Cottam K. J. Women in War and Resistance: Selected Biographies of Soviet Women Soldiers. Nepean: New Military Publishing, 1998. 451 p.
240. Courtois S., Peschanski D., Rayski A. Le Sang de l'étranger: les immigrés de la MOI dans la Résistance. Paris: Fayard, 1989. 470 p.
241. Dank M. French against the French: Collaboration and Resistance. – Philadelphia: Lippincott, 1974. 214 p.
242. Delage J. La Russie en exil. Paris: Delagrave, 1930. 178 p.
243. Depoid P. Les naturalisations en France (1870–1940) // Direction de la Statistique Générale. Etudes démographiques. 1942. № 3. P. 29-52.
244. Diamond H. Women and the Second World War in France, 1939-1948: Choices and Constraints. Harlow: Longman, 1999. 231 p.
245. Ehrlich B. Resistance: France 1940-1945. Boston: Little, Brown, 1965. 278 p.
246. Fishman S. The power of myth: Five recent works on Vichy France // Journal of modern history. Chicago, 1995. Vol. 67. № 3. P. 666–673.
247. Foot M.R. Resistance: European Resistance to Nazis, 1940-1945. New York: McGraw-Hill, 1977. 346 p.
248. Garmont A., de. Between Hell and Reason: Essays from the Resistance Newspaper Combat 1944-1947. Boston: Wesleyan University Press, 1991. 182 p.
249. Georges-Picot G. L'innocence et la ruse: des étrangers dans la résistance en Provence (1940-1944). Paris: Editions Tirésias, 2000. 312 p.
250. Gessain R., Doré M. Facteurs comparés d'assimilation chez des Russes et des Arméniens // Population. 1946. Vol. 1. № 1 (Jan. - Mar.), pp. 99-116.
251. Gildea R. Marianne in Chains: In search of the German Occupation, 1940-1945. London: Pan books, 2003. 524 p.
252. Gorboff M. La Russie fantôme. L'émigration russe de 1920 à 1950. Lausanne: L'Age d'Homme, 1995. 288 p.

253. Gousseff C. *L'exil russe. La fabrique du réfugié apatride (1920–1939)*. Paris: CNRS Editions (CNRS Histoire), 2008. 335 p.
254. Grouix P. *Russes de France: D'hier à aujourd'hui*. Monaco: Editions du Rocher, 2007. 264 p.
255. Haestrup, J. *European Resistance Movements, 1939-45*. London, Wesport: Meckler Publ., 1981. 567 p.
256. Hardeman H. *Coming to Terms with the Soviet Regime: the «Changing Signposts» Movement among Russian Emigrés in the early 1920s*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1994. 319 p.
257. Hirschfield G., Marsh P. *Collaboration in France: Politics and Culture during the Nazi Occupation, 1940-1944*. Oxford: Berg Publishers, 1989. 313 p.
258. Huntington W. C. *The Homesick Million — Russia out of Russia*. Boston: The Stratford Co, 1933. 298 p.
259. Jackson J.T. *France: the Dark Years 1940-1944*. New York: Oxford University Press, 2001. 660 p.
260. Jackson J.T. *The Fall of France*. New York: Oxford University Press, 2003. 296 p.
261. Johnston R.H. "New Mecca, new Babylon". *Paris and the Russian exiles, 1920-1945*. Kingston & Montreal: McGill-Queen's univ. press, 1988. 254 p.
262. Kaspi A. *Les juifs pendant l'occupation*. Paris: Points Seuil, 1997. T. 238. 442 p.
263. Kedward H.R. *In Search of the Maquis: Rural Resistance in Southern France, 1942-1944*. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press, 1993. 360 p.
264. Kedward H.R. *Occupied France: Resistance and Collaboration*. Oxford: Wiley-Blackwell, 1985. 88 p.
265. Kedward H.R. *Resistance in Vichy France: Study in Ideas and Motivation in the Southern Zone, 1940-42*. New York: Oxford University Press, 1978. 339 p.
266. Klarsfeld S. *Vichy-Auschwitz, la «solution finale» de la question juive en France*. 3e édition. Paris: Fayard, 2001. 364 p.

267. Klarsfeld S., Billig J., Wellers G. The holocaust and the neo-nazi mythomania. New York, N.Y.: The Beate Klarsfeld Foundation, 1978. 215 p.
268. Korliakov A. L'Émigration russe en photos. France 1917-1947. Tome II: Honneur et dignité maintenus. Paris: YMCA-Press, 2001. 416 p., 850 photos.
269. Krivopissko G. Anna Marly, auteur du Chant des partisans // Des femmes dans la vie sociale et culturelle de 1939 a 1945. Paris, 2007. P. 6-7.
270. Krivopissko G. La vie à en mourir. Lettres de fusillés, 1941-1944. Paris: Tallandier, 2003. 367 p.
271. Kulischer E. M. Europe on the Move: War and Population Changes, 1917–1947. New York: Columbia University Press, 1948. 378 p.
272. La Loi nazie en France / Sous la dir. De Ph. Heracles. Paris: Guy Authier, 1974. 348 p.
273. Laharie C. Le camp de Gurs. 1939-1945: un aspect méconnu de l'histoire de Vichy. Pau: J & D Editions, 1993. 397 p.
274. Laroche G. On les nommait des étrangers. (Les immigrés dans la Résistance). Paris: Editeurs français réunis, 1965. 479 p.
275. Le régime de Vichy et les Français / Sous la dir. De Jean-Pierre Azéma et François Bédarida; avec la collab. De Denis Peschanski et Henry Rousso; avant-propos d'Hubert Curien; introd. De René Rémond. Paris: Fayard, 1992. 788 p.
276. L'Emigration russe: revues et recueils, 1920-1980: index général des articles // Bibliothèque russe de l'Institut d'études slaves. Paris, 1988. T. 81. 661 p.
277. Livak L. Nina Berberova et la mythologie culturelle de l'emigration russe en France // Cahiers du monde russe. P., 2002. Vol. 43. № 2/3. P. 463-477.
278. Lloyd C. Collaboration and Resistance in occupied France. Representing treason and sacrifice. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2003. 270 p.
279. Macksey K. Partisans of Europe in the Second World War. London: Hart-Davis, MacGibbon, 1975. 271 p.
280. Marcot F. Les voix de la Résistance. Besançon: Cêtre, 1989. 367 p.
281. Marnham P. Resistance and betrayal. The death and life of the greatest hero of the French Resistance. New York: Random House, 2000. 296 p.

282. Marrus M. R., Paxton R. O. *Vichy France and the Jews*. New York: Basic Books New York, 1981. 432 p.
283. Massip M. *La verite est fille du temps: Alexandre Kasem-Beg et l'emigration russe en Occident, 1902-1977*. Geneve: Georg, 1999. 758 p.
284. Mauco G. *Les étrangers en France: leur rôle dans l'activité économique*. Paris: Armand Colin, 1932. 600 p.
285. Michel H. *Shadow War: European Resistance, 1939-1945*. New York: Harper & Row, 1972. 416 p.
286. Miquel P. *La Seconde Guerre mondiale*. Paris: Fayard, 1986. 272 p.
287. Moore B. *Resistance in Western Europe*. Oxford: Berg Publishers, 2000. 298 p.
288. *Organisation juive de combat: Résistance-sauvetage, France 1940-1945 / Les Anciens de la Résistance juive en France*. Nouvelle édition revue et augmentée. [Paris]: Autrement, 2006. 501 p.
289. Pachmus T. *Zinaida Hippius: An Intellectual Profile*. Amsterdam: Land, 1971. 491 p.
290. Paxton R. O. *L'armée de Vichy: le corps des officiers français, 1940-1944 / trad. de l'anglais par Pierre de Longuemar; postf. historiogr. de Claude d'Abzac-Epezy*. Paris: Tallandier, 2004. 586 p.
291. Paxton R. O. *Vichy France: Old Guard and New Order, 1940-44*. 1st edition. New York: Columbia University Press, 1972. 399 p.
292. Peschanski D. *Des Étrangers dans la Résistance*. Paris: Éditions de l'Atelier & Champigny-sur-Marne, Musée de la Résistance nationale, 2002. 126 p.
293. Peschanski D. *La France des camps. L'internement, 1938-1946*. Paris: Gallimard, 2002. 560 p.
294. Petchorine D. *La condition des Russes en France et celle des étrangers (spécialement les Français) en URSS*. Paris: Librairie du Recueil Sirey, 1929. 298 p.

295. Poznanski R. Jews in France During World War II. Trans. Nathan Bracher. Waltham, MA: Brandeis University Press in association with the United States Holocaust Memorial Museum, 2001. 640 p.
296. Rayski A. The Choice of the Jews Under Vichy: Between Submission and Resistance. Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press, 2005. 388 p.
297. Remy D. Les lois de Vichy. Actes dits «lois» de l'autorité de fait se prétendant «gouvernement de l'Etat français». Paris: Romillat, 1992. 255 p.
298. Robinson P. The White Russian army in exile, 1920-1941. Oxford: Clarendon Press, 2003. 254 p.
299. Semelin J. Sans armes face à Hitler: La résistance civile en Europe, 1939–1945. Paris: Payot, 1989. 270 p.
300. Seth R. Undaunted: The Story of Resistance in Western Europe. New York: Philosophical Library, 1956. 327 p.
301. Stenton M. Radio London and Resistance in occupied Europe. British political warfare, 1939-1943. Oxford: Oxford university press, 2000. 423 p.
302. Stone N. Writing in the shadow. Resistance publications in occupied Europe. London: F. Cass, 1996. 207 p.
303. Struve N. A. Soixante-dix ans d'emigration russe (1919–1989). Paris: Fayard, 1996. 302 p.
304. United States Holocaust Memorial Museum. France [Электронный ресурс] // Holocaust Encyclopedia. Режим доступа: <http://www.ushmm.org/wlc/en/article.php?ModuleId=10005429> (последнее посещение: 05.02.2016)
305. Vichy, resistance, liberation. New perspectives on wartime France / Ed. by Hanna Diamond & Simon Kitson. Oxford: Berg, 2005. 207 p.
306. Weil P. Qu'est-ce qu'un Français? Histoire de la nationalité française depuis la Révolution. Paris: Grasset, 2002. 403 p.
307. Weitz M. C. Les combattantes de l'ombre. Histoire des femmes dans la Résistance, 1940-1945. Paris: Albin Michel, 1997. 417 p.

308. Wellers G. À propos du nombre de morts au camp d'Auschwitz // *Le Monde juif*. 1990, octobre-décembre.
309. Wellers G. Essai de détermination du nombre des morts au camp d'Auschwitz // *Le Monde juif*. 1983, octobre-décembre.
310. Wellers G. *La Solution finale et la mythomanie néo-nazie*. Paris: C.D.J.C., 1979. 95 p.
311. Wellers G. *Un juif sous Vichy* (préface de Jacques Delarue, postface de Michel Riquet). Paris: Editions Tiresias, 1991. 308 p.
312. Williams R. *Culture in exile: Russian Emigrés in Germany, 1881-1941*. Ithaca and London: Cornell University Press, 1972. 404 p.
313. Zuccotti S. *The Holocaust, the French, and the Jews*. Lincoln: University of Nebraska Press, 1999. 392 p.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И АББРЕВИАТУР

АВП РФ – Архив внешней политики Российской Федерации

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

ЕА – Еврейская армия

КОНР - Комитет освобождения народов России

НТСНП – Национально-трудовой союз нового поколения

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории

РНА – Русская народная армия (Финляндия)

РННА – Русская национальная народная армия

РНСУВ – Русский национальный союз участников войны

РОА – Русская освободительная армия

РОВС – Русский Обще-Воинский Союз

РОНА – Русская освободительная народная армия

СД - служба безопасности рейхсфюрера СС (Sicherheitsdienst des Reichsführers-SS (SD)), ответственная за внутреннюю и внешнюю разведку и шпионаж

СРП – Союз русских патриотов

СС – охранные формирования Третьего Рейха (Schutzstaffeln SS), организаторы террора и преследования по расовым признакам, политическим убеждениям и государственной принадлежности

ФКП – Французская коммунистическая партия

ЦГАОР – Центральный государственный архив Октябрьской революции

ОСМ – Organisation Civile et Militaire (Гражданская и военная организация)

Приложение 1.

Budesarchiv. Norddeutscher Bund und Deutsches Reich (1867/1871-1945). R 70
FRANKREICH Deutsche Polizeidienststellen in Frankreich /31. S. 26-44, 71-76.

Examen ethno-racial (судебные разбирательства в отношении русских
эмигрантов, еврейский вопрос)

1.1. Bundesarchiv. Norddeutscher Bund und Deutsches Reich (1867/1871-
1945). R 70 Deutsche Polizeidienststellen in Frankreich / 31. S. 26-27RS.

Examen ethno-racial (Drancy, 17 mai 1944) REZA

GEORGE MONTANON
EXAMEN ETHNO-RACIAL
(Drancy, 17 mai 1944)

REZA (Elias) - 26 ans.
53, rue de la Buffa, Nice.
Ingénieur des Ponts et Chaussées (de l'École Nationale
Né le 5 juillet 1918 à Moscou /certificat de naissance du 8
septembre 34 du Consulat de Perse à Paris dit "Elias REZA
(ci-devant Gholam XX REZAIOFF)" "Gholam" signifiant
"esclave de", "fils de" et REZAIOFF étant une russification
du nom de REZA).
Né Persan; l'est encore aujourd'hui (ledit certificat de
naissance le reconnaît "sujet persan").
Service militaire : aucun.

ANTECEDENTS ETHNIQUES (pas proprement raciaux) :
Né musulman.

A Moscou jusqu'à 3 ans (1921); la mère restant à Moscou (où eut
son fils Ekandar en 1922), l'examiné se rendit avec son père
en Allemagne; le père l'y laissa jusqu'en 1925 (6 ans). Vinrent
alors avec toute la famille à Paris — à Nice depuis 1930 (bachot).
Studia à Paris de 1939 à 1943.

PERE : Agha Djan REZA /sur le certificat de naissance/, né à Mesched
(Nord-Est de Perse) 1889 (?), né Persan, musulman, exportation de
tapis, vit à Nice; les parents vivaient séparés depuis 1939 et
comme le père habitait pas avec eux, il ne fut pas arrêté.
Grand-père pat. : Mohamed REZA /indication orale mais déclare que les
noms au delà des PARENTS peuvent être contrôlés au Consulat/,
né en Perse, Persan, musulman, n'a jamais quitté la Perse.
Grand-mère pat. : ..... Persane, musulmane.

MERE : Jaffa n. ALICHA /le certificat de naissance ne porte que le
prénom/, née à Samarcande, née Persane, musulmane, à Drancy avec
l'examiné.
Grand-père mat. : Alrakiran ALICHA, né en Perse, Persan, musulman,
dans les tissus, mort à Samarcande.
Grand-mère mat. : Peninat née MOUCHEKOLIN, née à Samarcande, Buckha-
rienne, musulmane, morte à Samarcande.
La mère ne sait rien de ses divers gds-parents.

La mère fut mariée une 1re fois avec Menasse Ali MAMON, né en
Afghanistan, né Afghan, musulman, commerçant, mort en Afghanistan.
De ce mariage naquit Mikael MAMON, né à Herat, né Afghan, musul-
man, ingénieur électricien (studia à Paris) vint en France en 1928/29.
Célibataire. A Drancy *временно проживающий*.

Vrai frère : Ekandar, né à Moscou en 1922, Persan, musulman, dans
les affaires en France, 21, rue de France à Nice, actuellement
à Drancy (mais aujourd'hui en corvée).

Son passeport du Consul de Perse du 3 juin 1927 porte la mention
"Islam".
Dit aussi avoir acte de naissance islamique avec l'année du

calendrier islamique qu'on ne délivrerait pas aux Juifs

Ekandar est bijoutier à Nice. Un débiteur devait apporter
une somme d'éc., mais ce fut la police allemande qui vint à la
place et qui arrêta tout le monde. La dénonciation était donc
intéressée.

Parle parfaitement français.

Circoncision : Vers 3 ans à Moscou, par un *mufti* mais n'a souve-
de rien. Status : ablation totale du prépuce, mais le *frein*
est relativement bien conservé. — Il pourrait s'agir d'une circoncision musulmane.

RACE BIOLOGIQUE :
Longueur de tête moyenne.
Cheveux légèrement frisés.
Nex aquilin.
Lèvre inférieure forte et proéminente.

En somme type anatolien, aux stigmates (soulignés) simili-judaïq
comme chez tant de Levantins, mais sans que le faciès général
soit spécifiquement judaïque.

Examen rapide du demi-frère Mikael MAMON :

Circoncision : Circoncision beaucoup plus judaïque que musulmane
(plus complète que chez son demi-frère Elias REZA.
Type soins oriental (yeux gris-bleu etc).

Examen rapide du frère : REZA (Ekandar)

Circoncision : Opéré à 2 ans 1/2.
Status : Ablation totale mais frein assez bien conservé ainsi
même que les chancrilles.
— Il pourrait donc s'agir d'une circoncision musulmane.

RACE BIOLOGIQUE :
Nex aquilin.
Narine arquée.
Cheveux frisés.

En somme type arménoïde.

(Voir autre feuille)

2727

GEORGE STANFORD
 EXAMEN ETHNO-RACIAL
 (Drancy, le 17 mai 1944)

Mme (Jaffa) REZA - 50 ans. née ALICHAH.
 Née le 18 juin 1895 à Samarcande.
 Née Persane.

Pour son ascendance : voir son fils Elias REZA.

RACE BIOLOGIQUE :
 Aussi type sud-oriental, mais moins nettement que chez le fils Elias.
 Le nez est droit et peu proéminent.
 Par contre les lèvres sont assez vultueuses.
 Pour une orientale, pas spécifiquement judivique.

VISITE AU CONSULAT IRANIEN (24 mai) où le soussigné voit les fiches des intéressés.
 Remarque générale : Ces fiches paraissent avoir été écrites en 2 fois; certaines indications d'une plume plus simple et d'une encre plus violette, paraissent les plus anciennes, d'autres indications, d'une plume plus large et d'une encre plus bleue, paraissent plus récentes. De plus, le glacé de certaines lignes est perdu, comme si on avait effacé ou utilisé du "corrector"; ces espaces non glacés sont les uns recouverts d'indications, d'autres vierges d'indications. Dans la reproduction des fiches du père et de la mère, reproduites ci-dessous, les passages paraissent anciens ont été soulignés en plein, ceux paraissant nouveaux en pointillé, ceux douteux ont été laissés tels quels.
 Le Consul M. SARDARI et sa secrétaire principale Mme de DAROUVAR, défendent chaudement l'islamisme des REZA, qu'ils disent inscrits comme tels au Consulat depuis 1924.
 Préalablement à la visite au Consulat, un musulman lettré avait assuré le soussigné que Mohamed REZA et Ali MAMON étaient des termes musulmans (bien que MAMON soit aussi juif), mais le soussigné remarquant que le grand-père paternel est nommé sur les fiches Gholam REZA (au lieu Mohamed REZA), mais la secrétaire a répondu qu'en effet il s'appelait aussi Mohamed mais qu'on n'a pas indiqué tous les noms. Elle fournit de meilleures explications lorsqu'elle affirme que pour le grand-père maternel il faut lire

Ali Khan (au lieu d'Alrakiran) et pour la grand'mère maternelle PANINA (au lieu de Peninar).
 Voici au reste la reproduction des fiches du père et de la mère (cette dernière à Drancy) :

fiche du père : REZA Agha Djan (ci-devant Gholamrezaïeff) né le 18 août 1889 à MASHAD marié en 1912 et 10/1/1916. 3 garçons et 3 filles. Veuf à Samarkand.
 Parents : Gholam Reza et Mme Maryam
 Date d'arrivée en France : 10/1/1925 de Moscou.
 Passeport du 3 juin 1927 à Paris - islamisme.
 Avec sa femme et ses 3 fils.

fiche de la mère : Mme REZA, Jaffa née ALICHAH née le 7 avril 1896 à Samarkand mariée le 10/1/1916 à Samarkand 2 garçons et 1 fille.
 Parents : Sbraniah Ata et Mme PANINA. Musulmane.

CONSIDERATIONS GENERALES :
 L'islamisme de la famille paraît indubitable. Il ne semble pas d'ailleurs au soussigné que ce soit là l'essentiel. Ainsi qu'il l'a mentionné dans le SCHLUSSEBEREICH relatif aux AGRASCHÉ de Drancy (26 mai 44), la conversion de juifs à une autre religion, pratiquant également la circoncision (comme l'islamisme) ne devrait pas être reconnue. La question est donc de savoir si les REZA sont d'anciens juifs ou non.
 Le phototype est de peu de secours.
 La circoncision, surtout chez les deux frères Elias et Eskandar, paraît plus musulmane que juive.
 Enfin l'onomatique, si moins d'admettre un truquage complet de la part du Consulat iranien, paraît plus iranienne que juive, sauf Elias, qui ne saurait être iranien islamique en aucun cas.
 Le soussigné est donc fort perplexé.

CONCLUSION :
 Le soussigné admet en définitive que la famille REZA est juive, mais qu'elle ou qu'à des ascendants juifs.
 Il estime qu'elle peut être considérée comme non-juive à condition qu'elle soit évacuée sur l'Iran.

30 mai 1944

1.2. Bundesarchiv. Norddeutscher Bund und Deutsches Reich (1867/1871-1945). R 70 Deutsche Polizeidienststellen in Frankreich / 31. S. 29-44RS. WISSOTZKY

31 31

Monsieur le Commissaire Général
 aux QUESTIONS JUIVES

Monsieur le Commissaire Général,

Je soussignée, WISSOTSKY Thais, réfugiée russe, née le 11 février 1917 à Copenhague (Danemark) détenue au camp de concentration de Drancy (matricule 17.604),

AI l'honneur de solliciter de votre Haute Bienveillance de me délivrer un certificat de non appartenance à la race juive.

Par les motifs suivants :

1. Je suis née à Copenhague le 11 février 1917 et dans les trois mois, je fus amenée par mes parents à Petrograd, où j'étais baptisée d'après les rites de la religion orthodoxe, qui est la religion de mon père, Alexandre WISSOTSKY, dont je ne connais pas la résidence actuelle, car il n'a pas réussi à quitter furtivement la Russie avec ma mère et moi et il est resté dans ce pays.
2. Mon grand-père du côté maternel, le docteur en médecine SCHNEERSON Simeon, d'origine juive, s'est converti à la religion orthodoxe avant la naissance de ma mère pour être admis à l'Université de Moscou. Il était au service de l'Etat comme assistant à l'hôpital de Yacou de Moscou. Il portait le titre de Conseiller d'Etat actif, ce qui signifie qu'il fut un fonctionnaire d'un haut rang.
3. Ma grand-mère du côté maternel, femme de SCHNEERSON, née Ernestine KAGAN-KARAN, fut karaité, c'est-à-dire aryenne.
4. Je ne puis pas pour le moment prouver par des actes d'état civil mes déclarations, mais elles peuvent être affirmées par les dépositions des deux honorables personnes qui connaissent de près et de longue date ma famille.

Ces personnes sont :

Le docteur en médecine Théodore von WINTERFELDT, demeurant à Paris, 68 Avenue de Suffren, et
 Madame MOURAVIEFF Catherine, veuve de l'éminent avocat russe, demeurant à Paris, 21 bis, rue du Clos Fouquières.

33

1

3282

- 2 -

Le premier fut le collègue de mon grand-père, de SCHNEERSON et travaillait avec lui à l'hôpital de Yacou de Moscou; le second, vieille amie de notre famille, connaît la date et le lieu de mon baptême.

S. N'étant pas juive aux termes du décret du 2 juin 1942, je ne me suis pas fait enregistrer. J'ai été arrêtée sur une dénonciation au mois de Novembre dernier.

Sous peu de temps je dois être déportée en Allemagne, comme juive. Dans ce cas je perdrai toute possibilité de me défendre contre une dénonciation anonyme.

Cette demande sera portée par Monsieur PEREVERZEFF, avocat russe, demeurant à Paris, 28 Rue Lecrotelle, auquel j'ai donné tous pouvoirs à cet effet.

Veillez agréer, Monsieur le Commissaire Général, l'hommage de ma gratitude et de mon profond respect.

Thais Wissotzky

COMMISSARIAT GÉNÉRAL
AUX QUESTIONS JUIVES

ÉTAT FRANÇAIS

PARIS, le 10. Januar 1944

S. P.
MAR/MEH/RM/JD

1, Place des Petits-Pères (2e)

☎ CENTRAL 01-52
☎ GUTenberg 39-50

DER GENERALKOMMISSAR FÜR JUDENFRAGEN

An den

BEFEHLSHABER DER SICHERHEITSPOLIZEI UND DES
S.D. IM BEREICH DES MILITÄREBFEHLSHABERS IN
FRANKREICH

82, Avenue Foch, P A R I S

Zu Händen von Herrn S.S. Obersturmführer KÄBERNICK

Betrifft : Abstammung der WISSOTSKY Thais, geb. in KOPENHAGEN am 11.2.1917
und ihrer Mutter geb. am 19.7.1902 (sic).

Bezug : Ihr Schreiben BdS - IV B - Si Kb./Ri. vom 15.12.43
Mein Schreiben vom 15.12.43 Nr. 12.334 P.

Zufolge Ihres o.a. Schreibens übermittle ich beiliegend die
gewünschte Akte, mit der Bitte mir dieselbe nach Kenntnisnahme
zurückstellen zu wollen.

Dieselbe besteht aus folgenden Schriftstücken:

- 1) Gesuch der WISSOTSKY Thais an den Generalkommissar für Judenfragen.
- 2) " " " Eugénie " " " " "
- 3) Zeugenurkunde vom 11.5.43 Frl. WISSOTSKY Thais betreffend.
- 4) " " 8.9.43 " " " " "
- 5) " " 10.9.43 Frau " Eugénie "
- 6) Bericht des Professors MONTANDON Frau WISSOTSKY Eugénie betreffend.
- 7) " " " " Frl. " Thais "

Ich bitte mir gleichzeitig mit der Rückgabe der Akte, Ihren Stand-
punkt hinsichtlich der Rassenzugehörigkeit der Betreffenden mitteilen
zu wollen.

7 Anlagen.

Pour le Commissaire Général,
Le Directeur du Cabinet.

[Handwritten signature]

Recommandé: L110

COMMISSION GÉNÉRALE
DES QUESTIONS JUIVES
ARCHIVES
N° 1111
Dossier: WYSSOTSKY, Eugène
de France

Monsieur le Commissaire Général
aux Questions Juives

Monsieur le Commissaire Général,
Je soussigné, Eugène WYSSOTSKY, réfugié russe, demeurant 4 square Robiac à Paris (VIII)

Al l'honneur de vous exposer:
Que j'ai été arrêté et envoyé au camp de concentration de Drancy avec ma fille Thais WYSSOTSKY au mois de novembre 1942 ayant été dénoncé par un "bonnaire" juif.

Que ma fille Thais WYSSOTSKY vous a adressé du camp de Drancy un demande en obtention d'un certificat de non appartenance à la race juive.

Que le 3 août 1943 nous, moi et ma fille, fûmes libérés du camp de Drancy par l'ordre des autorités d'occupation.

Que vu que nos cartes d'identité ont été égarées au cours de notre détention au camp de Drancy, nous nous sommes adressés à la Préfecture de Paris, au bureau 17B, où le permis de séjour d'une très brève durée nous a été accordé, sous la condition de présenter des certificats de non appartenance à la race juive.

Que je ne me reconnais pas juive par les motifs suivants:

1 - Ma grand-mère du côté paternel, DIPOULINE MARIE, femme SCHNEERSON, fut d'origine karaitte.

2 - Mon grand-père du côté maternel, KAGAN KARAN Erastine, ainsi que sa femme, ma grand-mère WAGNINA Sophie, furent tous les deux d'origine karaitte.

194

Qu'en conséquence ayant trois grands-parents non appartenant à la race juive, je ne puis pas être regardé comme juive aux termes de la loi du 2 juin 1941.

Que ma fille Thais ne peut pas être non plus considérée comme juive pour les motifs suivants:

1 - Elle a deux grands-parents du côté paternel: WYSSOTSKY Daniel David et sa femme WAGNINA Anne, sont respectivement catholiques et orthodoxes de naissance.

2 - Sa grand-mère du côté paternel KAGAN KARAN Erastine, femme SCHNEERSON (filz) fut d'origine karaitte.

Qu'ainsi, ayant trois grands-parents non appartenant à la race juive elle ne peut pas être considérée comme juive.

Que mon père SCHNEERSON Simon, converti à la religion orthodoxe dans sa jeunesse, a rompu définitivement tous les liens qui l'avaient attachés à la race juive et resta toute sa vie orthodoxe. Il s'est baptisé d'après les rites de cette religion. Dans sa patrie il n'était pas considéré comme juif parce qu'il se trouvait au service du Ministère de l'Intérieur comme assistant dans un hôpital de Moscou, auquel service les juifs ne pouvaient pas être admis d'après la législation de l'ancien Empire Russe (art 49 du Code des Statuts du service Civil, T. III du Code des Lois de l'Empire Russe édit. 1906)

Que mon mari, WYSSOTSKY Alexandre, a participé en 1917 et 1918 à la guerre civile contre les bolchéviques et qu'après la défaite des armées blanches il n'a pas réussi à quitter la Russie avec nous et fut arrêté au cours des préparatifs à la fuite et déporté en Sibérie, où il se trouve jusqu'ici.

Qu'ayant quitté la Russie furtivement nous n'avons pu prendre avec nous aucune pièce d'identité, ni notes d'état civil, concernant notre famille.

Que maintenant nous ne pouvons pas nous procurer ces actes, parce qu'ils se trouvent aux archives des églises de Petrograd et de Moscou, où sont écrits nos grands-parents.

Que tout ce que nous pouvons présenter pour le moment comme preuves de notre origine, ce sont les déclarations des personnes qui nous connaissent en Russie de longue date et qui peuvent attester la vérité de nos affirmations ci-dessus.

.....
E. W.

- 2 - 33

Par ces motifs,
J'ai l'honneur de solliciter de votre Haute Bienveillance d'ao order et moi et à ma fille Thais des certificats de non appartenance à la race juive.

Veillez agréer,
Monsieur le Commissaire Général, l'hommage de ma gratitude et de mon profond respect.

Eugène WYSSOTSKY

Annexe: acte de naissance, concernant Madame WYSSOTSKY, fait et passé à Paris, 10e rue Copernic n° 11, ex 13 rue de la Fayette, Notaire, enregistré à Paris le 13 Septembre 1943.

Mai - 1943

EF 09105 36

Paroissant Me Henri GUITTON, Notaire à Paris
soussigné

ONT COMPARU:

Madame Catherine GOSSE, veuve de Mouravieff Nicolas, avocate à l'ancienne Cour d'appel de Moscou (Russie), orthodoxe, réfugiée Russe, titulaire d'une carte d'identité sous le numéro: 40-C.E. 70.856, délivrée par la Préfecture de Paris, le neuf décembre mil neuf cent quarante et un demeurant à Paris, 21 bis, rue du Clos Fouquieres

Et Monsieur YVES VINCENTIN Théodore, docteur en médecine, luthérien, réfugié Russe, titulaire d'une carte d'identité sous le numéro 4-SE 97.219 délivrée par la Préfecture de Paris, le dix huit Mars mil neuf cent quarante trois, demeurant à Paris, 68 avenue Suffren.

Lesquels ont, par ces présentes déclaré parfaitement connaître la personne et la famille de Mademoiselle WYSSOTSKY Thais, fille de Monsieur WYSSOTSKY Alexandre et de sa femme légitime: SCHNEERSON Eugénie, née le onze février mil neuf cent dix sept à Copenhague, actuellement détenue au Camp de concentration de Drancy.

et ils ont attesté, comme étant de notoriété publique et à leur connaissance personnelle:

que le grand-père du côté maternel de mademoiselle WYSSOTSKY Thais, SCHNEERSON Simon, docteur en médecine d'origine juive, converti à la religion orthodoxe avant son mariage avec WAGNINA Sophie KARAN Erastine la grande mère de mademoiselle WYSSOTSKY fut au service de l'Etat comme assistant à l'hôpital de Troussou de Moscou et portait le titre de conseiller d'Etat.

que la grand-mère du côté maternel de mademoiselle WYSSOTSKY Thais, Madame SCHNEERSON Erastine née KAGAN KARAN, fut d'origine karaitte.

que le père de mademoiselle WYSSOTSKY Monsieur WYSSOTSKY Alexandre fut d'origine de naissance et que mademoiselle WYSSOTSKY fut baptisée d'après les rites de l'Eglise orthodoxe à Petrograd (Russie) au mois de Mai mil neuf cent dix sept.

Desquelles déclarations, les comparants ont requis acte, ce qui leur a été octroyé, pour servir et valoir ce que de droit.

DONT ACTE en Brevet: -
E. Mouravieff

1000

1000

1000

Fait et passé à Paris, Boulevard de Courcelles, numéro 19, en l'Studio de Me GUITTON, Notaire soussigné,
L'AN MIL NEUF CENT QUARANTE TROIS.
Le onze Mai

Et après lecture faite, les comparants ont été comme ci-dessus désigné avec le Notaire.

E. Mouravieff
Y. Vincentin
Guitton

1943

PARLEVANT Me Henri GUITTON, Notaire à Paris soussigné

KA 87954 37

ONT COMPARE:

Mme Sophie TICHANINOFF réfugiée russe, orthodexe, titulaire d'une carte d'identité sous le numéro 39-A.S.70.447, délivrée le quatre Mars mil neuf cent quarante trois, par le Préfet de Police de Paris, demeurant à Paris, (septième arrondissement), rue des Bouches, numéro 13,

et Mme Olga vouu ROBRONYSLOFF réfugiée russe, orthodexe, titulaire d'une carte d'identité sous le numéro 41-C.P. 30.298 délivrée le six Octobre mil neuf cent quarante et un par le Préfet de Police de Paris, demeurant à Paris, (sixième arrondissement) 1 bis, rue du clos Guignards.

Lesquelles, déclarant, par ces présentes, reconnaître connaître: Mademoiselle Thais ROBRONYSKY, fille d'Alexandre, née à Copenhague (Danemark) en mil neuf cent dix sept, demeurant actuellement à Paris, (septième arrondissement) Courne Robinie, numéro 4,

et elles attestent comme étant de notoriété publique et à leur connaissance personnelle: que le grand père du côté paternel de Mademoiselle Wyssotsky, le sieur Wyssotsky Daniel David, décédé à Moscou en mil neuf cent sept fut catholique de naissance, et que sa femme d'origine Mikobrazoff, née à Moscou en mil neuf cent treize, fut orthodoxe de naissance.

Lesquelles déclarations, les comparants ont requis acte, ce qui leur a été octroyé, pour servir et valoir ce que de droit.

Donc acte en Brevet

Fait et passé à Paris, Boulevard de Courcelles, numéro 19, en l'Étude de Me Henri GUITTON, Notaire soussigné, le huit - Septembre Et après lecture faite, les comparants ont requis acte, ce qui leur a été octroyé, pour servir et valoir ce que de droit.

Donc acte en Brevet

Fait et passé à Paris, Boulevard de Courcelles, numéro 19, en l'Étude de Me Henri GUITTON, Notaire soussigné, le huit - Septembre Et après lecture faite, les comparants ont requis acte, ce qui leur a été octroyé, pour servir et valoir ce que de droit.

Septembre 1943

PARLEVANT Me Henri GUITTON, Notaire à Paris soussigné, 38

ONT COMPARE:

Mme Sophie TICHANINOFF Sophie, réfugiée russe, orthodexe, titulaire d'une carte d'identité sous le numéro 39-A.S. 70.447 délivrée le quatre Mars mil neuf cent quarante trois par le Préfet de Police de Paris, demeurant à Paris (septième arrondissement) rue des Bouches, numéro 13.

Et Monsieur Von HINDEBELLA Théodore, docteur en médecine, réfugié russe, orthodoxe, titulaire d'une carte d'identité sous le numéro 41-C.P. 30.298, délivrée par Monsieur le Préfet de Police de Paris, le huit Mars mil neuf cent quarante trois, demeurant à Paris, avenue Guffran numéro 39,

Lesquelles, déclarant, par ces présentes, reconnaître connaître: Mademoiselle Wyssotsky Madama, orthodoxe, demeurant à Paris, (septième arrondissement) Courne Robinie, numéro 4,

Et ils attestent comme étant de notoriété publique, et à leur connaissance personnelle: que le grand-père du côté paternel de Mademoiselle Wyssotsky Marie, femme Schéneron fut Karaité,

que le grand-Père du côté maternel de Madame Wyssotsky, le sieur Kagan-Karan Zacharie, ainsi que sa femme née Mangoubi Sophie, la grand-mère de Mademoiselle Wyssotsky furent tous les deux d'origine Karaité.

Lesquelles déclarations, les comparants ont requis acte, ce qui leur a été octroyé pour servir et valoir ce que de droit.

Donc acte en Brevet

Fait et passé à Paris, Boulevard de Courcelles, numéro 19, en l'Étude de Me Guitton, Notaire soussigné, le huit - Septembre Et après lecture faite, les comparants ont requis acte, ce qui leur a été octroyé, pour servir et valoir ce que de droit.

Donc acte en Brevet

Fait et passé à Paris, Boulevard de Courcelles, numéro 19, en l'Étude de Me Henri GUITTON, Notaire soussigné, le huit - Septembre Et après lecture faite, les comparants ont requis acte, ce qui leur a été octroyé, pour servir et valoir ce que de droit.

GEORGE MONTANDON
Maître d'Ethnologie
l'Ecole d'Anthropologie

EXAMEN ETHNO-RACIAL
(5 novembre 1943)

TISSOTZKY (Suzanne) - 51 ans

54, rue St-Dominique.

Autrefois affaire de tricots à la main, puis vendeuse d'antiquités.

Née le 14 Juillet 1892 à Iouriev (Dorpat), (Russe); l'est encore (réfugiée).

39

Aucun papier sans récépissé de demande de carte d'identité.

ANTECEDENTS THIRI (de son propre raciaux) :

Mère orthodexe, baptisée - sa naissance à Iouriev ou près de Smolensk étant donné qu'elle a vécu les 4 premières années de sa vie, appartenant à l'église du lieu vraisemblablement, comme sa famille.

Mariée religieusement à Londres en 1916 dans l'église de l'ambassade russe.

Un enfant, Thais (Thaisa ou Thaisa en russe) qui a été baptisée à l'Église de Pétersbourg.

A Iouriev pour la première ou peu de mois, puis près de Smolensk dans une propriété du grand-tère maternel, puis à Moscou, puis à Londres, en 1914 un peu après la déclaration de la guerre.

Restant un jour en Belgique avec son père et son frère, la guerre éclata, et elle partit pour l'Angleterre avec eux. Là, rencontrant le nouveau son futur mari qu'elle connaissait déjà à Londres.

Epouse à Londres en 1916 Alexandre TISSOTZKY. Né à Moscou, Russe, orthodoxe, fonctionnaire au Ministère des Affaires étrangères; doit être en Sibirie; résidence :

PÈRE : Daniel
MÈRE : Anna née TICHONRAJOW.

Salomon

PÈRE : (Salomon par baptême) SCHENBERSON, né à Kharkov, Russe, d'ethnie juido-russe, juif converti dans la vingtaine, Dr en médecine, occupant position dans l'administration de l'Etat, à Moscou, mort à Kislovodsk (Caucase).

Grand-père pat. : Salomon dit Salomon SCHN., Russe, juif, commerçant à Kharkov.

Grand-père mat. : Maria née DJIGUIT (comme le nom de la peuplade juive caucasienne), née en Crimée, de religion karaité.

MÈRE : Emel'ine née KAGAN-KARAN, née à Smolensk, Russe, de religion orthodoxe, morte à Moscou.

Grand-père mat. : Zacharie K.-K., né à Rostov 3, Russe, karaité devenu orthodoxe, certaines de forêts en Crimée et près de Smolensk où vivait plutôt, puis à Moscou, mort là.

Grand-père mat. : Sofia née MANGOUBI, née à Taganrog, Russe, karaité devenue orthodoxe, morte à Moscou.

1 frère Boris, essent par la Bolcheviki dans les files Soloviel.

D'origine, fut avec sa fille, le 25 novembre 1942, emmenée à Drancy; elle en sortit le 13 août, libérée par le Capitaine BRUNNER et fut ramenée à l'Av. Foch. La Préfecture les envoya pour leur mariage à Gisors.

Elle parle français avec accent.

Parle bien le russe, sans accent.

TISSOTZKY : Type alano-catalbique correspondant à un type slave bruni :

- traits oculaires un peu rétrécis;
- oreilles plus fortement marquées que la moyenne;
- nez un peu aplati et court;
- lèvres bien dessinées;
- visage très fort que la supériorité.

Les deux premiers caractères pourraient être considérés comme les restes d'une ascendance juivo-...

CONSIDÉRATIONS GÉNÉRALES ET CONCLUSION : voir feuille de sa fille.

E. MONTANDON
 de Ethnologie
 Ecole d'Anthropologie EXAMEN ETHNO-RACIAL
 (2 novembre 1943)

40

Mlle WISSOTZKY (Thais) - 26 ans.
 54, rue St-Dominique.
 A dans l'orthodoxie, sa santé ne le lui permettent pas.
 Née le 11 février 1917 à Copenhague.
 N'a jamais été mariée.

Aucun papier ou carte d'identité d'étrangère.

ANTECEDENTS ETHNIQUES (ou proprement raciaux) :
 Mère orthodoxe, mari de l'orthodoxe.

Ascendance : voir au verso Mme WISSOTZKY (Danoise).

RACE BIEN DÉFINIE :
 Cheveux bruns, très verdâtre.
 Visage allongé, nez pâle ; serait atteint de pulvérisation.
 Type slave, mais le caractère plutôt subarctique.

En tout cas la race n'est pas juive.

CONSIDÉRATIONS GÉNÉRALES valables pour la mère et la fille :
 Le sousigné ne sait rien des raisons qui auraient fait libérer les exilés de Drancy. Si les dites ont en effet une allure aryenne, elle est due au monde d'artistes puisque la fille voulait devenir danseuse dans lequel elles ont évolué. Il est cependant difficile au sousigné de les tenir pour non-juives et cela pour les raisons suivantes.
 Mme WISSOTZKY prétend son mari orthodoxe ; s'il est vrai qu'il ait été fonctionnaire, il pourrait avoir été un juif converti puisqu'il suffisait d'un juif de se convertir pour être considéré comme aryen. Mais le sousigné a déjà trouvé 7 WISSOTZKY juifs dans les cinémas parisiens : 2 à Bagnoux et 5 à Montparnasse.
 Quant à l'ascendance, l'examiné plaide 1/4 juif (SCHNEERSON) contre 3/4 karaïme (ceux-ci devenus ultérieurement orthodoxes) : DJIGUIT, KAGAN (ou KOHEN) - KARAN et MANGOUBI. Questionné à ce sujet personnellement les karaïmes de Paris à Paris a répondu, sans connaître personnellement les examina, que le patronyme MANGOUBI pouvait passer pour vraiment karaïme (il y a en Crimée une ancienne forteresse dite Mangoubi-Eyik), que celui de DJIGUIT était acceptable, mais que celui de KARAN-KARAN, ce second terme surtout, leur était inconnu.
 Le sousigné estime qu'à Paris il faut se méfier de qui prétend être karaïme ou descendant de karaïmes inconnus personnellement du comité karaïme de Paris. Que l'examiné mère ait une connaissance des comités karaïmes de Paris, il est aussi certain que son nom crié, c'est certain, mais il est aussi certain que son père était juif et que son mari l'était peut-être aussi — et il ne faut pas oublier que les karaïmes représentent tout de même, religieusement, une secte hébraïque, que, par tolérance — à cause de leur non-talmudisme et d'une réalité à prédominance non-juive — on fait bénéficier d'une mesure d'exception dans le traitement de la question juive.

(Suite au verso)

La mère, pour prouver son orthodoxie, a dit au sousigné qu'elle se rattache aujourd'hui principalement à la rue Pétel — or c'est là une piètre recommandation, la rue Pétel étant extrêmement douteuse au point de vue orthodoxe et le père Athanase fabricant des faux.
 Ces deux auraient finalement de pouvoir pénétrer momentanément dans leur appartement, 4, Square Robiac, actuellement sous scellés, car, disent-elles, elles trouveraient là des pièces qui appuieraient leurs dires.

CONCLUSION :
 Le sousigné appuie cette dernière suggestion pour autant qu'elle soit réalisable.
 Si elle n'est pas réalisable ou si les examina n'apportent rien de plus, le sousigné estimerait que la mère et la fille sont des demi-juives, ~~qu'elles~~ que, jusqu'à l'élaboration d'un statut des demi-juives, il y aurait lieu de considérer comme juives.

13 novembre 1943

29. Dezember 1943

Frau
 Eugénie Wissotzky
 4, Square Robiac
 Paris

IV B - Bds - Rb./St.

In Verfolg Ihrer abstammungsmässigen Untersuchung eruche ich Sie, am 11.1.1943, 8 Uhr, in meiner Dienststelle Avenue Poch 82, 4. Stock, zu erscheinen.

Im Auftrage:
 Obersturnführer

2) Jv. 11.1.1943

Handwritten notes: 30.1.1943, 77/1744

COMMISSAIRE AUX QUESTIONS

S.P.
 J.R./M.E.W./OB.
 12 336 P

Handwritten: 42 THAIS, 1943

Handwritten: Friedrich nach Lippmann in Gegen hat eines ...

Zu Hb

Betreff: WISSOTZKY Eugénie, geborene SCHNEERSON und ihre Tochter
 -~~Thais~~ - geb. 11.2.1917 in KOPENHAGEN (Dänemark) geboren.
 - Versiegelung der 4, Square Robiac gelegenen Wohnung.

Ich erinnere an obgenannte Angelegenheit, in welcher die in Frage kommenden Personen, die früher im Konzentrationslager von DRANCY interniert waren, von dort entlassen worden sind.

Die beiden Frauen wurden einer ethno-racialen Untersuchung unterzogen. Professor MONTANDON schlägt in den Schlussfolgerungen seines Berichtes vor, ihnen vorläufig die Rückkehr in ihre 4, Square Robiac gelegene Wohnung zu gestatten, da ihnen dort gewisse Schriftstücke zugänglich sein könnten, welche als Belege für ihre Behauptungen dienen und die Bestimmung ihrer rassischen Zugehörigkeit erleichtern könnten.

Ich teile Ihnen diesen Vorschlag des Herrn Professor MONTANDON mit, damit Sie beurteilen mögen, ob er Ihnen durchführbar erscheint.

Für den Commissaire Général,
 le Directeur du Cabinet.

Handwritten: J. Robic, 18.1.43

Handwritten: 27/12

ÉTAT FRANÇAIS

PARIS, le 15. Dezember 1943

1. Place des Petits-Pères (7e)
+ Courant 0122
+ Outillage 29-30

ALCOMMISSAR FUER JUDENFRAGEN

An den Befehlshaber
herbertspolizei und des S.D.
eich des Militärbefehlshabers
in Frankreich
82, Avenue F o c h
PARIS

Zu Ha *11/11*

an SS-Obersturmführer ROETHKE -

Betrifft: **WISSOZKY Eugénie**, geborene **SCHNEPSON** und ihre Tochter
~~geb. am 11.2.1917 in KOPENHAGEN (Dänemark) geboren.~~
- Versteigerung der 4, Square Robiac gelegenen Wohnung.

Ich erinnere an obgenannte Angelegenheit, in welcher die in Frage kommenden Personen, die früher im Konzentrationslager von DRANCY interniert waren, von dort entlassen worden sind.

Die beiden Frauen wurden einer ethno-racialen Untersuchung unterzogen. Professor MONTANDON schlägt in den Schlussfolgerungen seines Berichtes vor, ihnen vorläufig die Rückkehr in ihre 4, Square Robiac gelegene Wohnung zu gestatten, da ihnen dort gewisse Schriftstücke zugänglich sein könnten, welche als Belege für ihre Behauptungen dienen und die Bestimmung ihrer rassischen Zugehörigkeit erleichtern könnten.

Ich teile Ihnen diesen Vorschlag des Herrn Professor MONTANDON mit, damit Sie beurteilen mögen, ob er Ihnen durchführbar erscheint.

Pour le Commissaire Général,
Le Directeur du Cabinet.

7. Nov.
am 11.11.43
8 400 form
12/2/42

! !

Paris 193
4443

Memoir

Je me permets de vous adresser ces quelques lignes pour attirer votre attention sur un cas juif tout particulièrement scandaleux.

Une certaine Madame Eugénie Wissozky habitant actuellement à l'Hôtel du Pavillon 52 rue Saint-Dominique qui est une jeune juive avait été arrêtée il y a plus d'un an, ne s'étant pas conformer au règlement de porter d'étiquette alors qu'elle avait été reconnue comme juive.

Mais grâce à des complaisances et à de faux renseignements donnés par elle, elle parvint à se faire libérer ainsi que sa fille THAIS Wissozky qui habite avec elle.

Ces deux dames se vantent maintenant d'avoir pu dupes les autorités allemandes et que c'était même un grand honneur.

allemant qui lo portegenit ce doit si beaucoup. Et le comble de tout c'est que THAIS Wissozky veut d'être reconnue non juive.

Madame Eugénie Wissozky est d'ailleurs la femme fort connue Robiac et sa mère était née Hagd quant à sa fille THAIS Wissozky elle est née à Copenhague.

sa juive était Samuel Abraham Michel Wissozky

En espérant Monsieur que vous ferez mettre fin à une telle audace. Veuillez agréer mes très sincères salutations et mes sentiments distingués.

Charles Billange

4443
29.11.43

1.3. Bundesarchiv. Norddeutscher Bund und Deutsches Reich (1867/1871-1945). R 70 Deutsche Polizeidienststellen in Frankreich / 31. S. 71-76RS. JOFFE

PRÉFECTURE DE POLICE

Direction de la Police Judiciaire
Sous-Direction des Affaires Juives

LISTE N° 30 N° 76

Dat. d'exécution 2.9.43

Décision ou situation **laissé libre aryan**

NOM et Prénoms **JOFFE Boris**

Date et lieu de naissance 8.5.19 Omsk

Carte d'identité Pas n° 39 AC 05450 val. au 25.9.43 dé-livrée P.F. le 25.9.42 sans mention

Profession **ingénieur**

Domicile **4 square Emile Zola Paris**

Provision de scellés **non**

Reservations **Le susnommé a été reconnu non juif par le Commissariat Général aux Questions Juives en date du 3.5.43.**

est un converti?

Inspecteurs **GUDEPIN LAPARRE**

1.) **Schreiben:** *Vfg.*

Der Kommandeur
der Sicherheitspolizei und des SD
in Paris.

Paris, den 16. November 1943.

An den
Generalkommissariat für Judenfragen,
Paris,
1, Place des Petits Pères.

Betr.: **JOFFE Boris**, geb. 8.5.1919 in Omsk, wohnhaft in Paris,
4, square Emile Zola.

Vorg.: ohne.

Ich erlaube um Mitteilung auf Grund welcher Unterlagen der Obgenannte als Nichtjude anerkannt wurde.
Die Länge seine Abstammungsverhältnisse?
Ist sein Vater oder seine Mutter Jude oder jüdischer Mischling?
Ich erlaube den dortigen Bericht bis 19.12.1943.

In Auftrage
Witt
Hauptsturmführer.

COPIE 730

ADMINISTRATION GENERALE DE L'ASSISTANCE
PUBLIQUE CONSULTATION KATZERS

29 Octobre 1943

Je soussigné, Docteur Lucien MAILLET
certifie que Monsieur Boris JOFFE, 4,
Square Emile Zola, ne présente pas de
circonspection.

Signé: **D. L. MAILLET**

COPIE 75
72

Sawatij

Par la grâce de Dieu, Archevêque de PRAGUE et de toute la Tchéco-Slovaquie N° 263/39

OBJET: Appartenance à l'Eglise.

Nous confirmons, par les présentes, que Monsieur Boris JOFFE, citoyen letton, né le 8 Mai 1919 à OMSK, Russie, appartient à l'Eglise orthodoxe gréco-orientale

signé: Archevêque Sawatij
PRAGUE le 18 Mars 1939 (LS)

Pour traduction certifiée conforme à l'original en langue allemande, que j'ai visé "ne varietur" sub. N° 9640

Le 12 Octobre 1942
signé: illisible.

(Copie) /JD 74
71

TRADUCTION officielle jurée du Russe
N° 9838

Archimandrite Athanase Recteur de
l'Eglise des Trois Saints Docteurs
du Patriarcat de Russie
5, Rue Petel
PARIS XV°

CERTIFICAT

Je, soussigné, Curé de l'Eglise des Trois Saints Docteurs de PARIS CERTIFIE par les présentes sous ma signature et apposition du sceau de l'Eglise, que Benjamin JOFFE, orthodoxe, né de mère orthodoxe: Alexandra Takovlevna OBODOVSKAYA et de père inconnu, et que son fils Boris JOFFE, orthodoxe, sont tous deux, depuis ces dernières années, paroissiens de l'Eglise des Trois Saints Docteurs de PARIS, 5, Rue Pétel (XV°).

Le Curé de l'Eglise des Trois Saints Docteurs de PARIS
(signé Archimandrite Athanase)
Le 24/1/1942 (LS)

COMMISSARIAT GÉNÉRAL
AUX QUESTIONS JUIVES

ÉTAT FRANÇAIS 76
73

PARIS, le 2. Dezember 1943 194

I. Place des Petits-Pères (2°)
- Cabinet 01-52
- GUTENBERG 39-50

S.P.
L.P./MEM/AK/AL

Der GENERALKOMMISSAR FUER JUDENFRAGEN

An den Kommandeur der Sicherheitspolizei und des S.D. im Bereich des Militärbefehlshabers in Frankreich
11, Rue des Saussaies
PARIS

Empfohlen
29994

Zu Händen von Herrn Hauptsturmführer BOLLE.

Betreff: JOFFE Boris, geboren am 8.5.1943, in PARIS, 4, square Emile Zola wohnhaft.

Bezug : Ihr Schreiben IV B vom 15.11.1943. F.S./G.O.

In Beantwortung des o.a. Schreibens, mit welchem Sie bei mir angefragt haben, auf Grund welcher Unterlagen JOFFE als Nichtjude anerkannt wurde, teile ich Folgendes mit:

Aus den vorgelegten Dokumenten geht hervor, dass der Betreffende mütterlicherseits jüdischer und väterlicherseits arischer Abstammung ist.

Sein Vater, JOFFE Benjamin, ist der uneheliche Sohn einer orthodoxen Mutter und eines unbekanntem Vaters. Er wurde durch einen gewissen JOFFE Salomon adoptiert.

Da Herr JOFFE Boris von einem unbekanntem Grossvater väterlicherseits, einer orthodoxen Grossmutter mütterlicherseits und von zwei jüdischen Grosseltern mütterlicherseits abstammt, und da er nicht beschritten ist, wurde er in für ihn günstiger Auslegung als Nichtjude angesehen.

Abbei die Abschriften der betreffenden Belege:

- 1) Zeugnis über das Nichtbeschrittensein des Betreffenden
- 2) Bescheinigung, dass er der orthodoxen Religion angehört
- 3) Bescheinigung, dass der Betreffende orthodoxe ist und von einem unbekanntem Vater und einer orthodoxen Mutter abstammt.

3 Anlagen.

Pour le Commissaire Général
Le Directeur du Cabinet.

Der Kommandeur der Sicherheitspolizei und des SD in Paris

IV B
PS.

Urschriftlich mit Vorgehen g.L.
An Referat IV B/St -RMS-

Paris, den 21.11.1943.

Der beigelegte Vorgehen wird mit der Bitte um Nachprüfung der Abstammung des Vorgen. überreicht.
Ich bitte sich gelegentlich darüber zu unterrichten ob JOFFE von dort aus als Jude oder Nichtjude betrachtet wird, da gegf. von hier aus seine Festnahme vorgesehen ist.

Hof. Kaelernick
11.11.43

SS-Hauptsturmführer

Der Betreffende ist ein arischer Mensch, dessen Abstammung nicht jüdisch ist. Er ist ein orthodoxer Christ und hat eine orthodoxe Mutter. Seine Abstammung ist nicht jüdisch. Seine Abstammung ist nicht jüdisch. Seine Abstammung ist nicht jüdisch.

16/11/43

Приложение 2. Сводная таблица по судебным делам о принадлежности к еврейской расе в отношении эмигрантов из Российской империи

Таблица Судебные дела о принадлежности или непринадлежности к евреям в отношении эмигрантов из Российской империи.

	РЕЗА ЭЛИАС	ВЫСОЦКАЯ ЕВГЕНИЯ	ВЫСОЦКАЯ ТАЯ	ИОФЕ БОРИС
Место и дата рождения	5 июля 1918 г., Москва	19 июля 1892 г., Юрьев (Дерпт)	11 февраля 1917 г., Копенгаген	8 мая 1919 г., Омск
Дата осмотра	17 мая 1944 (26 лет)	5 ноября 1943 г. (51 год)	6 ноября 1943 г. (26 лет)	Нет
Место заключения	Дранси	Дранси	Дранси	Нет
Проживание до заключения	53, улица де ля Буффа, Ницца. Инженер путей сообщения - студент Национальной школы в Париже	4, сквер Робиак 54, рю Св. Доминика	4, сквер Робиак 54, рю Св. Доминика	сквер Эмиля Золя, 4 (Париж)
Миграции	Россия, Москва – 1921 Германия, Берлин – 1925 Франция, Париж – 1930 Франция, Ницца 1939-1944 – студент, Париж	Россия – 1914 Бельгия – 1914 Великобритания – 1917 Дания – 1917 Россия – Франция	Дания – Россия – Франция	Россия, Омск – Латвия – Франция, Париж
Обрезание	Да, в 3 года			Нет, мед.закл-е от 29 октября 1942 г.
Фенотип	Длина головы средняя. Волосы слегка выются. Орлиный нос. Широкая нижняя губа, выступающая вперед. В общем и целом анатомический тип, с индусообразными чертами (подчеркнуто), как у жителей Ближнего Востока	восточнобалтийский, относящийся к выраженному славянскому типу: Глазные щели немного сужены; Скулы выражены сильнее среднего; Нос немного толстоват, впалый; Носогубное пространство возвышено; Нижняя губа немного толще верхней. Последние две характеристики могли бы считаться остатками еврейского происхождения.	Волосы коричневые, глаза (нечетко) зеленоватые. Лицо выгнутое, немного бледное (может быть признаком легочного заболевания). Тип смешанный, но в основе своей скорее субнордический. В любом случае внешность не еврейская.	
Обоснование	-карточки родственников по восходящей линии из переддекого консульства -консультация с мусульманами	Требование явиться по расследованию дела о происхождении 1 января 1943 г. на авеню Фош	Требование явиться по расследованию дела о происхождении 1 января 1943 г. на авеню Фош	-мед.заключение об отсутствии обрезания от 29 октября 1942 г. доктора Люсьена Майе - Справка о принадлежности к

	(ономастика, топонимика)	<p>-Ходатайство Генеральному комиссару по еврейскому вопросу от 28 сентября 1943</p> <p>-Свидетельские показания от 10.9.43 – Винтерфельдт Теодор и Тишанинова София, заверено нотариусом, в подтверждение того, что бабушка по отцовской линии, бабушка и дедушка по материнской линии были караимского происхождения</p> <p>- Отчет профессора Жоржа МОНТАНДЮНа от 5 ноября 1943 г. (осмотр)</p> <p>-донос Шарля Белланжи (февраль 1942 или 1943)</p>	<p>-Ходатайство Генеральному комиссару по еврейскому вопросу</p> <p>-Свидетельские показания от 11.5.43 – Винтерфельдт Теодор и Муравьева Екатерина, заверено нотариусом, в подтверждение факта крещения в Петрограде в 1917 г. и факта службы деда по мат. линии Шнейерсона Сямеона в Яузсом госпитале и переходе его в православие</p> <p>-Свидетельские показания от 8.9.43 – Тишанинова София и Зайцева Ольга, заверено нотариусом, в подтверждение того, что дед по отцовской линии был католиком по рождению, а бабушка по отцовской линии была православной по рождению</p> <p>- Отчет профессора Жоржа МОНТАНДЮНа от 6 ноября 1943 г. (осмотр)</p> <p>-донос Шарля Белланжи (февраль толи 1942, толи 1943)</p>	<p>православной вере от 18 марта 1939 г. за подписью архиепископа Пражского Саватия (перевод на немецкий от 12 октября 1942 г.)</p> <p>- Справка о том, что отец православный и происходит от неизвестного отца и православной матери от 24 января 1942 за подписью архимандрита Афанасия, приход Церкви трех святых отцов в Париже по адресу: Рю Петель, 5 (15-й округ)</p>
Заключение	семья РЕЗА принадлежит к исламу, но у нее были или есть связи с евреями. она может рассматриваться как нееврейская при условии, что	подписавшийся признал бы мать и дочь наполовину евреями, что до выработки статуса наполовину евреев следует трактовать, как еврейки.	подписавшийся признал бы мать и дочь наполовину евреями, что до выработки статуса наполовину евреев следует	Отпущенный на свободу арнец Вышеуказанный был признан неевреем Генеральным Комиссариатом по еврейским

	она будет эвакуирована в Иран.	Для закл-я осмотрел кладбища Парижа (7 Высоцких-евреев), проконсультировался в Карамимском комитете Парижа, которому дамы лично неизвестны, фамилии тоже (подозрит.отн-е к тем, кто заявляет себя караимами) Мать в доказательство своей православной веры сказала подписавшемуся, что она главным образом прикреплена к приходу на рю Петель – но вот это-то плохая рекомендация. Приход на рю Петель считается крайне подозрительным в вопросе православной веры, а отец Афанасий – в выписывании фальшивых документов.	трактовать, как еврейки.	делам 3.3.43
Дата письм. Заключения Особенности	30 мая 1944 г. В КОНЕЧНОМ ЗАКЛЮЧЕНИИ относительно MENASCHE ? из Дранси (26 мая 1944 г.), случаи перехода евреев в другую религию, также практикующую обрезание (как ислам), неизвестны. Следовательно, вопрос в том, чтобы узнать, являются ли РЕЗА бывшими евреями или нет.	18 ноября 1943 г. запрос о происхождении от охранки в ген.комиссариат по еврейскому вопросу от 15 декабря 1943 г. (по доносу) задержана и отправлена в концентрационный лагерь Дранси со своей дочерью Тальей ВЫСОЦКОЙ в ноябре 1942 г. по анонимному доносу по обвинению в еврействе имя трех бабушек и дедушек, не принадлежавших к еврейской расе, я не могу считаться еврейкой согласно условиям закона от 2 июня 1941 г. (у дочери 1942 г. в письме указан)	18 ноября 1943 г. запрос о происхождении от охранки в ген.комиссариат по еврейскому вопросу от 15 декабря 1943 г. (по доносу) Не будучи еврейкой в соответствии с указом от 2 июня 1942 г., я не была включена в списки. Я была задержана по доносу в прошлом ноябре. (1942)	2 сентября 1943 г., инспектор Гудфин Лапар 16 ноября 1943 – запрос охранки и СД о проверке статуса нееврея. На обороте пометки от 21.12.1943, подпись Каберник Прилагаемое дело вручается с просьбой повторной проверки происхождения упомянутого лица.

		<p>Задержана по доносу вместе с дочерью 25 ноября 1942 г., сослана в Дранси, откуда они вышли 3 августа, освобожденные капитаном БРЮННЕРом (Brunner), пришли также на авеню Фош. Префектура отправила их на урегулирование вопроса.</p> <p>(из закл-я проф. Монтандона)</p>		
--	--	---	--	--

Приложение 3.

Анкета, составленная для русских эмигрантов

ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 69. Л. 349-349 об.

Анкета. “” августа 1941 г.

1. Фамилия
2. Имя и отчество.
3. Год рождения.
4. Место рождения.
5. Семейное положение.
6. Вероисповедание.
7. Образование.
8. Чин или звание и посл.
место службы до
перех. на бежен. пол.
9. Профессия в эмиграции.
10. К какой организации в эмиграции принадлежит
11. Знание иностранных и
российских языков и наречий
12. Какую часть России хорошо знает
13. Особые знания и особые пожелания
14. Состояние здоровья
15. Адрес
16. Лица, рекомендующие Вас (два)

На обороте:

Я, нижеподписавшийся, изъявляю свое добровольное желание принять действенное участие в борьбе, начатой Германской Империей в СССР против жидовско-коммунистической власти.

Я заявляю, что готов вести эту борьбу в любой ее отрасли и на любом посту, указанным мне представителями национал-социалистической Германии.

Подпись:

Приложение 4.

Песнь партизан (сл. и муз. А. Марли) Russian (1942)	Chant des Partisans (сл. Ж.Кессель и М.Дрюон, French (1943)	муз. А. Марли)
От леса до леса Дорога идет Вдоль обрыва,	Ami, entends-tu Le vol noir des corbeaux Sur nos plaines?	Ami, si tu tombes Un ami sort de l'ombre A ta place.
А там высоко Где-то месяц плывёт Торопливо...	Ami, entends-tu Les cris sourds du pays Qu'on enchaîne?	Demain du sang noir Séchera au grand soleil Sur les routes.
Пойдём мы туда, Куда ворон не влетит, Зверь не входит,	Ohé! partisans, Ouvriers et paysans, C'est l'alarme! Ce soir l'ennemi	Sifflez, compagnons, Dans la nuit la Liberté
Никто, никакая сила Нас не покорит, Не отгонит!	Connaîtra le prix du sang Et des larmes!	Nous écoute...
Народные мстители, Мы отобьем Злую силу,	Montez de la mine, Descendez des collines, Camarades! Sortez de la paille Les fusils, la mitraille, Les grenades...	
Пусть ветер свободы Засыпет И нашу могилу...	Ohé! les tueurs, A la balle et au couteau, Tuez vite!	
Пойдем мы туда И разрушим до конца Вражьи сети,	Ohé! saboteur, Attention à ton fardeau: Dynamite!	
Пусть знают как много За правду нас легло Наши дети!...	C'est nous qui brisons Les barreaux des prisons Pour nos frères, La haine à nos trouses Et la faim qui nous pousse, La misère... Il y a des pays Où les gens au creux de lits Font des rêves; Ici, nous, vois-tu, Nous on marche et nous on tue, Nous on crève. Ici chacun sait Ce qu'il veut, ce qu'il fait Quand il passe...	

Приложение 5.

Карриатура на оккупационный режим // Bundesarchiv. SgY9 Emigration in Frankreich während des Zweiten Weltkrieges 1939-1945 / V231/3/15. S. 56 A bas le marché brun

